

Н.М. Будаев

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Центр археологических и этнографических исследований

Н. М. Будаев

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Москва
ТЕЗАУРУС
2012

ББК 81.2-3:63.5

УДК 811.512.1+391(=512.1)(=35)

Б903

Рецензенты:

Залиханов М. Ч., академик РАН (г. Москва)
Биттирова Т. Ш., доктор филологических наук (г. Нальчик)
Кипкеева З. Б., доктор исторических наук (г. Ставрополь)
Лайпанов К. Т., кандидат исторических наук (г. Черкесск)
Хатуев Р. Т., кандидат исторических наук (г. Карачаевск)
Шаманов И. М., кандидат исторических наук (г. Черкесск)
Джуртубаев М. Ч., заслуженный деятель науки КБР (г. Нальчик)
Каранфил Г., кандидат филологических наук

Автор книги благодарит

Академика РАН М. Ч. Залиханова, заслуженного деятеля культуры КБР М. Ч. Кудаева за помощь в издании настоящей книги и предоставленные материалы по народам Северного Кавказа.

Научный институт тюркологии (г. Москва) за представленные материалы по древним тюркам и Золотой Орде.

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке академика М. Ч. Залиханова

Издание публикуется в авторской редакции.

Будаев Н. М.

Б903 **Очерки истории одежды народов Северного Кавказа. Монография.**
– М.: ТЕЗАУРУС, 2012. – 168 с., цв. ил.: 8 с.

ISBN 978-5-98421-183-3

В монографии рассматривается историко-культурный аспект становления традиционной одежды народов Кавказа, корни которой уходят в древний мир кочевников Евразии. Анализируя терминологию традиционной одежды народов Кавказа, автор выявил мощный пласт тюркской лексики практически у всех народов данного региона, поэтому в центре исследования автора лексика, обозначающая одежду и ее части у народов Северного Кавказа. Автор провел тщательный лингвистический анализ указанной терминологии и пришел к выводу о значительном тюркском влиянии в развитии культуры одежды народов Северного Кавказа. В работе систематизированы и выявлены корневые основы многих наименований предметов верхней одежды. Книга адресована прежде всего лингвистам, историкам, этнологам, а также будет полезна и интересна всем, интересующимся историей и этнографией России.

На передней обложке: Знатный всадник Хазарского каганата сер. IX в. (Дмитриевский археологический комплекс, катакомба № 106).

На задней обложке: Знатный хазарский лучник сер. IX в. (Дмитриевский археологический комплекс, катакомба № 55). Реконструкция по раскопкам С.А. Плетневой.

ISBN 978-5-98421-183-3

© Будаев Н.М., 2012

© КЧГУ, 2012

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
I. ИЗОБРЕТЕНИЕ ОДЕЖДЫ	14
1. Скифо-сарматский период	14
2. Эпоха средневековья (гунны, хазары, аланы, печенеги и половцы)	23
3. Казаки или черкасы	49
II. ПРЕДМЕТЫ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ	64
1. Головные уборы	64
2. Верхняя одежда	68
3. Чекмень, черкеска, чоха, архалук	72
4. Бешмет	78
5. Аба	81
6. Бурка, гебенек, габара, тон	83
7. Пояс, газыри, кинжал, шашка	90
8. Кожа, войлок	101
9. Обувь	105
10. Веретено, швейные инструменты	109
11. Ткачество	111
12. Термины сукна	114
13. Хозяйственные и этнокультурные контакты	115
III. ПРЕДМЕТЫ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ	120
1. Головные уборы	120
2. Платки, шали	123
3. Женские украшения	126
4. Женская рубашка	129
5. Нагрудник	135
6. Орнамент	138
7. Распашное платье	142
8. Каптал	148
9. Сумочка, кисет	149
10. Цвет и одежда	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СОКРАЩЕНИЯ	160
ЛИТЕРАТУРА	162

ВВЕДЕНИЕ

Каждый народ являет собой уникальный неповторимый мир, со своими знаниями и представлениями, своей материальной и духовной культурой. Главной же задачей всякого народа является воспитание следующих поколений, передача потомкам опыта и знаний предков. Однако по ряду причин передаваемой информации оказывается недостаточно, и приходится собственными силами восполнять некоторые «темные места», проводя исторические исследования, вникая в жизнь предков на многие поколения назад. Данное исследование также направлено на заполнение исторических пробелов и посвящено одной из значимых сторон материальной культуры – одежде, анализ особенностей которой (крой, техника шитья, украшения, расцветка, материал, манера ношения, терминология) может дать дополнительную информацию для воссоздания исторической картины, в нашем случае это будет историческая картина народов Кавказа. История одежды неразрывно связана с историей народа, и для ее изучения могут быть привлечены те же инструменты, которые используются для изучения истории вообще – археология, лингвистика, этнография, источниковедение. Фокусируя результаты, полученные с помощью отдельных прикладных наук, в одну точку, можно надеяться получить наиболее целостную картину по поднятому вопросу, поскольку отдельные дисциплины могут дополнять друг друга. Когда исчерпываются возможности одной дисциплины, на помощь приходит другая. К примеру, лингвисты дают свои датировки, привлекая данные археологии, а историки уточняют свои представления о динамике этнических процессов, пользуясь данными лингвистики. Иногда исследования лексического материала могут привести к открытиям, равносильным археологическим находкам. Порой это может оказаться ключом к пониманию некоторых вопросов этногенеза и исторических связей.

Изучение одежды может дать ценную информацию об образе жизни этноса, о формах хозяйствования, об иерархическом и

племенном расслоении общества, сведения о географии расселения, а также данные о контактах с иными народами. Как правило, форма одежды, оружие, орнамент и цвет, украшения обозначали родовую или племенную принадлежность. Всё это имеет исключительное значение для этногенетических исследований. Племена, разработавшие те или иные формы одежды, орнамента, элементов материальной культуры, надолго сохраняют свои изобретения. Части или группы распавшегося племени нередко расходятся, теряют связь между собой, но орнамент и названия основных элементов одежды продолжают хранить старые традиции, свидетельствуя о древней общности этих групп. При изучении одежды кавказских народов следует обратить внимание на одну особенность – на Кавказе, пестрящем народами и племенами, с разными языками и религиями, преобладает практически единый тип национальной одежды. Кроме Северного Кавказа данный тип одежды присущ некоторым областям юга России, Украины и Закавказья. Напрашивается закономерный вопрос о едином источнике кавказской одежды (гипотезы о совместном изобретении одежды многими народами Кавказа или же изобретении каждым народом в отдельности одинаковой одежды исключаются, как маловероятные, также маловероятной выглядит гипотеза о последовательном диффузном распространении одежды путем заимствования у соседних народов). Распространение на многие народы столь значимого элемента материальной культуры, как национальный костюм, – явление не рядовое, и должно быть обусловлено вескими причинами, требующими, кроме прочего, достаточно длительного времени. Определение этих причин станет ключом к тайнам происхождения кавказской одежды. Единственно возможной причиной столь широкого распространения однотипной одежды может служить некая культура, в зоне влияния которой могли длительное время находиться народы, объединенные сегодня кавказской одеждой. Скорее всего, это распространение происходило в

рамках одного государства, а таковых на Северном Кавказе было немного – Аланское царство и Хазарский каганат, и в последующем – Золотая Орда.

При изучении истории костюма кавказских народов ценными являются сведения более раннего времени, поскольку одежда средневекового периода может дать много информации о становлении более поздних форм костюма. Одежда относится к числу устойчивых этнических признаков и дает богатый материал для познания национальной культуры народа. Данные археологии, а также средневековые каменные изваяния тюркских народов являются дополнительным материалом, позволяющим судить о форме и покрое одежды. Следует отметить, чем глубже мы заглядываем в историю Кавказа, тем отчетливее выявляются ее связи с тюркским кочевым миром. Утвердившийся в исторической литературе термин «кочевой» воспринимается в довольно утрированной форме. В контексте сегодняшних реалий он не совсем отвечает показателям современных исследований. Поскольку выясняется, что эти «кочевники», оказывается, могли строить белокаменные города (Саркел, Маджары, Хумара, Беленджер, Семендер, Итиль, Булгар), изготавливать монументальные каменные изваяния, чеканить свои монеты и многое другое. Существует ошибочное представление о древних тюрках как исконных степняках, которые жили только в степи. А между тем значительная часть тюркских племен обитала в горных и предгорных районах, богатых пастбищами. В тех случаях, когда тот или иной народ переставал кочевать, отгонное скотоводство всегда сохранялось. Кроме того, все представители тюркских народов: степняки, кочевые и оседлые – продолжали оставаться всадниками в быту, на войне, при жизни и после смерти. Арабский историк XIII века Ибн-ал-Ибри, подытоживая свои впечатления, описывает тюрков так: «Что касается тюрков, это многочисленный народ, главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны» [256]. В этой связи возникает вопрос, который также требует научного обоснования. Откуда они брали железную руду и уголь, где плавил и ковали оружие? А сколько металла по-

требуется, допустим, для вооружения и экипировки 20 тысяч всадников (если исходить в среднем из 5 кг на одного воина, выходит 100 т металла). Очевидно, что выплавку и переработку такого количества металла в голой степи проблематично наладить. Массовое производство металла и оружия – показатель уровня общей культуры народа. Нельзя упускать из виду великолепие ювелирных украшений звериного и полихромного стиля, найденных в гуннских захоронениях, как и предметы монументального зодчества (каменные изваяния). Есть основания считать, что вместе с гуннами варварская одежда попала в Европу. Например, словацкое слово *атилла* означает «военная одежда». Скорее всего, эта одежда завоевателей Европы оставила неизгладимый след в памяти народа. Тяжелая латная конница *савир* участвовала в войнах Византии и Персии в Закавказье, что отразилось в языке азербайджанцев – *савир* «кавалерист», в персидском *сувар* «кавалерист», ср. нем. *hune* 'гунн' «витязь, богатырь». Археологические находки в большей степени представляют военную экипировку (доспехи, оружие и т.д.), суконные предметы одежды обычно плохо сохраняются, поэтому они не столь часто обнаруживаются. Например, сабля Карла Великого (VIII в.), хранящаяся в Венском музее, в прошлом традиционно приписываемая австрийскими учеными королю франков, на самом деле имеет хазарское происхождение и произведена на Северном Кавказе. Отличительной чертой хазарских сабель являлись наварные стальные лезвия с содержанием углерода до 0,75%, то есть лезвие клинка было из высокоуглеродистой стали, а сам клинок ковался из сыродутного железа. Это обеспечивало сабле гибкость при максимальной остроте и твердости лезвия. Только на Северном Кавказе обнаружено более сотни таких сабель.

Многие виды одежды изначально были воинским обмундированием, а в последующем становились парадно-выходной одеждой. Мы обнаружили и обратные процессы, когда некоторые предметы костюма (пастухов, табунщиков и т.д.) со временем прочно вошли в воинскую амуницию. Элементы мужской верхней одежды тесно связаны с вооружением и экипировкой, поэтому следу-

ет отчасти обозначить и эту тему. Изобретение стремян, удила, конского седла придало коннице большую маневренность; совершенствование сложносоставного лука, защитного снаряжения (кольчуги, пластинчатые доспехи), сабли во многом определяло военные успехи «кочевников». Сюда же можно включить военную организацию народа, способность коллективного применения оружия в ходе боя. Начиная с эпохи гуннского вторжения в Европу, кавалерия становится основным видом войск вплоть до XIX в. н.э. Умелое использование конницы скотоводами была одной из составляющих их военных успехов. Эволюция военного дела у тюркских народов достигла высокого уровня развития, что существенным образом отразилось на военном искусстве народов мира, изменив весь ход событий всемирной истории. Степень развития вооружения является показателем экономического состояния любого народа. Более того, наличие высокой технологии металлообработки и оружейного производства в очередной раз показывает беспочвенность понасаждавшемуся в советской историографии мнению о примитивности образа жизни тюркских народов. Изменения в одежде народов Кавказа происходили во все времена, она эволюционировала как любой предмет материальной культуры и быта. Одежда, прошедшая в своем развитии долгий путь, тесно связана с историей и эстетическими взглядами создателей. В ней сохранялись элементы, связанные с традиционным прошлым, несущие черты этнической принадлежности, сложившиеся в процессе исторического развития народа. Северный Кавказ долгое время находился в политико-культурном пространстве кочевых народов, этот факт никогда не отрицался историками. В то же время, немаловажна была и роль местных культурных традиций.

На этнической карте мира вряд ли возможно найти этнос, который живет в рамках своих границ «от сотворения мира». Миграции были неотъемлемой частью эволюции всего человечества, что подтверждается ностратической теорией происхождения языков. Отчасти это сопоставимо с теорией Г. Шухарда о праязыковых смещениях, следы которых порой обнаруживаются в сфере мате-

риальной культуры и в фольклоре разных по происхождению народов. Но прежде чем непосредственно перейти к теме, целесообразно увязать эти изменения с определенными веками истории. Мы понимаем, что очень сложно проследить всю цепь эволюции одежды от набедренной повязки до костюма, уж слишком долгим был этот процесс. Однако часть этой эстафеты просматривается сквозь мглы веков. Особое внимание следует уделить этимологическому анализу терминологии названий одежды народов Северного Кавказа. К сожалению, в этом плане эта тема освещалась не в полном объеме. А между тем названия отдельных видов одежды и этимология этих терминов говорит об авторстве того или иного народа. Народы впитывали в себя от соседей все лучшее, отдавали свое, и это не считалось чем-то зазорным. К примеру, народы удаленных островов и материков, оказавшиеся в изоляции, так и остались на низших ступенях уровня развития. Если принять во внимание, что история – это обширный опыт человечества, то прогресс – это взаимные контакты народов, в ходе которых происходит взаимная передача накопленных знаний, мудрости, культурное и техническое обогащение. Люди и народы расширяют горизонт восприятия мира и обретают устойчивую тенденцию выстраивать свое будущее по тому или иному приемлемому варианту, с небольшой поправкой на национальный характер и самобытность. Чтобы выявить истоки происхождения, требуется провести сравнительный анализ названий предметов традиционной одежды, существующих в языках региона. Сравнительный метод выявляет множество ранее не отмеченных фактов.

Наше исследование дополняют ранее изданные труды этнографов, позволяющие считать, что тождество многих черт материальной культуры народов Кавказа и тюрков объясняется не только сходством их географического положения, близким соседством и общением, но и одним общим истоком – вкладом тюркских племен в материальную культуру региона, что в дальнейшем способствовало возникновению в ней многих сходных черт. Естественно, тюркские народы также обогатили свою культуру элементами, заимствованными у автохтонного населения Се-

верного Кавказа. Культурный симбиоз одно-сторонним не бывает. Традиционная одежда народов Северного Кавказа (особенно мужская) практически однотипна, но имеются небольшие индивидуальные особенности у каждого народа. При этом более всего объединяет ее общий, сложившийся в давние времена способ покроя и сопутствующие украшения. Е. Н. Студенецкая: пишет: «Обычно вооружение не входит в понятие костюма. Но для народов Кавказа необходимо сделать исключение. Комплекс мужской одежды на Северном Кавказе нельзя рассматривать, не уделив хотя бы минимального внимания оружию и воинскому снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали (газыри, пояс, кинжал и др., – Н.Б.)» [190, с. 38]. Круг исследований, затрагивающий эту проблему или имеющий к ней отношение, довольно широк. На наш взгляд, очень интересный материал на данную тему содержат труды Л.И. Лаврова, В.П. Левашовой, А.А. Иерусалиской, Е.Н. Студенецкой, И.Ю. Алироева, Т.Д. Равдоникас, А.Я. Яковлева. Большой интерес представляет исследование З.В. Доде «Средневековый костюм народов Северного Кавказа», где подобрано и проанализировано большое количество археологических и этнографических материалов. Более широкое привлечение языкового материала народов Кавказа, относящегося к терминологии одежды, и его сравнительный анализ – недостающее звено ее труда. В новом исследовании З.В. Доде, в ее докторской диссертации, продолжены эти ценные разработки, но и здесь автор не обращается к анализу терминологии. А между тем эти сведения в большей степени аргументировали бы основные тезисы ее исследований. Целью данной работы является не уточнение принципа конструирования верхней одежды, так как эта тема в полном объеме раскрыта в трудах Е.Н. Студенецкой и Л.И. Лаврова. Археологический материал и его историческая связь с традиционной одеждой тюркских народов средневековья, как и динамика развития этой одежды, представлены в обстоятельных трудах З.В. Доде и Т.Д. Равдоникас. Теперь назрела необходимость сопоставления археологических материалов по одежде с лингвистическими данными, де-

тального анализа терминологии. Одежда тюркских народов, проживающих в различных климатических условиях Евразийского материка довольно разнообразна. Безусловно, в одежде башкир, якутов, алтайских, сибирских тюрков, туркмен Ирака и словах, обозначающих эту одежду, имеются небольшие различия. Часто наблюдается сужение семантики терминов, в иных случаях слово семантически расширяется, получая новое значение. Для реконструкции праформ названий элементов одежды требуется сравнительный анализ с аналогичными терминами костюмов казахов, татар, башкир, гагаузов, азербайджанцев, караимов и туркмен. Исследование терминологических соответствий в сравнительно-сопоставительном аспекте, а также методами ареальной лингвистики, одежды народов, удаленных в пространстве и времени, является наиболее убедительным аргументом их этнической сертификации.

В нашей работе мы впервые представляем гипотезу, которая противоречит устоявшейся версии о заимствовании традиционной одежды казачества юга России. Ранее считалось, что казаки переняли ее у народов Северного Кавказа. Гипотеза, утвердившаяся без всяких доказательств в этнографии. Наши исследования выявляют свидетельства того, что основные элементы верхней одежды казаков (чекмень, папаха и т.д.) известны еще по Запорожской Сечи. При этом большинство названий, относящихся к одежде, совпадает с тюркскими терминами народов Кавказа, есть и довольно архаичные термины, которые сохранились только у казаков, балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев. Более того, мы считаем, что казаки как сами активно участвовали в формировании одежды народов Кавказа, так и воспринимали все изменения и адаптацию заимствованных элементов. В принципе, это касается всех народов региона. В данном случае следует ответить на вопрос, почему калмыки не переняли традиционную одежду народов Кавказа? Ведь они имели тесные отношения со многими народами региона, особенно с кабардинцами и казаками. Почему у русских переселенцев и туркмен Ставропольского края эта одежда так и не привилась. Хевсуры, которые соседствуют с Дагестаном, тоже не заимствовали

этот вид одежды? Например, в XIX веке с Кавказа и Крыма эмигрировало большое количество народов: абхазы, абазины, адыгейцы, убыхи, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, осетины, чеченцы, ингуши, крымские татары и народы Дагестана. Арабы и турки всех их называют черкесами. По некоторым сведениям на Ближнем Востоке проживает несколько миллионов потомков этих эмигрантов с Кавказа. Важно отметить, что кавказскую одежду эмигранты носили до 20–30-х годов XX века, как и в России. Причем арабы и турки ее так и не заимствовали. И если казаки заимствовали этот тип одежды, требуется объяснить, почему казачья терминология одежды не совпадает с аналогичными названиями ближайших народов (адыгейцев и кабардинцев и т.д.). Исходя из этих аргументов, считаем, что вопрос о заимствовании казаками черкески, башлыка и т.д. не обоснован научными фактами.

В исторической литературе до конца XX в. о «горской одежде» в большинстве случаев говорится кратко: «обычный горский костюм». Это отмечает Е.Н. Студенецкая: *«Костюм горцев уже был знаком русскому читателю по произведениям художественной литературы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, которые открыли широкому читателю и описали одежду горцев раньше, чем этнографы. Но описали в общих чертах, создавая поэтические образы «горца» и «горянки», этническую принадлежность которых (например, лермонтовской Белы) определить не так-то легко. И путешественники, и даже исследователи в большинстве случаев не отмечали особенностей одежды у отдельных народов, локальные различия внутри народа. В дореволюционной литературе нет ни одной специальной работы по одежде народов Северного Кавказа. Краткие описания одежды отдельных народов Кавказа содержатся в сочинениях этнографического, антропологического, исторического характера, описаниях путешественников, воспоминаниях «кавказских пленников» и др.»*. [190, с.9]. Для народов Северного Кавказа ценным источником для изучения одежды XVII–XIX вв. является изобразительный материал, гравюры и особенно портреты. В наибольшем объеме эти материалы представлены по кабар-

динцам и осетинам. Мы обнаружили совершенно новые описания верхней одежды кабардинцев, которые не попали в материалы Е.Н. Студенецкой и З.В. Доде. В первую очередь это лучшее этнографическое описание одежды народов и племен Российской империи 1799 г. издания. Следует отметить, что это ценный материал для сравнительного анализа с кавказской одеждой более позднего времени. Дополнительный интерес по одежде народов представляют археологические находки курганных захоронений Подонья, Алтая и Казахстана, а также материалы из наземных склепов карачаево-балкарцев, осетин, чеченцев и ингушей. Поскольку предметы быта, одежды, уклад жизни и психологический облик народа, сложившись однажды в отдаленные времена, практически не меняется, сохраняясь в типе народов, которые давно разошлись во времени и пространстве. Тем удивительнее то, что погребальный обряд эпохи бронзы (каменные ящики) и сегодня не изменился у балкарцев Черекского ущелья, которые продолжают хоронить даже в пригороде г. Нальчика именно в каменных ящиках (!). Большинству материально-технических достижений современной цивилизации предшествует непрерывная цепь изобретений, начало которой скрыто в глубокой древности. Существует множество предметов обихода, которыми и по сей день люди пользуются в том же виде, в каком пользовались ими тысячелетия назад (шило, топор, нож и т.д.). Первый меховой плащ был изготовлен древним человеком из шкуры животного. Отверстие для головы, сделанное в середине шкуры – первая выкройка. В дальнейшем одежда постепенно совершенствовалась многими поколениями, эволюционируя вместе с человеком. Юность человечества – это время великих открытий, познания мира, приобретения знаний и навыков жизни. Достижения культуры передавались не только от поколения к поколению, но и от одного народа к другому. При этом самостоятельное изобретение какого-либо элемента материальной культуры и его заимствование у другого народа порой трудно отличить друг от друга. Часто заимствованный предмет на новом месте получает совсем иное наименование или воспринимается в калькированной форме. Есть предположе-

ние, что возникновение калькированных терминов связано с результатом реакции носителей языка на резкое увеличение числа прямых заимствований. Исследование лексических и фразеологических калек до сих пор остается в лингвистической науке одной из менее разработанных областей. Какое количество нераскрытых калек таят в себе древние периоды истории каждого языка, остается пока темой для будущих исследований лингвистов. Однако в большинстве случаев эти термины заимствуются в той же форме, поэтому язык народа является наиболее достоверным доказательством. Народы мира сохранили драгоценный шифр тысячелетий – язык, источник исторических сведений, который является наиболее объективным, беспристрастным документом прошедших эпох. Язык, в отличие от других элементов человеческой культуры, никак нельзя назвать изобретением человека, именно в нем сохраняются многие элементы культурных заимствований. Это «окно в исчезнувший мир», которое не подвержено идеологической модернизации. Названия предметов (одежды, быта и т.д.) сохраняют бесценные свидетельства прошлого также надежно, как земля – остатки материальной культуры. Нужно лишь извлечь эти обломки записей, разложить их, как археолог сортирует осколки древних разбитых кувшинов, сравнивая их с информацией, уже добытой археологией и этнографией. Известный русский лингвист И.И. Срезневский отмечал: *«Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое»*. [156, с. 28]. Например, у экваториальных народов Африки многие детали одежды испанского или португальского происхождения, поскольку до прихода испанцев они не носили штанов и рубашек. Основной одеждой в те времена у них была набедренная повязка. Естественно, это связано с изменениями в экономической, социальной и культурной жизни общества. В результате культурной интервенции происходят изменения в одежде и обуви, и, как следствие, происходит

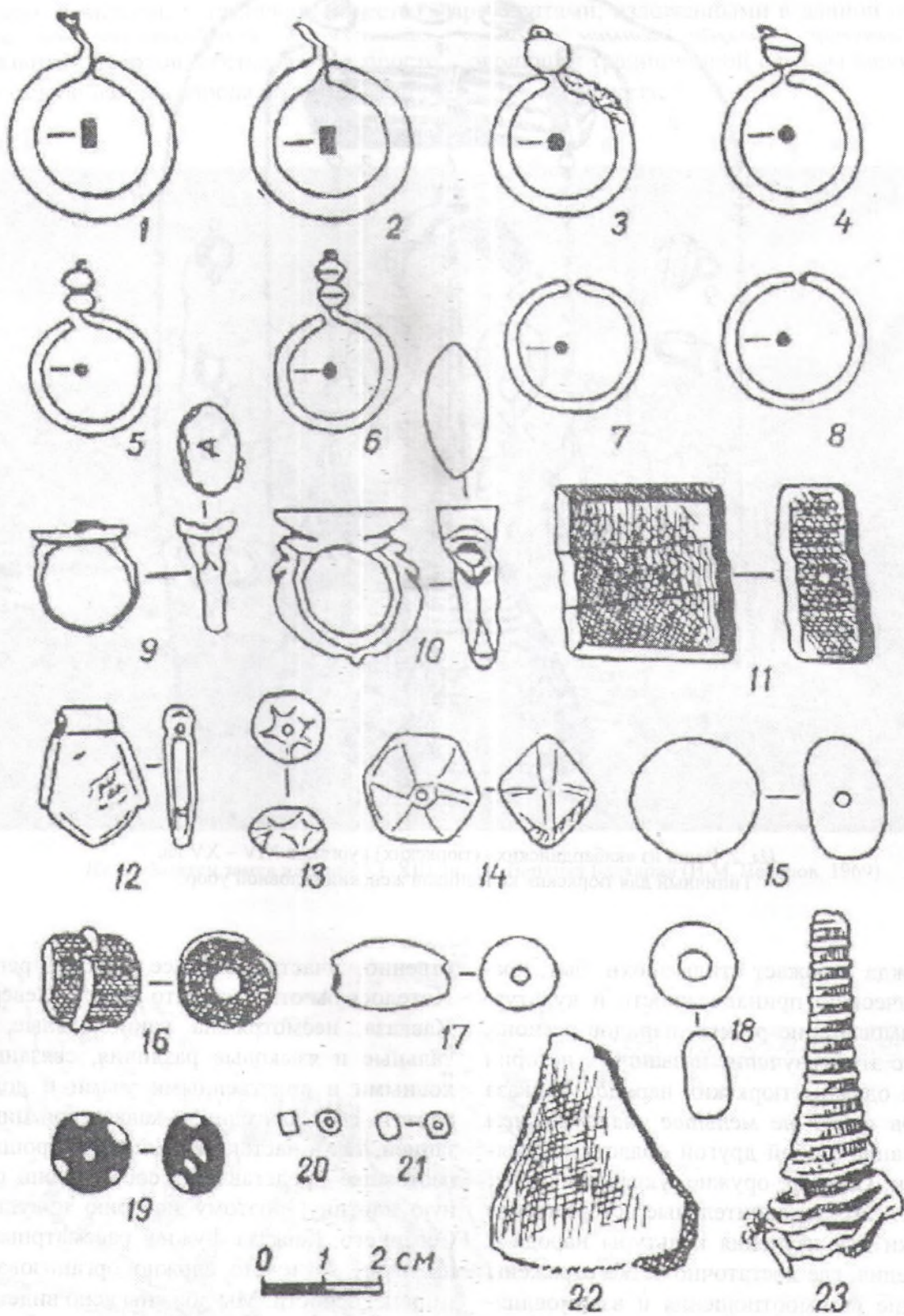
изменение в лексике, связанной с этой терминологией. Подобных примеров можно привести множество. Ряд названий предметов одежды (например, *пончо, мокасины и т.д.*), связанный с каким-либо народом, в большинстве случаев заимствуются в оригинальном виде или в калькированном формате. Часто эти заимствованные слова, подвергшись фонетическим и семантическим изменениям, возвращаются обратно. Такой процесс известен под названием «лексический бумеранг».

Любая лексическая единица имеет значение. Семантическая структура слова описывает широко известным в языкознании семантическим треугольником, в котором выделяется слово, предмет и понятие. Если есть термин, но его понятие отсутствует в семантической системе языка, то это слово и предмет являются заимствованиями. Эти заимствования отчетливо выявляются из таблицы Е.Н. Студенецкой «Наименования мужской одежды» [190, с. 262]. Более ясная картина выявляется при сопоставлении этих терминов с языками тюркских народов Поволжья, Урала и Средней Азии. При этом следует выделить аналогичные термины у народов, которые вообще не имели этнических контактов с народами Северного Кавказа. Эти языковые совпадения терминологии верхней одежды требуют научного обоснования. В каждом языке имеются заимствованные слова. Заимствования являются не только внешним способом обогащения словарного фонда языка, но чаще всего эти слова приходят вместе новой вещью. *«В этом случае заимствованные слова либо проникают в другой язык вместе с заимствованными предметами и понятиями, либо создаются по аналогии с соответствующими словами в другом (кальки, – Н.Б.)»* [26, с. 108]. Как правило, первоначально новый предмет воспринимается носителями заимствующего языка как чужой. Впоследствии, когда эта чужая реальность входит в быт на новой почве, название ее постепенно вводится в речевой обиход, так или иначе, приспособившись к нормам заимствующего языка. Со временем некогда экзотический термин перемещается из разряда слов окказионального употребления в разряд заимствованных слов. Подобные заимствования, обрастая грамматическими и семантическими дериватами, в даль-

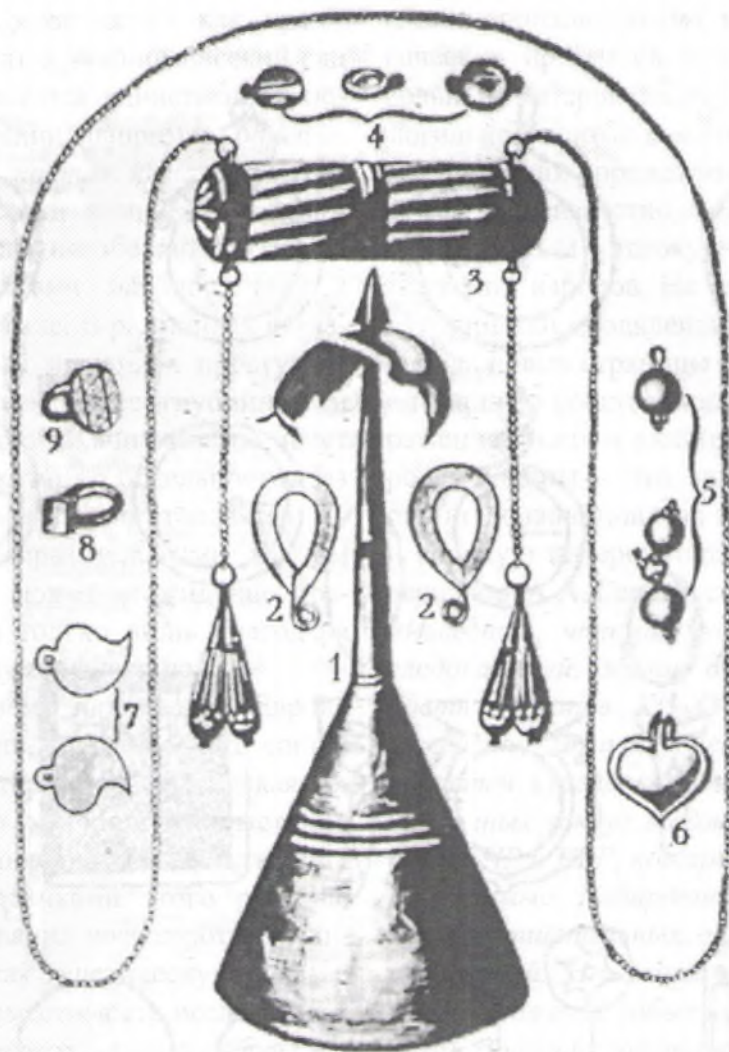
нейшем перестают осознаваться как чужие слова и прочно входят в синонимический ряд лексем и часто становятся единственной номинацией данной реалии (например, *башилык, архалук, бурка, чоха, каптал, кама, геншедэс, гончарук* и т.д.). Истоки возникновения общих названий одежды неизбежно связаны с историческими судьбами народов, веками живущих в одном ареале. В различных их названиях и смысловых значениях проступает «второй слой красок», более глубокий и значимый. Факты одной значимости не могут рассматриваться каждый по отдельности, без связи. Собранные вместе, они становятся более рельефными и выразительными. В этом случае лингвистика может неожиданно преподнести сюрпризы только лишь благодаря более внимательному ее изучению.

В последнее время в Западной Европе стали применять метод генетического сопоставления, появился термин «генетическая история». Суть этого метода заключается в сравнении гена, выявленного из остатков захоронения, с насельниками этого региона. Результаты исследования позволяют безошибочно определить как генетическую связь и родство, так и несовместимость исследуемых генов. Надеемся, что этот метод в скором будущем будет апробирован и в нашей стране, что позволит прояснить многие дискуссионные вопросы истории. Могила – четкая печать религии. З.В. Доде безукоризненно полагалась на основные каноны археологии, в этом плане ее работа безупречна, и ее нельзя упрекнуть в предвзятости. Погребальный обряд и его знаковая формула переходят от одного народа к другому лишь вместе с духовной верой, формой сознания и бытия. Археологические культуры исторически не безымянны, их нельзя соотносить с этносами прямолинейно, так как одна материальная (как и духовная) культура не может сразу принадлежать двум разным народам. Можно допустить, что разные группы одного народа могут в зависимости от разных условий создавать не совсем сходные между собой формы быта, но это явление не относится к духовной культуре. В данном случае предпочтительно избе-

гать скоропалительных маркировок археологических предметов, как и пользоваться их вольной интерпретацией. Ведь под каждой могильной плитой покоится прах людей, принадлежавших определенному народу. В то же время общеизвестно, что курганы являются своеобразным этнокультурным паспортом тюркских народов. Не совсем удачно выглядят попытки «подклеить» к прошлому своего народа новые страницы истории, заполнив их с помощью собственного раскованного воображения. Знать и любить историю своего народа, Родины – это явление нормальное, и оно не должно повлечь за собой деформацию и вольную интерпретацию исторических материалов. А.А. Глашев справедливо отмечает: *«Известно, что ряд недобросовестных исследователей, желая доказать принадлежность курганов XV–XVII вв. кабардинцам, намеренно ломали черепа костяков. То же касается курганов рубежа XIV–XV вв., разбросанных вокруг Маджара, а также в районах КЧР и КБР, которые выдавались за так называемые Кабардинские курганы, опять же без тщательных антропологических исследований. На самом деле эти курганы – следы кровавых событий конца XIV века, и в них погребены золотоордынские и тимуровские воины, погибшие в ожесточенном столкновении в 1395–96 гг. Характер их распространения (взброс и наспех), инвентарь и обряд четко выдают их тюркское происхождение»*. [62, с.419]. Но и сами непосредственные участники этих раскопок кабардинские ученые вынуждены были признать сильное половецкое влияние в культуре этих «кабардинских курганов» [267, с. 8]. Так, А.Х. Нагоев, оставивший весьма подробный отчет о «Кабардинских курганах» был вынужден особо отметить тюркские черты «кабардинских курганов», отнеся это влияние к эпохе Золотой Орды [281, с. 34, 46]. Это мнение поддерживается и другими исследователями, например, в отношении белореченских курганов, погребальный обряд и инвентарь которых половецкий [177, с. 74]. Поэтому речь здесь должна идти не о «кабардинских курганах», а о половецких курганах.

Ил.1. Вещи из «кабардинских» (тюркских) курганов XIV – XV вв.
 5, 6 – кочевнические серьги; 23 – кочевническая женская войлочная шапочка.

Ил. 2. Вещи из «кабардинских» (тюркских) курганов XIV – XV вв. Типичный для тюркских кочевников женский головной убор.

Одежда отражает стиль эпохи, быт, нравы, этническую принадлежность и культурное взаимовлияние разных народов региона. В связи с этим изучение названий и истории развития одежды тюркских народов Кавказа и казаков имеет не меньшее значение, чем исследование любой другой области их деятельности. Одежда, оружие, украшения и их названия – это дополнительные исторические источники для изучения культуры народа и его наследия, где достаточно четко отражены этнические взаимоотношения и взаимовлияние народов на быт, обычаи, обряды и художественные вкусы. В данное время «черкесска» со всеми сопутствующими ей атрибутами является национальной одеждой всех народов Кавказа, здесь завершился конечный процесс ее моделирования, в котором, есте-

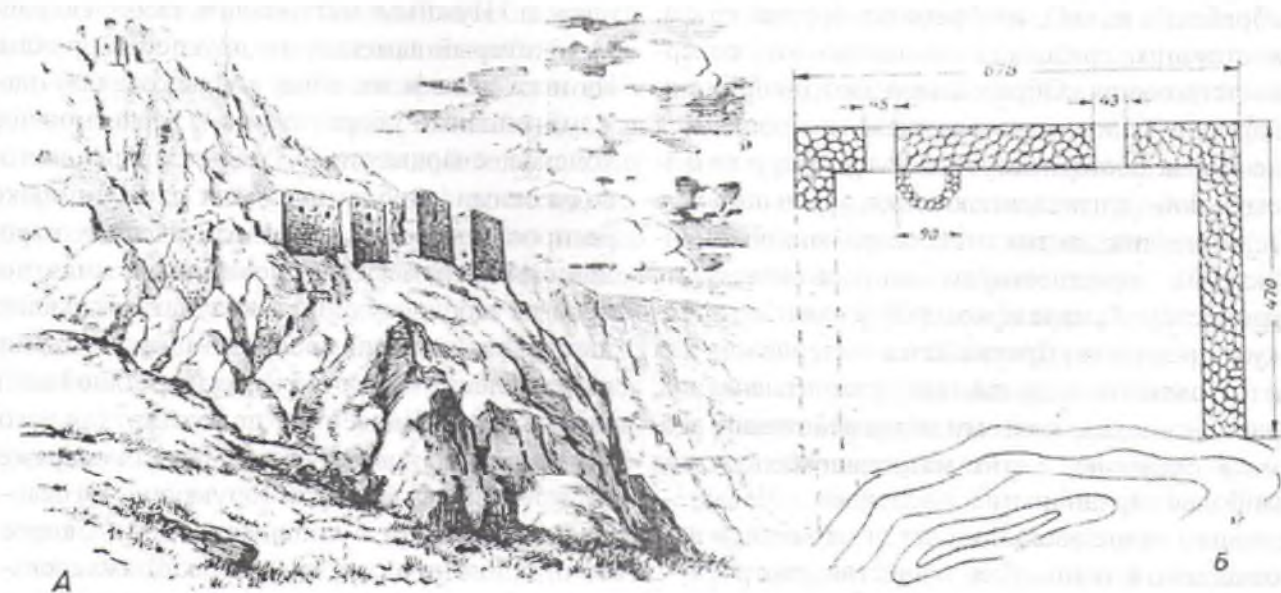
ственно, участвовали все народы региона. Хотелось бы отметить, что народы Северного Кавказа, несмотря на национальные, ментальные и языковые различия, связаны духовными и родственными узами и должны считать себя как единой кавказской цивилизацией, так и частью российской. Прошлое и настоящее представляют собой очень сложную картину, поэтому историю и культуру Северного Кавказа нужно рассматривать в широком контексте сложно организованной мироцелостности. Мы должны ясно видеть как различия, так и наши общие достижения, не пытаюсь присвоить чужое. Каждый исторический факт многогранен и по сути своей значимости полярен. Задача науки – беспристрастно оценить эти грани, не разрушая их единой исторической композиции. Только об-

становка открытости и непредвзятости создаст возможность для поиска и выявления истины, путь которой лежит через непрерывно заседающий в историке трибунал совести. Прошлое, как интерпретация объективного хода развития народов, составляет не просто историческую память народа, это основа про-

екции его нынешнего бытия в будущее, его ориентир в отношениях с другими этносами. Надеемся, что знакомство с историческими аргументами, изложенными в данной работе, позволит намного объемнее увидеть этапы эволюции традиционной одежды народов Северного Кавказа.

Ил. 3. Остатки замка и башен XI–XIII вв. в с. Верхняя Балкария (И.М. Чеченов, 1969)

Ил. 4. Оборонительные сооружения XI–XIII вв. в Зылгы, Верхняя Балкария (И.М. Чеченов, 1969)

І. ИЗОБРЕТЕНИЕ ОДЕЖДЫ

1. Скифо-сарматский период

Люди с давних времен многое узнавали друг о друге по внешнему виду, причёске, головным уборам, украшениям и т.д. Как отмечает И.М. Каракетова, наши предки читали костюм как книгу. Точно так, как по мундиру военного видно, какое звание он имеет, каких наград удостоен, где воевал и т.д. Одежда каждого человека содержала огромное количество деталей, очень много говоривших о ее обладателе, к примеру, из какого он племени, какого рода и массу других деталей. Глядя на одежду человека, сразу можно было определить, кто он такой и откуда, а значит как себя с ним вести. Скорее всего, при раннем разделении человеческого социума на земледельцев и скотоводов принципиальных различий в одежде могло и не быть. Неолитическая революция обозначает в истории рубеж, когда совершился переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Становление двух форм жизнедеятельности человека обозначено окончательным делением общества на бродячих охотников и собирателей. Ранние этапы развития этих обществ не имели существенных различий, но их дальнейшая судьба сложилась по-разному. Развитие земледелия, куда входят селекция, методы обработки почвы, изобретение орудий труда, постоянно требовало технического совершенствования. Образ жизни скотоводческих народов более консервативен, но эволюция не могла обойти стороной и их сферу хозяйственной жизнедеятельности. Большинству технических достижений современной цивилизации предшествует непрерывная цепь изобретений, начало которой уходит в глубокую древность. Древнейшим материалом для изготовления одежды, как уже отмечалось, являлась кожа, поэтому и наименования одежды, связанные с этим материалом, являются наиболее архаичными наследием. На следующем этапе эволюции люди научились изготавливать ткань. Для ткачества употреблялись растительные волокна из льна, конопли, крапивы, хлопка и т.д. Техника отделения и трепания растительного волокна, видимо,

была изобретена земледельческими народами, а изобретение веретена стало одним из величайших открытий неолитической эпохи. Следующим важным этапом было изобретение ткацкого станка. Свою форму и многие детали он заимствовал у рамы для плетения сетей с параллельно расположенными нитями основы, через которую пропусклась рабочая нить. Прimitивные ткацкие станки были самостоятельно изобретены во многих местах планеты (Америка, Африка, Азия и Европа), в то же время они были распространены не везде. Скотоводческие народы, а также арктические и субарктические народы пошли по другому пути, они достигли больших успехов в выделывании шкур и кож животных. *«Поскольку выбор материи был обусловлен окружающей природой, вся их одежда шилась из шкур. Древние погребения донесли до нас целые комплексы меховой одежды: шубы, штаны, обувь и т.д. Все эти факты – свидетельство наличия древней культуры одежды».* [86, с. 7]. Интенсивное развитие животноводства требовало освоения степных пространств Евразии. Для достижения этих целей скотоводческим народам требовалась мобильность, легкое теплое жилье и непромокаемая одежда. Нужным материалом оказался войлок, который заменил им другие материалы. Из него делали жилище, ковры, одеяла, одежду, головные уборы, обувь и всевозможное конское снаряжение. Изобретенный скотоводческими народами войлок затем широко распространился и у земледельческих народов. Важно отметить, с появлением животноводства люди научились получать от животных другой ценный продукт – шерсть. Техника теребления и изготовления шерстяной нити им была давно известна, поскольку для изготовления арканов, веревок и других снаряжений требовалась нить, которую они изготавливали из шерсти и конского волоса. Скорее всего, при этнических контактах с земледельческим населением скотоводы заимствовали технологию ткачества. Это способствовало началу производства шерстяного сукна. Древ-

нейшие ковры и чепраки, как и некоторые виды одежды, известны нам из Пазырыкских курганов Алтая (IV–V вв. до н.э.), где они удивительно сохранились благодаря климатическим условиям этого края. Большой интерес представляют сибирские находки в Тагарских курганах (IV в. до н.э.), где были обнаружены групповые захоронения: «...мумия одета в рубашку из грубой шерстяной ткани с треугольным вырезом на груди. Поверх рубашки было еще несколько меховых одежд» [94, с.19]. Таким образом, можно заключить, что образ жизни человека, климатические условия, форма его тела определили начальные примитивные виды одежды из шкуры зверей и растительных материалов. Со временем появляется необходимость в креплении одежды на теле. Существует два типа одежды по месту крепления: поясная, плечевая. Основные формы одежды: драпированная, накладная, распашная. Драпированная форма одежды греков и римлян античных времен, как и накладная византийская форма, сильно отличалась от распашного костюма «варваров ойкумены». Скотоводческие народы дали миру штаны, хотя цивилизованный мир того времени не воспринимал этот вид одежды. мода во все времена была капризной, скифы также не заимствовали античные одеяния – *хитоны*, *пеплосы* и *тоги*. Следует отметить, что и в более поздние времена Римской империи легионерам запрещалось одевать штаны. Но время распорядилось иначе, одежда варваров стала повседневной одеждой всех народов. Эволюция одежды представляет собой сложную, прикладную часть эстафеты всего пройденного пути человечества. Казалось бы, для конструирования совершенной одежды не требовалось столь длительного времени, однако это не так. Форма одежды постоянно изменялась во все эпохи; модники и модницы были во все времена. Если на заре человечества люди больше придерживались только одного принципа – моды, которая сводилась к понятию простоты и удобства, то в дальнейшем критерии моды часто менялись, а если судить по европейской одежде средневековья, этого принципа и вовсе не придерживались. Важно отметить, что мода, стиль и фасон часто возвращаются назад. Таким образом, диаграмма моды и ее движение имеют как круговое, так и спиралевидное движение.

Исследование традиционной одежды народов юга России уводит нас в мир ранних кочевых народов. На рубеже IX–X вв. до н.э. в степях Евразии сложился комплекс скотоводческих этносов, из ядра которого ведут свое происхождение тюркские племена. Несмотря на большие успехи, достигнутые в изучении исторического наследия скотоводческих народов Евразии – киммерийцев, скифов, сарматов и т.д., существует множество дискуссионных вопросов. К примеру, материальные памятники киммерийцев Северного Причерноморья – это многочисленные курганные погребения, датируемые серединой X–VII вв. до н.э. Археологические материалы, найденные в курганах: мечи, кинжалы, наконечники стрел, луки, детали конской сбруи, украшения – имеют параллели с предметами, обнаруженными в скифских курганах. Инвентаря в находках скифских и сарматских захоронений, как и сам курганный обряд, имеют много общего. Это подтверждается не только внешним сходством множества найденных предметов, но и идентичностью самой структуры культур. Совпадения эти слишком системны, чтобы утверждать обратное. Подобный инвентарь встречается в более поздних курганах кочевников центрально-азиатского происхождения на обширной территории от Венгрии до Японии. К примеру, гипотеза о завоевании Хонсю кочевническим народом, который пришел с материка, археологически аргументируется японским исследователем Эгами Намио. Раскопки курганов Японии свидетельствуют, что «японские скифы» по определению Н.Н. Лисового «...имели утонченную культуру, которую характеризовали мастерство в изготовлении сверкающих доспехов, бронзового и железного оружия, конских седел и сбруй, сравнимый с аналогами степей Евразии». Погребальный инвентарь курганного периода Японии – это типичное захоронение вождя со всеми сопутствующими атрибутами. В этих курганах обнаружены железные латы, мечи, луки, наконечники стрел. Многие ученые родство японского и урало-алтайских языков связывают с завоеванием острова «народом всадников» [251]. Факты одной значимости, разбросанные в мировой истории, как звенья одной цепи, не могут рассматриваться каждый по отдельности, без связи. Привнесенная

извне культура всегда оставляет свой отпечаток и лишь со временем сливается с общим фоном, по мере формирования и становления этноса. У скифов отсутствовала письменность, поэтому они не оставили о себе более подробных сведений, но сохранились сведения в трудах греков и римлян. Историк античности Гней Помпей Трог сообщает: *«Весьма удивительно, кажется, что сама природа дает им (скифам – Н.Б.) то, чего греки не могут достигнуть путем длинной науки мудрецов и философов и что необразованное варварство при сравнении оказывается выше образованных нравов»* [252]. В описаниях Геродота: *«Они не основывают ни городов, ни укреплений, но все, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках»* [76, с. 198]. Нет точных сведений и о языке скифов, кроме косвенного упоминания о языке сарматов: *«...они говорят по-скифски, но истари неправильно»* [76, с. 216]. Выходит, Геродот знал, на каком языке говорили скифы, если сравнивал эти языки, вопрос лишь в том, что за язык это был? Античные греки наиболее тесные отношения имели с ираноязычными персами, но почему-то «отец истории», который был родом из Анатолии, не обмолвился о близости этих языков. В исторических трудах отмечено, что скифы, будучи кочевниками-скотоводами, разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз. Пища является очень консервативной маркировкой народа, которая дольше всего сохраняется. У скифов преобладала мясомолочная пища, в большей степени молочная (то есть продукты, получаемые из молока – сыр, творог, айран, йогурт, кумыс и т.д.). Со скотоводством были тесно связаны и различные промыслы скифов, сарматов и аланов. Большого мастерства они достигли в выделке кожи, овчины, войлока, в обработке дерева (для изготовления повозок, деталей для жилища), в монументальном искусстве («каменные бабы»). Следует отметить их успехи в производстве оружия (акинаки, луки и защитные доспехи), конной упряжи и украшений. По материалам из могильников, амфоре из Чертомлыцкого кургана и нагрудном украшении-пекторали из Толстой могилы (Украина), где изображены реалистичные сцены из повседневной

жизни скифов, можно судить об одежде скифов. Древние ювелиры очень точно передали одеяния номадов, это короткие распашные полукафтаны без воротника с правым тюркским запахом и открытым вырезом на груди; пояса, башлыки, удобные для верховой езды штаны, кожаная обувь с подвязками и т.д. В исследованиях П.Н. Шульца говорится, что у кочевых скифов был обычай косо подвешивать кинжал к поясу. Этот обычай надолго укоренился среди племен Северного Кавказа, сохраняясь до наших дней [239, с. 232]. Но вопроса о преемственности в формах самого оружия автор не касается. Ещё более существенно сходство «кавказского кинжала» со скифскими акинаками – наличие маленького подкинжального ножика неоднократно констатировалось в публикациях Б.В. Техова [22, с. 51].

Рассматриваемые нами на Северном Кавказе элементы материальной и духовной культуры не могли так глубоко укорениться в чужеродной кавказской среде без достаточного этнического обоснования. Материалы, накопленные археологией, этнографией, фольклористикой и лингвистикой позволяют говорить о том, что распространение достижений культуры и языка, как правило, происходит вместе его создателями и носителями. Увлеченность ряда ученых поисками ранних индоевропейских кочевников привела к теории сплошной ираноязычности скифо-сарматских племен. В данном случае уместно привести высказывание Аммиана Марцеллина о том, что вокруг Азовского моря живут разные по языку множество племен. Страбон в I веке до нашей эры, упоминая торговый центр на берегу Черного моря Диоскурию писал: *«... в Диоскурии собираются торговцы от семидесяти или как некоторые отмечали, от трехсот различных племен, из которых никто не заботится о том, что происходит в остальном свете, и не понимает языка соседей, так как живут разрозненно и не вступают друг с другом в сношения по гордости или по свирепости. Большая часть этих племен суть сарматские, все они живут в Кавказских горах»* [189, 1964.]. Тридцать лет спустя римский историк фиксировал: *«Диоскурия была некогда так знаменита, что, по словам Тимосфена, в нее приходили с гор до трехсот разноязычных народов. Наши вели с ней дела при*

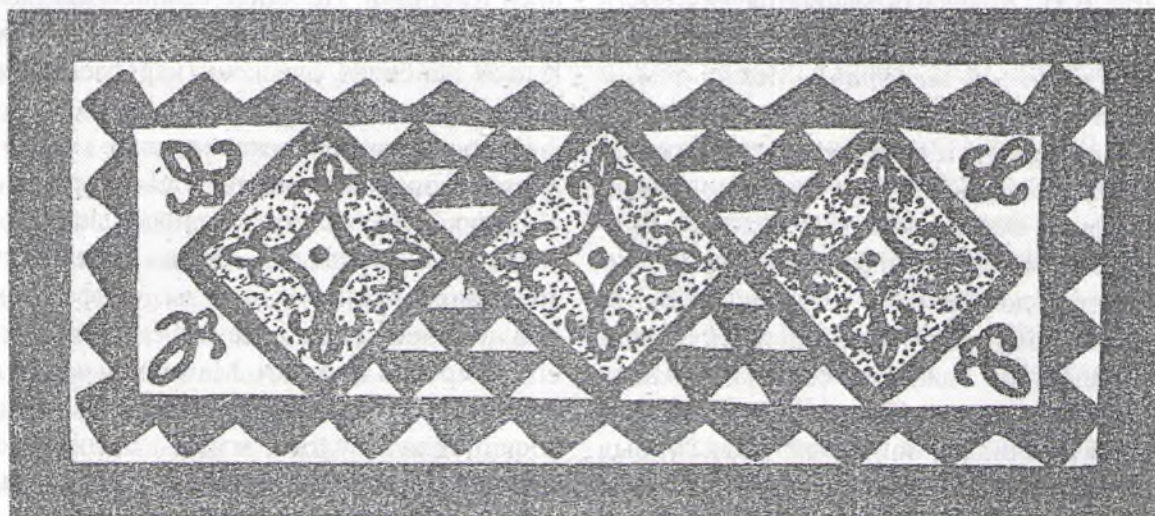
помощи ста тридцати переводчиков» [224, с. 116]. Скорее всего, с этим связано знание «двадцати языков» царем Боспорского царства Митридатом Евпатором. В своем исследовании М. Джуртубаев приводит еще один любопытный пример: «Слово *сакундак* (у Гесиэпия) – название какой-то скифской одежды – в работе В.И. Абаева объясняется как «одежда из оленьей шерсти» (в другой работе – «ткань из оленьей шерсти»). Между тем, с карачаево-балкарского языка термин объясняется гораздо проще и логичнее. *Сагун* – греческая передача слова *жагун*, *загун* – дождь, плюс аффикс *-дак*. В полном согласии с нормами тюркского словообразования термин означает «плащ-дождевик» – *загундак*, *загундук*, по-современному – *зауундук* (*зауундук* – учитываемая диалектная форма *з/дж*). Как скажем, *сакъынлыкъ* означает «зонт» [79, с. 222]. Один из первых, кто описал Западный Кавказ, был Геродот: «*Вся описанная страна отличается столь суровым климатом, что в продолжение восьми месяцев там стоят нестерпимые холода, в это время не сделаешь грязи, пролив воды на землю, разве если разведешь огонь; море и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы переезжают по льду на ту сторону в землю индов*» (то есть индийцев, – Н.Б.). Нельзя обойти вниманием исследование Э. Берзина: «*Любопытно отметить, что название реки Кубань, в дельте которой жили синды, в древности известно как Купха, что совпадает с древнеиндийским названием одного из притоков Инда – Кубха. К этим аргументам О.Н. Трубаев прибавил целый ряд новых. Например, он обнаружил в названии лежавшего в устье Кубани боспорского города Корокондама индийское слово «горло» («горловина»). Если мы возьмем словарь древних географических наименований, то увидим, что племенное название «синд» встречается и за пределами указанной территории. Прежде всего, разумеется, в Индии и прилегающем к ней Афганистане. Затем Юго-Восточной Азии, которая на рубеже нашей эры стала объектом индийской колонизации. И наконец, в отдельных районах Балкан и на западном побережье Малой Азии... Гомер в своих поэмах рассказывает, как Гефест посетил на острове Лемнос (у западного побережья Малой Азии) «суровых синтийцев, владеющих варварской речью». А зна-*

*менитый древнегреческий поэт VI в. до нашей эры Анакреонт писал: «...что мне до кривых луков синтиев и до скифов», ставя синтиев на одну доску с могущественными скифами» [93, с.43–45]. Этноним *синд* был известен арабам в форме *зиндж* «цыгане», которые являются индоевропейским народом, вышедшим из Индии. Не менее важным аргументом является то, что название Кубани Кубха ~ Купха наиболее близко к карачаево-балкарской форме Кобан – Кобхан.*

Всякое историческое явление можно правильно понять и описать, только изучая его в динамике. Вышеперечисленные элементы материальной культуры, быта, хозяйственной традиции, пищи и одежды скифов имеют вполне очевидную преемственность у тюркских народов Евразии. Материальная культура, быт и способ его организации – специфический для каждого этноса. Видимо, стоит научно обосновать, почему эти элементы материальной культуры не сохранились ни у одного ираноязычного народа. В схеме сплошной ираноязычности скифов имеются значительные дефекты. Стоит задуматься, почему у многих народов Кавказа слово «тавро» в языке обозначается тюркским *тамга* («тавро; знак; пятно; отметина»). Как же тогда метили своих коней скифы, сарматы, меоты, аланы и прочие коневоды (якобы ираноязычные), за столетия до тюрков обитавшие в степях Восточной Европы? Видимо, не все осознают, что без системы таврирования невозможно интенсивно заниматься животноводством. А если метили, то почему у многих народов Кавказа отсутствуют свои термины (у осетин вообще отсутствуют тамги)? Общеизвестный предмет – *башлык* – называется этим тюркским словом, означающим «наголовник» у большинства народов Северного Кавказа; почему так, если он бытовал задолго до мнимого пришествия тюрков? Нет сомнений, что история одежды народов юга России корнями уходит в скифскую эпоху. Цель настоящей работы не опровержение теории ираноязычия скифо-сарматских племен, но постановка ряда правомерных и логически вытекающих вопросов. Считается, что дикая лошадь была приручена в областях к северу от Черного и Каспийского морей. Здесь в слоях второй половины IV тыс. до н.э. найдены древнейшие кости домашней лошади. Здесь же найдены

костяные псалии (часть узды) – раннее свидетельство освоения всадничества. Все это большей частью связывают со скифами. Но как тогда объяснить, что у их «потомков» осетин в словарном фонде отсутствует свое (иранское) название лошади? По мнению

В.И. Абаева, слово *бах* «лошадь» заимствовано из чечено-ингушского, *аласа* «мерин» – из тюркского; господство тюркских слов наблюдается и во всей коневодческой терминологии осетинского языка. Следует лишь сказать, что и слово *бах* является тюркским.

Ил. 5. Войлочный ковер, с. Старая Дзегута (Карачай), нач. XX в.
(Кузнецова А.Я., 1982)

Ил. 6. Скифский настенный войлочный ковер.
Пятый Пазырыкский курган (Алтай), IV–II вв. до н.э. (Руденко С.И., 1953)

Заранее приняв за истину приход тюрков в Европу из гор и степей Азии в IV в. н.э., исследователи упорно видят в них низкорослых монголоидов на маленьких лошадаках, одетых в диковинные одежды из звериных шкур. Сообщения летописей и хроник, из которых никак нельзя вынести подобное представление, просто игнорируются. Например, в «Повести временных лет» об «одном из самых ранних тюркских народов» – аварах – говорится, что они *«были зело велики телом и горды умом»* [261]; много раз говорится о *«красных девах половецких»*, их городах и крепостях и пр. Если хотели подчеркнуть красоту мужчины в иранской поэзии XIII–XV вв., то сравнивали его с тюрком. Представители иной расы при первой встрече с любым другим народом всегда кажутся безобразными; например, африканцы, впервые встретив белых, пришли к мнению, что это люди, зараженные какой-то страшной болезнью; средневековые китайцы считали безобразными светловолосых тюрков-европеоидов, полагая, что они происходят от *«больших красных обезьян»*. В данном случае важно отметить, что в русских летописях нет упоминаний о монголоидных чертах хазар, болгар, печенегов и половцев. Чего нельзя сказать о первом нашествии орды Чингизхана, когда внешний облик монголов удивил многих летописцев. Скотоводческие народы, которые входили в круг скифских племен, имели постоянные контакты с земледельческими народами. Как бы ни был обеспечен скотовод, он нуждается в растительной пище, в зерне, фруктах и т.д. И наоборот, в мясомолочных продуктах и коже нуждается земледelec. Известный исследователь древних культур Востока И.М. Дьяконов отмечал, что там, где широко используется мясная и молочная пища, резко понижается детская смертность, начинается рост населения. В мирные периоды между кочевниками и земледельцами всегда происходили взаимовыгодные обмены. Древнейшими аборигенами Восточной Европы являются славяне и угро-финские народы. Как объяснить, что большинство терминов, относящихся к названиям домашних животных, одежды, оружия, кочевнического быта, в языках этих народов являются заимствованиями или кальками из тюркских языков? Это касается и народов Северного Кавказа.

Прежде всего, надо исходить из положения: племена, в древности заселившие Великую Степь, в результате постоянных и длительных контактов между собой в течение веков выработали единую материальную и духовную культуру. А это возможно только тогда, когда люди владеют одним языком или, по крайней мере, разговаривают на близких, взаимопонимаемых языках. Скорее всего, на всей этой огромной территории был единый язык, делившийся на диалекты. Это корневое единство сохранилось в тюркских языках и до наших дней. Что касается этнических имен народов Евразии, следует отметить, что они редко имели устойчивую форму. Порой исчезали бесследно, то сменялись другими, то вновь возрождались, обретая былую славу. В истории это явление известно как феномен так называемых «скользящих этнонимов» [187, с. 53]. Процесс сложения народов – ровесник истории человеческого общества. Чтобы один этнос целиком и полностью поглотил другой на огромной территории Евразии, пришельцы должны были стоять на неизмеримо более высоком производственном и культурном уровне, чем местное население, а этого не было. Куда делись якобы ираноязычные кочевые племена от гор Алтая до Карпат? Мировая история не располагает данными столь массовых уничтожений. И если оттеснили, то куда? Академик Б.А. Рыбаков справедливо заметил: *«Нередки случаи, когда исследователи объясняют любой перерыв в плавной эволюции тех или иных форм предметов или построек исчезновением данного народа, а появление новых форм – приходом нового населения. При этом появление пришельцев находит какое-то объяснение, а «исчезновение» обычно кратко констатируется»* [182, с. 12]. Многие великие истины вначале казались кощунственными. История, повествующая о тюрках в позднейшее время, беспомощно молчит о событиях более ранних. Трудно что-либо возразить М.Ч. Джуртубаеву, который отмечает: *«Монгольские походы были более тщательно подготовленными и внушительными, чем походы гуннов, тем не менее, население Евразии от этого не стало монгольским, если только у древних тюрков не было специальной программы по ассимилированию ираноязычных кочевников»*. Мысль выдающегося синолога

Н.Я. Бичурина не утратила свою актуальность и сегодня: *«На всей полосе Средней Азии от Восточного океана до Каспийского моря на западе искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2 тыс. лет, находились в тех же пределах, в которых последние и поныне живут с небольшим изменением в пространстве»* [30, с. 56]. А.А. Чеченов высказывается более осторожно: *«Огромная полоса степей Евразии, населённая еще в раннем средневековье ираноязычными племенами, буквально на глазах истории в основном стала тюркоязычной. Однако как это ни парадоксально, ни в отечественной, ни в зарубежной иранистической и тюркологической науках эта проблема практически не поставлена на строго научную основу»* [138 с. 115]. Заслуживают внимания и выводы Е.С. Галкиной, но она не объясняет самой сути: *«Иранско-восточнославянские параллели сравнительно поздние и односторонние, то есть у восточных славян видны заимствования из североиранских наречий, а, к примеру, в осетинском – древнерусских слов нет (?)». Это значит, что иранский этнос, с которым контактировали славяне Поднепровья, исчез с лица земли»* [58, с. 317]. Это говорит о том, что глубоко ошибочно утверждать о существовании сплошного иранского этнического массива во всей Скифии. Нельзя обойти стороной и другой вопрос, кто были «царские» скифы и «пахари». М.Дж. Мекеров пишет: *«В отношении самих скифов мнения известных специалистов всегда были неоднозначными, и в определенный период перевес даже был на стороне тюркоязычности как минимум «царских скифов». Следует сказать, что многие известные ученые, крупные авторитеты в античной истории и скифологии, еще до революции считали, что скифы были неоднородны, и уже в их среде были тюркоязычные племена, коими они, прежде всего, считали «царских скифов». В этом плане следует отметить труды выдающегося русского ученого Ф.Г. Мищенко, который «царских скифов» Геродота относил к тюркским народам. Ф.Г. Мищенко провел тщательный анализ источников и этнографии скифов, на чем построил свое мнение. Даже сам В.Ф. Миллер сомневался в полной ираноязычности*

скифов» [216, с. 222]. Исследование этнической принадлежности скифов имеет важное значение, ибо все исследователи проводили этническую связь между скифами и аланами. При этом, как мы уже заметили, до недавнего времени в науке бытовало мнение об ираноязычности всех скифов. Эта точка зрения сегодня все чаще пересматривается на страницах солидных научных изданий, и теперь, как минимум, «царские скифы» признаются народом тюркского происхождения [262, с. 55].

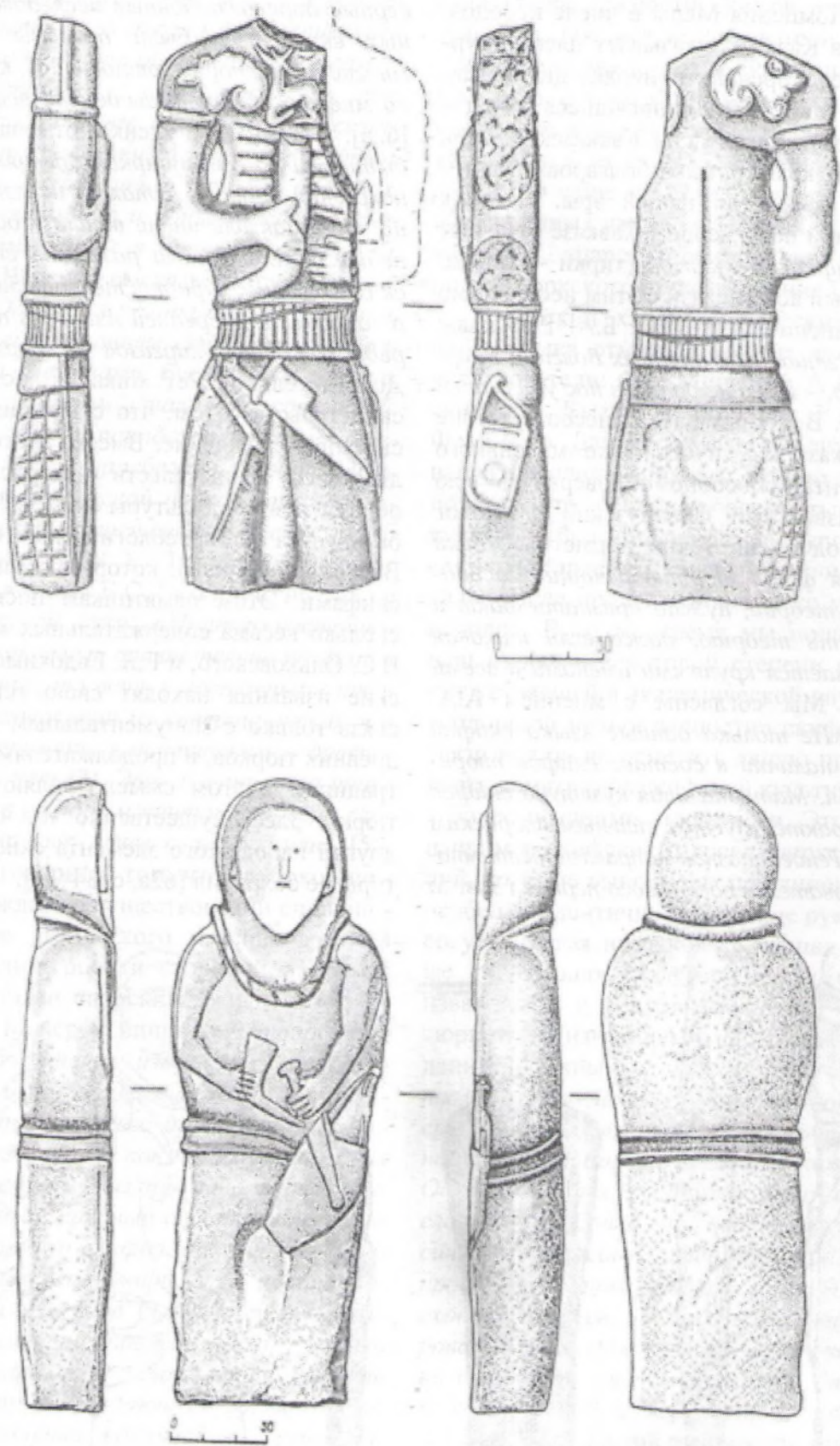
Тюркский характер скифских памятников и языка отмечали многие авторитетные исследователи: Ф.Г. Мищенко, А.Я. Яцимирский, Л.Р. Кызласов, Р. Латэм, Р. Груссе, Р. Фрай и др. Данная тема не входит в область нашего исследования, мы затронули ее лишь потому, что основные элементы скифской культуры (быт, пища, одежда, курганы и т.д.) связаны с древним кочевым миром, и имеют дальнейшее продолжение только у тюркских народов. В то же время мы понимаем, что наш взгляд в некоторой степени противоречит устоявшейся в академической науке теории «сплошной ираноязычности» скифов. В этой связи нельзя не отметить явную приемственность памятников скифской культуры именно с более поздними тюркскими. Это касается, например скифских и древнетюркских изваяний, которые выполнены по единому канону, особенно идентично положение рук: в правой сосуд, а левая на рукоятке клинка (!). Столь же разительно сходство между аланскими изваяниями с верховьев Кубани и древнетюркскими изваяниями. З.В. Доде в связи с данным важным вопросом отмечает: *«Костюмные комплексы древних ираноязычных и средневековых тюркоязычных кочевников обнаруживают больше сходства, чем различия. Одежда и тех, и других была сшита по сложной выкройке, что отличало ее от классической одежды античного мира, которую просто драпировали вокруг фигуры. Причина сходства в том, что оба комплекта формировались как одежда всадника и окончательно сложились еще до середины I тысячелетия до н.э.»* [78, с. 87]. Автор не может прямо сказать о возможной этнической приемственности скифов и древних тюрков, но и приведенной цитаты достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Античные авторы сообщают о существовании на Северном Кавказе крепости Комания, о болгарях и ала-

нах в I веке нашей эры, точнее в 44 г. н.э., а география Помпения Мелы в числе народов, живущих на Кавказе, указывает племя «турков». Мовсес Хоренаци приводит два отрывка из труда Мар Абаса, относящиеся к болгарам, локализуя их «в цепи Кавказских гор», называя этот край «землей болгаров» и датируя это II веком до нашей эры. Историк I века Плиний на Северном Кавказе отмечает племена *тирков* и *аккизов* (тирки – тюрки, аккес – белый ас). В связи с этим необходимо отметить мнение академика Б.А. Рыбакова: «Тюркский этноним в низовьях Волги (в скифский период, – Б.Н.) не должен нас удивлять» [182, с. 34]. В точных науках несоответствие одного показателя, пусть даже маленького коэффициента, способно опровергнуть всю теорию. Известный французский физиолог Бернар Клод очень точно подметил: «Если попадает факт, противоречащий господствующей теории, нужно признать факт и опровергнуть теорию, даже если таковая поддерживается крупными именами и всеми принята». Мы согласны с мнением А.А. Глашева: «Не только данные языка скифов говорят о наличии в составе скифов тюркских племен. Материальная культура скифов также характеризуется сильным тюркским влиянием. Тенденциозная направленность многих исследователей советского периода завела

скифские исследования в тупик. Старые, но верные дореволюционные исследования крупных скифологов были преданы забвению, многие из которых относились критически к мнению об ираноязычности всех скифов» [62а]. Так, С.И. Руденко отмечал: «Самобытная и по-своему яркая древняя культура населения Горного Алтая не исчезла бесследно. Она так или иначе вошла в основу дальнейшего культурного развития скотоводческих племен и народностей Южной Сибири, а возможно, и Средней Азии, и в первую очередь алтайцев, киргизов и казахов» [265]. Действительно, нет никаких исторических свидетельств о том, что скифы имели иранское происхождение. Вместо этого мы находим массу свидетельств о тюркских чертах образа жизни и культуры скифов. Это мнение базируется на археологических памятниках Восточной Европы, которые связываются со скифами. Этим памятникам посвящено несколько весьма содержательных монографий В.С. Ольховского, и Г.Л. Евдокимовой. Скифские изваяния находят свою генетическую связь только с монументальным искусством древних тюрков, и продолжателями скифской традиции в этом смысле являются именно тюрки. Здесь существенно то, что никакой другой народ этого элемента скифской культуры не сохранил [62а, с. 34–35].

Ил. 7. 1. Скифское изваяние VII–III вв. до н.э. (В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, 1994)
 2. Аланское изваяние VIII–X вв. из верховьев Кубани (Карачай);
 3. Древнетюркские изваяния VIII–X вв. Алтай (В.Д. Кубарев, 1984)

Ил. 8. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. (В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, 1994)

2. Эпоха средневековья (гунны, хазары, аланы, печенеги и половцы)

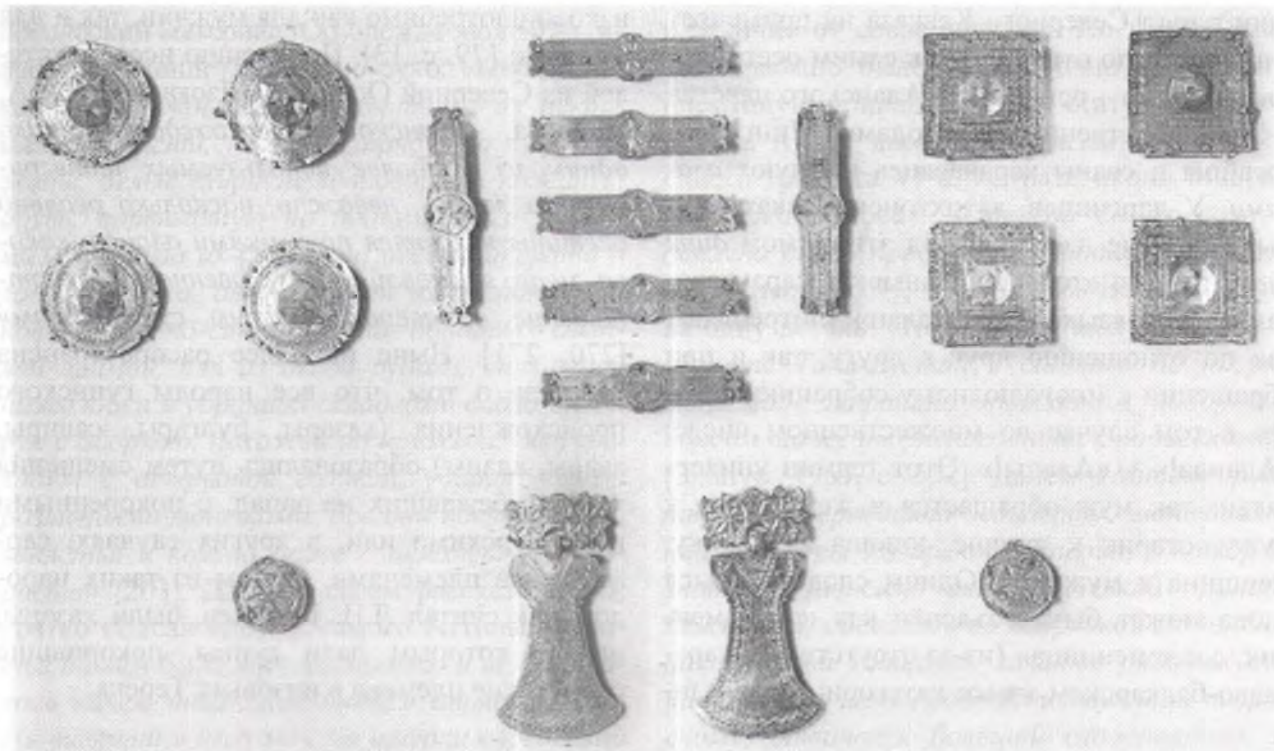
В первые века нашей эры в европейских степях господствовали сарматы и аланы. Под этими этнонимами римско-эллинистические писатели объединяли множество известных и неизвестных им народов, расселенных от Черного моря и до Уральских гор. В предкавказских степях доминировали аланы и асы, которые возглавляли союз кочевых племен в бассейнах Кубани и Терека. Возможно, в этот союз входили и горские племена Северного Кавказа. Если верить хронике Леонтия Мровели, «бун-турки (коренные турки) – это доэллинистическое население Картли» [ук. р. с. 27]. Данный факт по своим параметрам не вписывается в русло отечественной историографии, но при любых обстоятельствах свидетельствует о древних связях тюркских народов с населением древней Грузии. В конце II в. н.э. в среде скотоводческих народов происходит передислокация, доминирующим народом на просторах Евразии становятся гунны. Мировая история связывает с ними начало Великого переселения народов. Гунны представляли собой объединение целого ряда тюркских племен: авар, болгар, хазар, савир (сувар, сабир), утригуров, оногуров и аланов. В европейских завоевательных походах гуннов участвовали аланы, славяне и угрофинские народы. После смерти Атиллы гунны исчезают с исторической арены Западной Европы. Но спустя некоторое время они вновь фигурируют на территории Северного Кавказа. Как отмечает И. Семенов: «Обосновавшись в Предкавказье, савиры принесли с собой новый тип вооружения – тяжелые луки и совершенное защитное снаряжение. По-видимому, савирская тактика ведения боя была нова для Предкавказья... Все это, а также храбрость и воинственность савирских воинов, позволило им подчинить себе все Предкавказье и бросить вызов сверхдержавам того времени – Византии и Ирану» [194, с. 32]. Новая волна переселения народов началась во второй половине VI века, тюркиты создали новое могущественное объединение кочевых народов Евразийской степи. Расширяя свои владения во всех направлениях, тюркиты стали повелителями огромной державы. Географически и

политически каганат был разделен на две половины – восточный и западный. Савиры, болгары и аланы вошли в состав Западного тюркского каганата, которым правил Истемикаган. Авары ушли дальше в Европу и осели на берегах Дуная в Паннонии, близ границ Византийской империи, образовав там Аварский каганат.

Появление слегка изогнутых сабель связывают непосредственно с аварами и тюркитами. Л.Н. Гумилев полагал: «Эти новинки их вооружения стали возможны благодаря изобретению седла особой конструкции и прямых стремян, позволяющих всаднику более уверенно сидеть в седле во время боя в конном строю... Хазары очень быстро переняли вооружение и тактику тюркитской армии и с успехом применяли ее против врагов Каганата» [69, с. 58]. Представленное здесь описание этнической ситуации в Предкавказье в начале средних веков будет не полным, если не учесть того обстоятельства, что среди гуннских народов строгих этнических границ никогда не было. Кроме того, они были близки по языку, культурно-бытовому укладу жизни и по типу вооружения. Сохранились сообщения самих хазар, отраженные в письме хазарского царя Иосифа испанскому сановнику Хасдай ибн-Шапруту, в котором они считали себя одного происхождения с болгарами. В новых исследованиях А.А. Глашева отмечено: «В самых ценных источниках (например, «История агван») имя хазар часто переносится на гуннов, и эти два народа во многих источниках отождествляются» [62, с. 27]. Сохранилось описание внешности хазар в сведениях арабского географа Ибн Саид аль-Магриби: «Что касается хазар, то они живут левее (на севере) населенной земли, под созвездием «Плуга». Климат в их стране влажный. Цвет лица белый, глаза голубые. Это крупные люди с холодными натурами» [257]. В данном плане представляется весьма интересным сравнить описание хазар и аланов. Аммиан Марцеллин пишет об аланах: «Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если не свиреп, то все-таки грозен; они очень под-

вижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов (савир), только более мягки нравом» [258]. Сообщение Аммиана трактуется по-разному, но нас смущает одно обстоятельство – почему из всех народов он сближает их только с гуннами, мог ли автор не заметить разность языков гуннов и аланов? О языке аланов в исторической литературе известно всего два сообщения. В переводе труда Иосифа Флавия есть сообщение: «Язык же ясыкий яко ведомо из печенежского рода». Существуют краткие сообщения о языке аланов у античных авторов – Лаоника и Лукиана. В частности Лаоник (XV в.) пишет, что аланы – христиане, и говорят на языке, совершенно отличающемся от языка соседних народов [259, с. 146]. Лукиан Самосатский пишет: «Так говорил Макент (скиф), по одежде и по языку похожий на алана, потому что и то, и другое у аланов одинаково со скифами, только аланы не носят таких длинных волос, как скифы» [260]. Византийский автор XIII в. Георгий Пахимер сообщает, что император Андроник II (1282–1328) послал к грабившим византийские территории аланам крещеного татарина для их умиротворения, однако последний присоединился к аланам и взял в жены сестру аланского предводителя Кирсита. По мнению А. Глашева: «Это ценное сообщение также может свидетельствовать о том, что указанные аланы говорили на тюркском языке, ибо в противном случае к ним послали бы не тюрка (татарина), а перса или кого-нибудь другого» [62а, с. 67]. В этой связи приведем сообщение арабского историка Абульфеды: «Аланы – суть тюрки, которые приняли христианство. Аланы в большом количестве обосновались в этой стране, так же к западу от Ворот Ворот. Поблизости живет народ тюркской расы по имени аль-Ас, который имеет тот же образ жизни и ту же религию, что и аланы...». Есть мнения (в частности, В.И. Абаев, – Н.Б.), что арабы ошибочно называют предков карачаевцев и балкарцев аланами и асами, а настоящих аланов к тому времени в этих районах уже не было. Тенденциозность такого подхода очевидна, поскольку, на наш взгляд, нет оснований считать, что арабы путали термины *тюрк*

и *алан* – ведь именно арабы создали один из первых арабско-тюркских словарей. Как известно, основным показателем идентификации народа является язык. Арабы, которых ряд исследователей обвиняет в некомпетентности, создали три словаря мамлюкско-тюркского языка: «Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк Вал-кифчак», «Китаб ал-идрак лисан ал-атрак», «Эт-тухвату-уз-закия фил-лугату-ит туркия». По словам И.Ю. Крачковского «арабы дали полное описание всех стран от Испании до устья Инда с обстоятельным перечнем населенных пунктов, с характеристикой культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых. Их интересовали не только географические или климатические условия, но в той же мере и быт, промышленность, культура, язык, религиозные учения» [153, с. 112]. Повествования арабских ученых поучительны и в наши дни: «Сведущий лицемер или замысливший козни враг могут представить несведущему ложь в облинии правды и обрядить губительное в одежде благоразумия. Мы приведем этому объяснения, не проникнутые лестью, не подверженные пристрастию, не разбавленные ложью и не подпорченные двуличием и измышлениями. Зовет нас к этому не страх и не корысть, и движет нами не честь и не сочувствие. У нас нет иной цели, чем желание высказать требуемую правду и истину» [8, с. 114]. Благодаря арабским ученым труды греческих авторов, переведенные на арабский язык, уцелели от костров инквизиции. Познания арабов в языкознании в эпоху Средневековья удивительны, созданные ими классические словари тюркского, монгольского и персидского языков – это бесценный вклад в науку. Как мы видим, не арабы путались в определении национальности, а современные историки – в стремлении выдать желаемое за действительное. Ведь именно арабы неоднократно подчеркивали, что им известно несколько тюркских наречий – «чисто тюркский» (ал-тюрки) или тюркско-кыпчакский (ал-кыпчаки) и туркменский. «Чисто тюркским», или тюркско-кыпчакским, авторы называли собственно кыпчакский (в современном понимании).

Ил. 9. Украшения (нагрудные) одежды из золота и бронзы.
Парное гуннское погребение. IV–V вв. Австрия.

Арабы имели контакты с тюрками до начала эпохи великих завоеваний. В арабской исторической литературе наиболее ранними упоминаниями тюрков следует считать сохранившееся у ат-Табари сообщение о том, что в канун «окопной войны пророк Мухаммад отдыхал в каком-то «тюркском шатре» [8, с. 21]. В первых столкновениях праведные халифы давали соответствующие наставления. Умар ал-Хаттаб (634–649): «Тюрков в погоне невозможно настичь, и богатой добычи у них не возьмёшь». Он же: «Если ранили вы тюрка, отрубите ему голову, ибо они возвращаются с порога смерти, а как вернутся, так станут еще непримиримее через вас же, а не сами по себе» (Ибн ал-Раких, Месхидская рукопись). Одно из первых упоминаний северокавказских тюрков мы находим в рассказе из жизни халифа Муавии (661–685 гг.): «Сказал Нуаим, ссылаясь на Ибн Зул-Кала, который сказал: «Муавия, прочитав почту от наместника Армении, сказал: «Пиши ответ на его письмо... Ты говоришь, что тюрки совершили набег на твои земли и захватили добычу, а ты послал в погоню за ними людей, и они вернули захваченное. Говорю тебе, не раздражай их ничем, не

отбирай у них обратно ничего, как если бы потеряла тебя мать в детстве и нечем было бы возместить утрату: слышал я, как говорил посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Они доберутся до родины наших предков» (там же). Первые контакты арабов и тюрков происходили на полях сражений (хазаро-арабские войны). Арабы в своем продвижении на север столкнулись с ещё более грозным соперником. Поэтому первые высказывания арабов, засвидетельствованные в хрониках, не отличаются оптимизмом: «Арабы страшлись тюрков не только в настоящем, но и связывали с ними мрачные предсказания своего будущего» [8, с. 22]. Этноним *ас* входит в состав названий многих тюркских народов, удаленных друг от друга на большие расстояния; упоминается он и в рунических текстах Орхона. В данное время он известен у ногайцев – подразделения *ак ас*, *кара ас*, *чомишлу ас*; у башкир – *торт ас*; у якутов – *батур ас*; туркменская ветвь – *ясман*; часть гагаузов – *асли*. Следует отметить, что осетины этноним *ас* по сей день употребляют по отношению к карачаевцам и балкарцам, Балкарию называют *Асия*, Карачай – *Стур Асия* (Большая Асия). В то же время ни

один народ Северного Кавказа не применяет этноним *ас* по отношению к самим осетинам. Аланы и асы – основатели Аланского царства – были родственными народами. Мингрелы, ногайцы и сваны карачаевцев именуют *аланами*. У даргинцев, автохтонов Кавказа, кумыки больше известны под этнонимом *дирк алан*, то есть «терские аланы». В карачаево-балкарском языке слово «алан» употребляют как по отношению друг к другу, так и при обращении к многолюдному собранию, ставя его в том случае во множественном числе: «Аланла!» – «Аланы!». Этот термин универсален: так муж обращается к жене, жена к мужу, старик к юноше, юноша к старику, женщина к мужчине. Одним словом, смысл слова может быть объяснён как «соплеменник, соплеменница» (из-за отсутствия в карачаево-балкарском языке категории рода оди-

наково употребимо как для мужчин, так и для женщин) [79, с. 13]. По мнению исследователей из Северной Осетии Т. Дзокаевой и А.А. Цуциева, «аланское происхождение стало одним из наиболее используемых интегрирующих мифов, неважно, насколько реально осетины являются потомками аланов, какова мера языковой преемственности, соотношение с северокавказским субстратом» [270; 271]. Ныне наиболее распространена гипотеза о том, что все народы гуннского происхождения (хазары, болгары, савиры, авары, аланы) образовались путем смешения хуннов, бежавших на запад, с покоренными ими угорскими или, в других случаях, сарматскими племенами. Одним из таких народов, как считал Л.Н. Гумилев, были хазары, начало которым дали гунны, покорившие сарматские племена в низовьях Терека.

Ил. 10. Изображение древнеболгарского воина на стене крепости Абоба-Плиска.

Этнокультурная история автохтонных народов Северного Кавказа в раннем средневековье была тесно связана с гуннами и народами, входившими в это объединение: «Наиболее мощным объединением, под эгидой которого развивались местные народы, являлся Хазарский каганат. Хазария просуществовала более 300 лет, с середины VII в. до второй половины X века. Она оставила заметный след в культурном развитии ады-

гов, нахских племен, аланов и народов Дагестана, входивших в состав Хазарской империи» [78, с. 2]. В источниковедческой литературе имеющиеся сведения об одежде гуннов очень скудны и большей степенью предвзяты. Поскольку их походы в Европу оставили не очень хорошую память, свидетельства очевидцев в определенной степени переполнены негативными эпитетами и эмоциями. В связи с этим приходится больше полагаться на архео-

логический материал. Об одежде людей Аттилы Приск пишет довольно сухо: «Они носят короткие суконные полукафтаны из некрашеной шерсти, которую прядут и ткнут их жены, белые широкие шаровары и кожаную обувь, привязанную на подъеме ноги ремнями... Одежда их (женщин) весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты темно-синего цвета, обшитых светлой каймой, или из белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранный складками около шеи и рук с оборкою, похожей на кружева; девушки ходят с открытой головой, убирая волосы различными монетами. Все они носят серьги, запястья и кольца даже с трехлетнего возраста» [263]. Далее в своем рассказе Приск кратко описал одежду самого Аттилы: «Платье на нем было так же просто и не отличалось ничем иным, как только опрятностью. Ни висящий у него меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водится у других» [263]. Несмотря на краткость этих сведений можно выявить целый ряд интересных фактов. Во-первых, гунны сами изготавливали шерстяное сукно и шили из нее свою одежду «кафтаны». Представляет большой интерес описание женской одежды и кожаной обуви с подвязками (мы еще вернемся к ним). В «Истории агван» есть описание внешности гуннского вождя Огура: «Сам гунн был высок, исполинского роста и одет в кольчугу, на огромной голове носил клепанный шлем. Медная пластина защищала лоб в три пяди. Древко огромного копья было из крепкого кедрового дерева. Меч его сверкал пламенем и одним только видом своим наводил ужас...» [103, с. 66]. О внешнем виде авар (гуннов) сообщает Феофан, в 557 г. в Византию «вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбегался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна одежде остальных гуннов». Это сообщение позволяет нам сделать один важный вывод: для жителей империи тип и форма одежды «варваров» были хорошо знакомы, значит, она тогда уже была однотипной у всех гуннов. Что касается прически, в древности диапазон ее значений был намного шире,

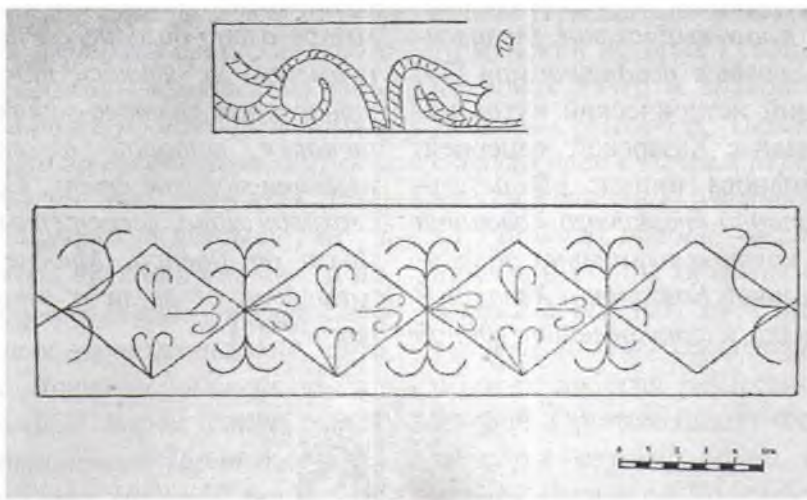
в отличие от современности. По форме прически можно было безошибочно определить племенную принадлежность, статус и многое другое. Автор знаменитого византийского военного трактата VI в. «Стратегикон» Маврикий рекомендовал: «Одежда самих воинов должна быть просторна, длинна и красива, как у авар» [141, с. 17]. З.В. Доде отметила одну деталь: «Персидский шах изображен в гроте Таки-Бустан в сшитом по тюркской моде кафтане, опоясанном наборным поясом тоже тюркского типа с подвесками» [Зиапур, 1965, с. 552]. Далее: «Многие факты подтверждают единство материальной культуры Хазарской империи, в которой знать, независимо от этнической принадлежности, одевалась по тюркской моде. Однако покрой холщевых халатов рядовых общинников, в целом соответствующий тюркскому, отличался большой сложностью. В тюркском варианте перекидной стан соединялся с юбкой прямым швом немного ниже линии талии. Клеш юбки достигался соответствующим кроем. В северокавказских же кафтанах юбку и часть ткани выпускали в выступающие на спинке «утолчки». Шов, соединяющий лиф и юбку, был отделан специальным кантом, который выполнял не только декоративную, но и конструктивную функцию. Эти особенности кроя, а также боковые разрезы на юбке, смещенные, согласно конструкции, назад, сохраняются в современном этнографическом костюме населения Северного Кавказа». Крой средневекового кафтана вполне соответствует описанию черкески, приведенному Е.Н. Студенецкой: «Черкеска, обтянутая по фигуре, от пояса плавно расширялась книзу при помощи особого кроя и клиньев. Боковые швы у подола составляли не защитными на 10–12 см» [190, с. 87]. В сведениях византийского хрониста Феофилвакта Симокаты в (VI–VII вв.) сказано: «Среди плененных византийцами воинов в битве на реке Тисе с аварами в 601 г. половину составляли славяне, большую часть болгары и только одну пятую – собственно авары». Любопытная деталь в описании внешности пленных: тюркиты носили длинные волосы, сплетенные в косичку, угры брили лобовую часть головы, сплетая сзади несколько кос, славяне стригли волосы кружком, а болгары (тюрки) брили голову, оставляя один

пучок волос на макушке – *оселец*. Скорее всего, казачество унаследовало эту моду с тех давних времен. Известно, что в гуннской прическе «а-ля Аттила» щеголяли модники Римской и Византийской империй. При раскопках курганов в Чир-юрте (Дагестан) в кургане 17 была обнаружена костяная накладка с конского седла. На накладке изображен конный воин с длинными косами, собранными к концам в пучки. На ягодице коня отчетливо видна тюркская тамга [138, с. 77]. Аланы заплетали волосы в косички и соединяли вместе по несколько штук бронзовыми круглыми бляшками, что зафиксировано в 15-й катакомбе Змейского могильника. Подобные прически изображены и на половецких изваяниях. С.А. Плетнева выделяет несколько вариантов «косоплетения» у половцев: три равные по длине и толщине косы; толстая средняя коса на затылке, две другие, параллельные ей, тоньше и короче; средняя коса – толстая, а две боковые значительно тоньше и короче, заплетенные почти у висков, на шее они подведены под углом к центральной и спускаются вниз параллельно ей; три равные косы (две на висках, одна в середине затылка) соединялись на шее или немного ниже в одну; одна длинная коса [266, с. 33]. Исследователь считает разницу в пле-

тении кос, равно как и отсутствие последних, важным этнографическим признаком. На наш взгляд, внешние отличия тюрков, выражающиеся в прическах («Здесь были и бредущие головы, и носящие косы, и воины, имевшие образ женщины с распущенными волосами» [Гадло, с. 135]), могли быть существенным социальным показателем. По имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, такого же разнообразия причесок у народов Северного Кавказа проследить не удастся. На некоторых мумифицированных мужских костях в памятниках VII–X вв. были зафиксированы коротко остриженные волосы. Косы у мужчин археологически засвидетельствованы только в аланских памятниках половецкого времени [78, с. 67]. Наиболее богатый и сохранившийся материал по одежде гуннов представлен археологическими материалами из Кенкольского могильника (Киргизия, I в. до н.э. – II в. н.э.) [272]. Интересным моментом, как отмечают исследователи, в Кенкольском могильнике является обнаружение одежды без боковин и со сложными боковинами, что говорит о том, что уже в ту пору существовали варианты кроя, отражающие разные этапы развития туникообразной одежды, а это еще раз подтверждает глубокую древность этого кроя [217, с. 13].

Ил. 11. Реставрированная одежда из катакомбы № 9 Кенкольского могильника.

Ил. 12. Орнамент вышивки на мужской одежде из катакомбы № 9 Кенкольского могильника.

К сказанному добавим, в названном могильнике были найдены остатки шерстяной и шелковой тканей. Наиболее сохранившая часть предметов культурно-бытового наследия гуннов, найденных в курганных захоронениях, представлена предметами вооружения и конской амуниции (материалы будут показаны в иллюстрациях). В изображении знатного тюркского воина на сосуде из клада Надь-Сент-Миклоша: «... всадник одет в кольчугу, покрывающую его тело от подбородка до колен, а также затылок и обе стороны головы до шлема. На ногах по колено и на руках металлические латы из узких стальных пластин, изготовленных в гуннском стиле» [24, с. 27]. Пластинчатые панцири и конусовидные шлемы, клёпаные из стальных пластин, носили гунны. «Наибольшее распространение шлемы и пластинчатые доспехи получили в IV–V веках, когда гунны безраздельно господствовали в Европе» [234, с. 63]. В с. Кишпек на территории Кабардино-Балкарии в гуннских захоронениях были найдены богатые материалы: наборный шлем из клепаных пластин и остатки кольчуги [6, т. III, с. 28], они найдены также в Хуламских захоронениях [там же, с. 151]. Эти виды доспехов отчетливо изображены в росписях в Шикшинской пещере. Воины облечены в панцири-халаты, их шили из стёганых волосом железных пластин на тонкой коже. Были панцири, склеенные в два слоя из кожи. Исключительным достоинством наборных панцирей была их подвижность и гибкость. В отличие от рыцарских доспехов

они не стесняли движений, в этом они напоминали кольчугу, но превосходили её в прочности. Шею закрывала бармица, прикреплявшаяся к шлему, сделанная, как и панцирь, из полос железа или из кольчуги [163, с. 67]. Вместо забрала тюрки носили железные маски (найденны в курганах IX–XII вв.). Они достаточно массивны, хорошо закрепляются на шлеме. На месте глаз, ноздрей и рта сделаны прорезы, уши у таких масок бронзовые [199, с. 216]. На скальных рисунках Алтая, Казахстана и Монголии [163, с. 32] видно, что коней они защищали не хуже себя. На коня надевали железное оголовье, закрывавшее лоб и щеки, а также панцирь, состоящий из нескольких частей, защищавший всё тело лошади до колен. Этот факт отмечен в карачаево-балкарском эпосе: «Кузнец Дебет сырое железо в булат превращал, для нартского войска много луков смастерил. Для Генжсетай (богатырский конь) броню выковал, пустив стрелу, испытал ее. Испытал броню, ударив коня мечом, но меч ее не взял – лезвие зазубрилось, затупилось» [99, с. 304]. В связи с этим уместно привести мнение А.Г. Гаджиева, который отмечает: «...тюркоязычные племена гуннской федерации сыграли определённую роль в этногенезе современных тюркоязычных народов Северного Кавказа: кумыков, балкарцев и карачаевцев» [55, с. 52]. Несколько иного мнения придерживается лингвист Н.А. Баскакова: «языки – карачаево-балкарский, караимский и крымско-татарский – имеют в своей основе общие, исторически отложившиеся болгарские, хазарские черты.

А содержащиеся в них кыпчакские (половецкие) элементы являются позднейшими» [39, с. 237]. Следующий исторический виток народов России связан с Хазарской империей. Г. Вилеева-Сулейманова пишет: «В результате распада Западно-тюркского каганата образование двух крупных племенных объединений тюрков – Великой Болгарии и Хазарии – создало предпосылки к становлению единой

хазаро-алано-болгарской цивилизации. Ярким примером ее явилась так называемая салтовская или салтово-маяцкая культура, территория которой охватывала приазово-причерноморские степи, Северный Кавказ до верховий Дона, лесостепные территории от Волги до Днепра. Многие художественные элементы ее легли в основу культуры татар» [249].

Ил. 13. Конный хазарский воин. Дмитриевский могильник VII–IX вв. (С.А. Плетнева, 2000)

Хазарский каганат был первым раннефеодальным государством на нынешней территории России, куда входила и часть славянских народов. По этому поводу писал известный славист В.И. Ламанский: «Неизвестные каганы хазарские... были также нашими государями, как и первые Рюриковичи, вплоть до Владимира. Сначала мы платили дань хазарам, потом стали платить варягам. Разница была лишь в том, что Рюриковичи жили среди славян, а каганы управляли издали; другая же разница, на которую мало обра-

щают внимания, состояла в том, что культура хазарская была выше культуры славянской и варяжской» [250, с. 55]. Другой крупный ученый, исследователь Древней Руси А.Е. Пресняков отмечал: «Огромно значение Хазарского царства в ранней истории восточных славян. ... Хазарские отношения вводили славян в соприкосновение прежде всего с тюркским и арабским мирами, и оба имели большое значение для славянской жизни. Среду азиатских кочевников – «варварскую», по терминологии древних эллинов, – не следу-

ет представлять себе примитивной, первобытной. Это – своеобразная среда сложного быта и по своему яркой «варварской» культуры. И эта культура производила подчас сильное впечатление на просвещенных греков и латинян, влияла на них, вызвала даже подражание. ... Варварские владыки степей поражали и увлекали греков роскошью и яркостью красок своего быта. «Варварские» уборы сильно влияли на византийские моды. Эти очарования Востока объясняют яркость красок, золота, парчи, столь характерную для византийского убранства и византийского искусства. На этой же варварской почве выросло арабское искусство, возведя его элементы на высокую степень художества» [273, с. 22–23]. В истории Хазарии были периоды расцвета и упадка, но роль ее культурного влияния отрицать невозможно. Политическая ситуация часто меняет полюса, это касается ее отношений с Византией, Персией и Арабским халифатом; были мирные периоды и союзнические отношения, вслед за которыми начинались бесконечные

войны (тридцатилетняя война с Халифатом). Армянский историк Гевонд описывает встречу войск хазар и арабов под руководством Масламы у города Тарки: «Обе армии несколько дней стояли в нерешительности, выпуская отдельных удальцов для единоборства. Войска арабов отступили, вероятно, точнее было бы сказать, бежали, поскольку Маслама оставил свой лагерь, полный имущества, и даже собственный гарем». Слухи об этих победах разнеслись по всей Азии и Европе. Об этом пишет Феофан Исповедник: «Хазары, великий народ, они овладели всей землей вплоть до Понтийского моря». В грузинской летописи «Картлис Цховреба» по этому поводу сказано: «В пору хазарского пленения все пребывали в мире и согласии, в силу крепости страны». Это отмечал Л.Н. Гумилев: «Удивительно умение тюрок находить общий язык с окружающими народами. Это качество тюрки проявляли независимо от того, приходили они в новую страну как победители или как гости, наемники» [69, с. 149].

Ил. 14. Конный хазарский воин. Дмитриевский могильник VII–IX вв. (С.А. Плетнева, 2000)

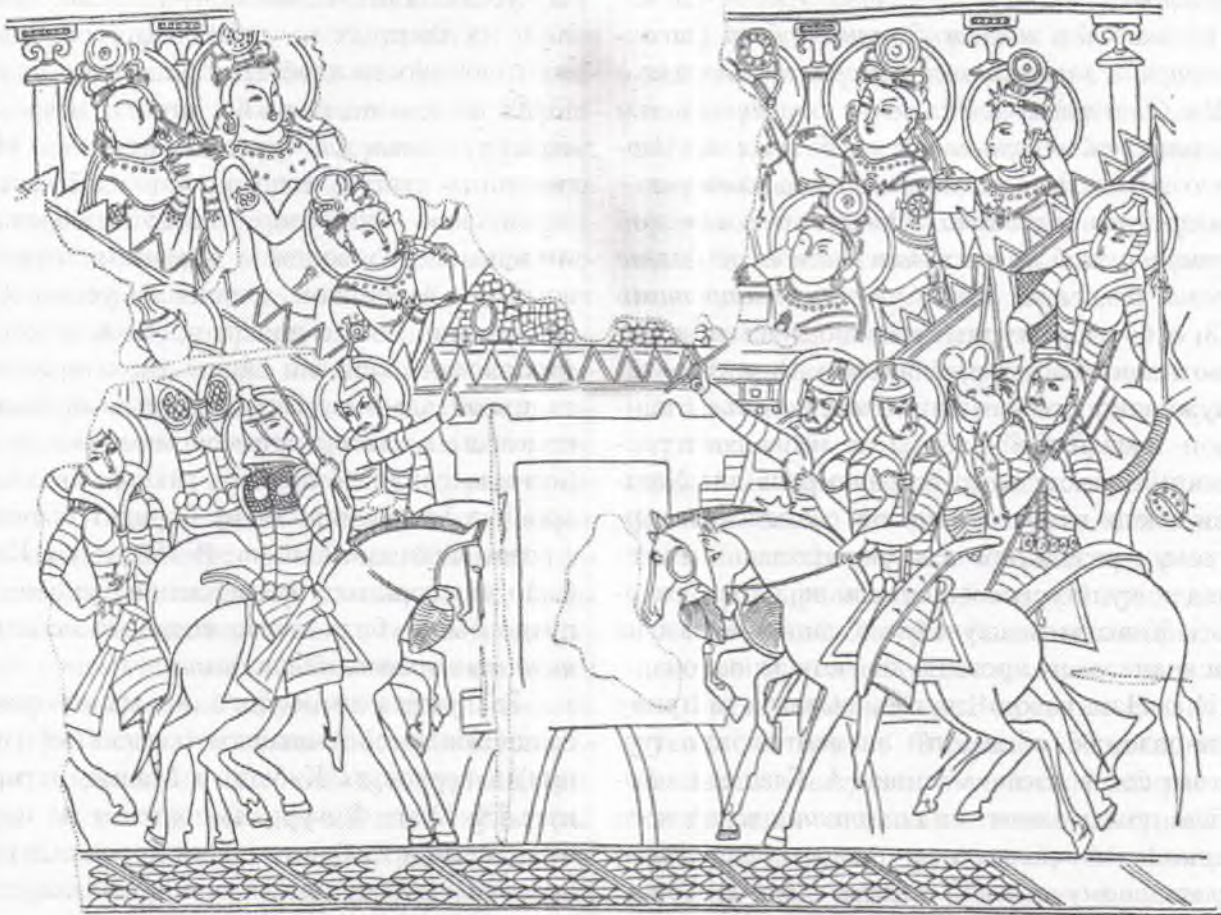
Ил. 15. Тяжеловооруженный хазарский воин.
Дмитриевский могильник VII–IX вв. (С.А. Плетнева, 2000)

В орбиту общественно-политической жизни Византии были вовлечены представители многих тюркских племен, которые прежде считались заклятыми врагами империи. Император Лев женил своего сына Константина на хазарской княжне, от этого брака родился сын, который царствовал под именем Льва Хазарского. Иоанн Никиусский является весьма осведомлённым современником: описывая события 610–641 гг., он говорит о традиционных связях императора Ираклия и его наследников с предводителем болгар (в хронике – гуннов), ханом Кувратом в частности. По утверждению хрониста, Куврат в детстве был крещен и принят в лоно христианства в Константинополе, и вырос в императорском дворце. Интересен сам факт, что варвар получил образование в императорском дворце и чин патриция. Известно, что империю часто защищали наёмные вой-

ска из болгар, савиров, оногуров, хазар и аланов. В VII веке они с великим блеском и могуществом дают многочисленное войско в помощь императору, который из благодарности надел диадему царскую на их кагана, именуя его сыном своим, и два раза ходил совместно с хазарами на Персию в знак своего к ним почтения. В торжественные дни украшались в одежду хазарскую и стражу свою составляли из этих храбрых азиатов. Константин Багрянородный упоминает хазар в составе элиты императорской гвардии в Константинополе. Юстиниан II, свергнутый с престола Тиверием, ушел к хазарскому хану и женился на его дочери. Этот брак помог Юстиниану вернуть престол, после чего он венчался с хазарской принцессой в Константинополе. После крещения её нарекли именем Феодора, а сына – Тиверием, и объявили соправителем.

В текстах ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Идриси есть краткое описание одежды славян и тюрков: «Их одежда (русских) – короткие куртки, а одежда хазар, болгар и печенегов – длинные долгополые куртки из хлопка, шерсти или шелка» [83, с. 215]. В 732 г. императрица хазарского происхождения Ирина (Чичак) оставила след в византийской культуре. А. Гаркави в своей работе «Опыт объяснения названия одного хазарского платья

с помощью еврейского языка» приводит выдержку из труда К. Багрянородного [De ceremoniis aulae Byzantinae] т.1, с. 22]: «...и надевают властители свои *цицакии*...». К этим словам К. Багрянородного приложено пояснение: «Надо признать, что эти *цицакии* привозят из Хазарии; переняты у хазарской императрицы». О *цицаках* в византийском дворе пишет В. Григорьев «...она (одежда) *цицакею* и введена в употребление *Ириною*» [274, с. 592].

Ил. 16. Изображение тюркютских всадников на росписи Пенджикента.

А. Гаркави описывает неудачные попытки авторов перевести это хазарское слово: «При таком неведении писателей, мне кажется, всякое предположение, клонящееся к объяснению этого загадочного слова *цицакий*, может заслуживать внимания. Решаюсь высказать свое мнение...». Мнение Гаркави сводится к тому, что ничего более подходящего, кроме еврейского *цицит* (бахрома) он не находит. Далее Гаркави пишет: «В 732 году, когда Константин Копроним женился на хазарской царевне, сделавшейся известной

впоследствии под именем Ирины, обычай носить платья с кистями (бахромой) не был ли уже заимствован хазарами у евреев? Название кисти – *циц* – могло перейти на платье, снабженное кистями, с прибавкою *акъ*». Наконец, Гаркави завершает: «Повторяем, что... мы смотрим на это объяснение как на попытку и рады будем, если другой представит лучшее толкование. Особенно желательно было бы узнать, не находится ли подобного слова в тюркских или финских наречиях» [54, с. 57–59].

А.А. Глашев обратил внимание на связь этого термина с карачаево-балкарским словом *чачакъ* (в черекском диалекте – *цацакъ*) – бахрома на шали или женском платье. Ему принадлежит очень интересная догадка относительно одежды *цициак*. «*Не сохранилось ли это слово в карачаево-балкарском языке, как отголосок некогда введенной хазарской принцессой моды при византийском дворе?*» [62, с. 310]. З.В. Доде считает: «*Находки целых форм одежды из холщевых, шелковых и шерстяных тканей, головных уборов из кожи, тканей и меха и кожаной обуви фиксируются в могильниках Северного Кавказа с VII в. Это время совпадает с формированием на широкой территории от Каспия до Черного моря могущественного объединения – Хазарского каганата. Однако в советской исторической науке хазарский вопрос долгое время был под идеологическим запретом*» [78, с. 67]. Культурные и экономические взаимоотношения хазар, аланов и Византии заслуживают особого внимания, но объем книги и тема нашей работы не позволяют распространяться далее. Важную роль для Хазарии имели взаимоотношения с Аланским царством, в результате чего укреплялась этническая и культурная общность народов Северного Кавказа (неслучайно в данное время на наследие алан претендуют четыре народа, – Б.Н.). Нам важно другое, выявить матрицу становления общности элементов культур. Стоит согласиться с мнением А. Глашева: «*Вообще археологические памятники хазарского периода подталкивают нас к единственно правильному выводу о том, что культура аланов и хазар была практически единой, если не говорить о локальных ее вариантах, и мы вправе говорить об обширной алано-хазарской (салтово-маяцкой) культуре*» [62, с. 302]. Предпочтительнее было бы в это объединение включать и племена болгар. К примеру, приведем мнение авторов одной из лучших работ по данной теме А.Я. Федорова и Г.С. Федорова: «*Напрашивается другой вывод: скопление болгарских древностей вокруг Кисловодска свидетельствует об образовании не позже VII в. в Пятигорье района с оседлым тюркоязычным населением. Об устойчивости тюркоязычного населения в районе Пятигорска можно судить и по некоторым свидетельствам более поздних ис-*

точников. Ибн-Батута утверждает, что в районе Биш-дага находилась ставка кыпчакского султана. Тюркоязычный этнос прочно занимал район Пятигорья. Столь же устойчиво было, видимо, тюркоязычное население в районе Хумары. Неслучайно здесь обнаружены плиты с тюркскими руническими надписями, датируемые IX в. Памятники раннеболгарского облика встречаются в ущельях Кабардино-Балкарии...» [225, с. 55–80].

Территория степей от Монголии до Дуная усеяна каменными монументами, свыше 1000 из которых не позволяют говорить о монголоидности вообще, а лишь о её налёте, сближающем половецкие лица с современными русскими или турецкими типами. Многие лица статуй напоминают изображения персидских миниатюр. Часто изображены типичные европеоиды с большими глазами, носами с горбинкой, длинными усами. Следовательно, можно полагать, что в целом антропологический тип тюрков характеризовался преобладанием европеоидных признаков при весьма слабой примеси монголоидности («миндалевидный прищеп глаз»). Китайская хроника Тан-шу описывает бородатых гуннов с возвышенными носами. В 350 году в Китае было предпринято истребление гуннов, попутно было убито много китайцев «с возвышенными носами и бородами».

Заслуживают особого внимания ранне-средневековые памятники (каменные изваяния) в верховьях Кубани и Малки, датируемые IX–X вв. Фигуры выполнены из песчаника, иногда из гранита. Они хорошо детализированы и дают представление об искусстве древних ваятелей. Археологи не раз отмечали сходство аланских статуй с древнетюркскими памятниками. Т.М. Минаева отметила, что «...эти статуи являются свидетельством пребывания кочевников-тюрков в предгорной области Прикубанья» [145, с. 216]. Тюркское происхождение памятников был вынужден признать также и В.А. Кузнецов, сторонник ираноязычности алан: «*Ясно одно – этот этнос был тюркско-степного происхождения*» [121, с. 242]. В.В. Веселовский подчеркивает прямую линию преемственности, связывающую одежду ряда кавказских народов с одеждой, изображенной на «каменных бабах». Многие археологи и этнографы обращали внимание на проработанные детали

костюма как на женских, так и на мужских статуях. В своем исследовании П.С. Уварова отмечает: «...совершенно особый тип каменных фигур, встречаемых на Кубани, вдоль Кавказского предгорья...», в одежде которых она видит «тонкие черкески, перетянутые поясом и отделанные галунным орнаментом..., что напоминает нынешние костюмы» [ИКНИИ, с. 21]. К сказанному следует добавить, что обнаружение рунических надписей на Дону и в верховьях Карачая и Балкарии, а также «аланской палочки» с руническим текстом в Таласе (Киргизия), требуют более точной научной аргументации. А.М. Артамонов отмечал, что «Достиagnутые А.М. Щербаком успехи представляют огромный интерес, в частности, по спорному вопросу относительно этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, которую большинство исследователей считали аланской. В настоящее время к доводам против этого мнения прибавляются решающие данные о языке носителей этой культуры. Писали, а следовательно, и говорили они не по-ирански, а на тюркском языке» [12, с. 69]. Тюркские руны представляют собой фоносиллабическое письмо, что свидетельствует о наличии большой традиции такого письма у самих тюрков. Руны чрезвычайно консервативны, они не подверглись существенным преобразованиям и могли заменяться только другими видами письма. Сам факт существования собственного письма указывает на высокий культурный уровень носителей салтово-маяцкой культуры. Археологи находят на Северном Кавказе предметы материальной культуры, на которых обнаружены тюркские рунические надписи. Предметы, на которых сделаны надписи, и само их содержание свидетельствуют о широком распространении грамотности среди жителей Алании, Хазарии, Болгарии. Можно констатировать, что грамотой владели простые строители крепостей, кузнецы, гончары и ювелиры [35, с. 345].

Принято считать высшей ступенью варварства – выплавку металла, и что варварство переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и его применения. Очередной ступенью принято считать начало градостроительства. О высоком уровне строительства в Хазарском каганате можно судить из следующего: строители городов

применяли сейсмические пояса, воздвигали белокаменные крепостные стены, культовые сооружения (мечети, церкви и синагоги), строились бани и оборудовались водопроводы, сооружались бассейны, перекрытые куполами. В некоторых случаях хазары приглашали византийских и арабских зодчих и архитекторов. Любое соприкосновение двух культурных миров порождает своеобразные формы преемственности. Это касается многих отраслей, что-то заимствуется целиком, а что-то переосмыслено и трансформировано в новых условиях. Тюркское влияние на народы Кавказа в области языка и культуры началось еще в глубокой древности. Один из первых, кто обратил внимание на это явление, был доктор Мордман: «Известно, что армяне относятся к индоевропейским народам, но их язык подвергся сильному влиянию туранского языка. Здесь я имею ввиду не тюркские слова, а тюркские элементы в письменном языке V–VII веков, вошедшие в него, когда еще никто не слышал о сельджуках, османах и других» [253, с. 34]. Грузия – одно из ранних феодальных государств на Кавказе. В этой связи интересно знать, что писали грузинские хронисты, очевидцы, которые хорошо разбирались в этнической принадлежности соседей. Хазары, болгары, савиры, асы и половцы неоднократно участвовали в войнах Грузии и Армении. В древних армянских рукописях тюрков Северного Кавказа часто называли «северным ветром». Разбирая напластования отдельных эпох на страницах древнегрузинских летописей, Меликишвили Г.А. выделил на Северном Кавказе несколько периодов гегемонии тюркских племен: «IV–VI вв. – гунны; VII–IX вв. – хазары; XI в. – половцы (кыпчаки)» [«К истории древней Грузии», с. 37]. Если географически обозначить территорию доминирующего влияния хазар, печенегов и половцев, она совпадает с чертами одной общерегиональной культурной общности, отраженной в стиле одежды и вооружении. В отечественной истории России к наследию хазар, как ни странно, долгое время относились предвзято. Для ясности мы приведем несколько примеров. Н. Иванов в статье, опубликованной в 1952 г. в «Правде», сделал парадоксальный вывод: «В идеализации Хазарского каганата приходится видеть явный пережиток пороч-

ных взглядов буржуазных историков, при-
нижающих самобытное развитие русского
народа», а А.Н. Сахаров в свою очередь вто-
рит ему: «Хазария традиционно была врагом
в становлении древнерусского государства,
врагом постоянным, упорным, жестким и
коварным. Сто с лишним лет шаг за шагом
отодвигало Русь в сторону от своих судеб».
Основная мысль авторов прозрачна: Русь
воевала с хазарами, иногда покупала или за-
хватывала у них скот, кое-что, возможно, и
переняла, но никогда не вступала в культур-
ные контакты. В исторических процессах яв-
ления подобного характера не наблюдаются,
преемственность – это и есть ход истории. В
данном случае следует согласиться с мнени-
ем В.М. Жирмунского о том, что чем куль-
турнее народ, тем интенсивнее его связи и
взаимодействия с другими народами. В конце
концов, это не так важно, ибо никакое влия-
ние не может создать искусства там, где нет
его фундамента. Общеизвестно, что прекра-
щение обмена ценностями культуры пара-
лизует саму культуру, обрекает ее на немо-
ту. Две силы, два противоположных начала
(запад и восток), переплетаясь и сливаясь в
нечто новое, единое, только усиливали осно-
ву народного духа. Не менее важны сведения
арабских путешественников. Одним из таких
источников является трактат испанского уче-
ного из города Тортосы Ибрахима ибн Йаку-
ба. В 60-х годах X в. он посетил южную Гер-
манию, где был на аудиенции у императора
Оттона I (962–973 гг.) в Магдебурге. Ибра-
хим ибн Йакуб располагал обширными све-
дениями о славянских народах. Из описаний
путешествий ибн Йакуба уцелели только от-
рывки, дошедшие до нас в составе произве-
дений других авторов – испано-арабских гео-
графов XI в. ал-Бакри и ал-Узри, а также
арабского космографа XIII в. Закарии ал-
Казвини. «Ибрахим ибн Йакуб упоминает
хазар, руссов, печенегов и относит их наро-
дам, говорившим по-славянски, так как они
смешались со славянами» [146, с. 215]. В ар-
миях халифов IX и XI вв. довольно часто
встречаются мамлюки с нисбой *ал-Хазари*,
«*ас-Самани перечисляет несколько знатоков
хадисов с такими именами, несомненных по-
томков тюркских рабов-гвардейцев*» [158,
с. 24]. Еще М.И. Сухомлинов отмечал: «*На-
роды, осевшие на этом этнографическом дне*

*великой Европейской равнины, находились в
тесном и долгом общении с югом и востоком
Руси. Непременно должны были отразиться
в народном творчестве следы их влияния, как
отразились они, к примеру, в языке, быте,
общем складе русской народности*» [185,
с. 18–29]. Это явление не имеет строго этни-
ческой окраски, в большей степени связано с
ареалом культурного наследия ушедших с
исторической арены государств. Как извест-
но, в голой степи деревья не растут. Исходя
из данных этнографического и археологиче-
ского материала З.В. Доде считает: «*Наи-
большее воздействие на развитие северокав-
казских народов оказал Хазарский каганат.
Аланская правящая династия состояла в
родстве с хазарской, заимствовала их титу-
латуру, подражая хазарскому двору, носила
их костюм, который в VII в. представлял со-
бой базовый костюм мужского населения
Северного Кавказа. Поскольку есть основа-
ния считать этот костюмный комплекс ти-
пичным для всего населения, он будет рас-
сматриваться в качестве основного*» [ук. р.,
с. 43].

Северный Кавказ – исторически сложив-
шийся перекресток этнических традиций и
культурных взаимовлияний. Его население
испытывало на себе волны мощных миграци-
онных потоков, в ходе которых растворялись
целые народы и на гребне которых выплески-
вались новые этнические образования. Бал-
карцы, карачаевцы, кумыки и ногайцы – тюр-
коязычные народы, основная территория
расселения которых расположена в цен-
тральной и восточной части Северного Кав-
каза, где они занимают горные и предгорные
районы. Этногенетические процессы, которые
привели к формированию этих народов, были
сложными и хронологически весьма протя-
женными. Предкавказские степные простран-
ства испокон веков населяли народы, ведущие
единый образ жизни, связанный в основном с
животноводческим характером их хозяйст-
венной деятельности. Именно поэтому, не-
взирая на множество этнонимов скотоводче-
ских народов от античности до средневеко-
вья, они воспринимаются как части единого
этномира.

После распада Хазарского каганата его
преемниками в какой-то степени становятся
печенегы. Наше сложившееся историческое

представление о печенегах и сведения императора Византии Константина Багрянородного имеют существенные различия. Эта тема довольно обширная, поэтому мы не будем в нее углубляться. Важно отметить, что печенеги в определенный период господствовали на территории всего юга России. Половцы не успели создать единого централизованного государства. Половецкие племена, также как гунны и хазары, не составляли монолитной массы. Это факт был отмечен русским ученым Д.И. Ивайловским: *«Вообще в средневековой истории народов мы видим постоянную смену имен и довольно сбивчивое их употребление в источниках. Это явление сильно отразилось также в истории русских, болгар и хазар, но историография по большей части упускала его из виду, встречая новые племенные имена, обыкновенно разумела и новые народы»* [62, с. 26]. Части болгар, аланов, хазар, печенегов и кипчаков составляли одну этническую общность, будучи родственными по языку и происхождению. Есть основания считать, что часть болгар и хазар жили преимущественно в городах и предгорьях.

На территории Северного Кавказа обнаружено множество тюркских изваяний («каменных баб») и курганов, что говорит о долгом проживании здесь народов, которые входили в половецкое объединение народов. Скорее всего, в группу северокавказских половцев входили болгары, хазары, печенеги и тюркоязычные аланы. Армянский историк Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении», ссылаясь на сирийского историка III в. Мар Абас Катину, пишет, что в результате смуты в *«цепи Великих Кавказских гор»* часть болгарского племени переселилась в Закавказье. Первое из таких переселений он относит ко времени царствования сына Вахаршака – Аршака, который правил с 127 по 114 г. до н.э. [167, с. 587]. Известно, что в Закавказье часто оседали тюркские племена. К примеру, в Ипатьевской летописи под 1201 г. включена поэтическая легенда об отце Кончака княжиче Отроке, который был младшим сыном хана Шарукана. В легенде говорится, что Отрок бежал на Кавказ *«в Обезы за Железные ворота»* после успешных походов Владимира Мономаха. В данном случае следует отметить, что *Эбзе* – одно из названий Грузии в

карачаево-балкарском языке. Легенда, включенная в Ипатьевскую летопись, – реальный отзвук определенных событий. Летописец связал ее сюжет с походами Владимира Мономаха в половецкие степи. Историки, следуя за летописным сказанием, представляют дело так, что княжич Отрок бежал в Грузию с 40 тыс. отборного войска. Во главе этой внушительной армии Отрок шел оказать военную помощь своему зятю – царю Грузии Давиду IV. Важно отметить тот факт, что после ухода Отрока в 1177 г. на стороне царя Георгия III при подавлении оппозиционного движения крупных грузинских феодалов выступило 5 тыс. половцев во главе с их полководцем Купсаром. Владение Шаруканидов находилось в Подонье, исходя из этого можно заключить, что болгары и аланы входили в половецкое объединение. В Ипатьевской летописи сохранилось любопытное сведение. Речь идет об оказании военной помощи владимирским князьям, которые собирались выступить против волжских болгар. Они неуверенны в поддержке половцев, что отражено в летописной фразе очевидца: *«Мы можем пригласить половцев, но они единого языка и единого роду с болгарями»* [ПСРЛ. Ип. лет.]. В.В. Мавродин сделал важный вывод на основе археологических исследований Нижнего Дона: *«Болгары и другие ранние тюрки освоили юго-восток европейской части нашей страны, ассимилировали древнее население и утвердили свое языковое господство. Наличие в северянских курганах памятников – материальной культуры, несомненно, северокавказского происхождения или, во всяком случае, копирующих северокавказские вещи, является не чем-то случайным, позднейшим, связанным хотя бы с наличием в X веке касогов в составе дружины чернигово-тмутараканского князя Мстислава, а течением, шедшим из этнических глубин, результатом культурно-исторических традиций, укрепляющихся, быть может, уже в исторические времена и путем миграций»* [145, с. 232–233]. Уже в состав Киевской Руси входили многочисленные тюркские племена, а диалектика отношений с «половецкой степью» оседлых древних славян составляла нерв истории первых веков русской государственности. Помимо многочисленных войн (которые, кстати, были нередки и между славянскими племенами и даже

внутри одного и того же народа, в частности, княжеские усобицы) между древними славянами («лес») и древними тюрками («степь») шел интенсивный культурный обмен, и подчас были периоды долгого крепкого мира [86, с. 31, 38]. Двойные стандарты в освещении исторических событий всегда имели место.

Например, Игорь хороший – Кончак «поганный». Может быть, это мнение сложилось под впечатлением оперы Бородина «князь Игорь»? Надо сказать, что в отличие от летописей в народном фольклоре, в былинах нет той враждебности к Атраку, Кончаку и половцам.

*Поднимается на Киев да Кудреванко-царь
А да с любимым-то зятелком со Атраком,
Он с любимым-то сыном да все со Коньшиком.
Да у Атрака силушки сорок тысячней;
Да у Коньшика силы да сорок тысячней;
У самого-то Кудреванка да числа-смету нет.*

Обратите внимание на суффиксальное окончание в именах *Коньшика*, *Кудреванка*. Этот суффикс весьма продуктивен, выражает некий уважительный оттенок: Любушка, Иванка, Степанка и т.д. А.Н. Островский, как мы помним, в весенней сказке «Снегурочка» берендеев описывает положительно, как особый сказочный народ. Но ведь это тоже половцы. В средневековых иллюстрациях по типу вооружения невозможно отличить тюрков и славян. Не отличались они и антропологически. Приведем пример, в 968 году печенеги подступили к Киеву и разбили свой стан в его окрестностях. Печенежские войска расположились плотным кольцом. «Нельзя было ни выйти из города, ни весть послать, и изнемогали люди от голода и жажды» [275, с. 168]. Киевляне начали искать смельчака, который мог передать весть русским воинам. И тогда нашелся юный киевлянин, который заявил: «Я могу передать!». Выйдя незаметно из города, он прошел через печенежский стан, спрашивая на печенежском языке: «Не видел ли кто-нибудь моего коня?». Ибо знал он по-печенежски, и его приняли за своего» [275, с. 168]. Они в первый раз подошли к Киеву, а славянский юноша уже в совершенстве знает тюркский (печенежский) язык. Выходит, он не отличался как одеждой и прической, так и по антропологическим признакам от печенегов. Иначе этот «лазутчик» был бы сразу разоблачен. Ал-Бакуви так описывает внешность печенегов: «Они длиннородые, среди них много длиннорослых, они сильны и неодолимы» [264, с. 66, 69]. Руи Гонсалес Клавихо приводит любопытный пример из путешествия в Самарканд

ко двору Тимура. Внешний вид послов испанского короля столь сильно отличался от одежды тюрков, что: «Над ним смеялись все, кто его видел, так как он был одет по-кастильски» [179, с. 306]. В раннем и позднем средневековье (это относится и к античному времени) одежда народов Западной и Восточной Европы сильно отличалась, процесс нивелирования форм оказался очень продолжительным. Обратите внимание на описываемую внешность Святослава, в одном ухе серьга, пучок волос на макушке на манер тюркско-болгарской моды, ел конину, испеченную на углях, спал, подложив под голову седло. В Византийских летописях сохранилось более точное описание внешности русского князя: «Видом он был таков, среднего росту, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом (?), с бритой бородой и с густыми длинными висящими волосами на верхней губе. Голова у него была совсем голая, но только на одной стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный» [174, с. 361]. Выходит, что знатность рода определялась по тюркской моде. Уж больно смущает внешность Святослава, которая больше напоминает образ печенега или казака.

А.Н. Кирпичников пишет: «В результате комбинированного воздействия этих и других причин на Руси не позже X в. возникает боеспособная конная сила, снаряженная изделиями, типы которых были преимущественно заимствованы восточными славянами у кочевых и полукочевых народов юга и юго-

востока европейской части СССР в результате прямых контактов с европейскими номадами». Как мы ранее отмечали, в эпоху Средневековья военное дело и его уровень являются не только показателем состояния производительных сил и экономического состояния, но и показателем уровня культурного развития народа. Современники отмечали, что тюркские воины, будь то печенеги, болгары или половцы, имели хорошее защитное вооружение – кольчуги, а также пластинчатонашивные доспехи, состоявшие из металлических пластин чешуйчатой формы, нашитых на кожаную основу – *жильяи кубе* «змеиный панцирь». Не надо забывать, кто дал миру саблю, шашку, сложносоставной лук, конское седло, стремя. Лошадей они защищали не хуже себя – «в брони, яко в леду». В летописях мы часто встречаем «железные полки половецкие». Воины тюркского Поросья ничем не отличались от своих степных собратьев. Экипировку, вооружение славян и половцев по известным нам миниатюрам Радзивилловской летописи практически невозможно отличить. По мнению Я.А. Федорова, половецкая орда на Северном Кавказе была очень многочисленна и могущественна. В «Картлис Цховреба» (История Грузии, XII в.) Кипчакия на Северном Кавказе выступает, как одна из крупнейших тамошних держав, и даже названа в источнике «Диди Кивчакети» – «Великая Кипчакия», и ее столицу Сююч-кала размещается на реке Сююч сув – Сунжа [9, с. 123]. Примечательно, что сестру Кончака называют «царицей всей Грузии», а Отрока Шарукановича *умтавреси* – «главным из главных», повелителем всех кипчаков, сюзереном всей кавказской Кипчакии. О первостепенном положении Отрока, которое он приобрел на Северном Кавказе, можно судить по титулу *мере* – царь, которым величают его в грузинских летописях. Это значит, что в представлении грузинского хрониста Отрок был верховным повелителем северокавказской Кипчакии, а не *эристави* – воеводой, как принято считать в данное время в историографии.

Всем известно, что половцы в средние века играли важную роль в Закавказье до монгольских завоеваний. Атрак, половецкий хан, стал придворным фаворитом. Его влияние опиралось не только на силу своих воинов, но и на родственные отношения с царем.

Такие фигуры, как Атрак, Кубсар, Кутлу Арслан, мать царицы Тамары Турандухт, являлись выдающимися личностями на сцене грузинской истории в XII в. В Грузии кипчаки появились при правлении Георгия III, в дальнейшем во времена правления его дочери были привлечены дополнительные воинские контингенты половцев. Их называли «новыми кипчаками» (*кивчаки ахални*), а тех, кто пришел ранее – *накиз чакарас (чаркас)* [255]. В грузинских источниках XII в. понятие черкес и кипчак равнозначны. В исторических хрониках есть свидетельства частных вторжений на территорию Закавказья северных кочевых племен. Имеются также сведения о том, что часть этих племен оседала в Грузии и Армении (болгары, аланы и половцы), некоторые уходили транзитом в страны Востока, например турки-сельджуки, печенеги и половцы. В анонимном армянском источнике XIII в. «Летописи» Себастиана говорится: «После этих дней (вторжение монголов, – Н.Б.) появились войска гуинов, которых называли кипчаками; они попросили у грузинского царя места [для поселения], обещая служить им, но им в этом отказали; тогда жители Гандзака (Тебриз – Н.Б.), которые [терпели] притеснения со стороны грузин, приютили их и те во всем помогали им. Иване, собрав войско, немедленно выступил против них; кипчаки, поднявшись против него, предали их (грузин, – Н.Б.) мечу и победили, как скотов гнали перед собой, позоря и мучая, а персиян избивали и жестоко угнетали...» [254, с. 23]. Результаты этих контактов отразились в одежде и в вооружении грузин и армян. В связи с этим З.В. Доде исследовала одежду, изображенную на средневековых фресках Грузии: «В церкви Бетана изображены царица Тамара и царь Георгий III с Георгием Лашой. Последний одет в кафтан с отворотом, полы и низ которого отделаны парчой. На длинных рукавах – нашивки выше локтя. Под кафтан надета нижняя рубаха. На другой фреске из церкви в Бертубани кафтан Георгия Лаши запахнут, но на рукавах те же нашивки, полы и низ обшиты тесьмой. Фрески датируются XII–XIII вв. В церкви Архангелов в Ипрари, расписанной художником Тевдоре в 1096 г., на фреске, изображающей Георгия Победоносца, попирающего Диоклетиана, оба героя одеты по тюркской

моде: в распахнутых халатах, отделанных парчой, с сужающимися к запястью рукавами, также декорированными шелком, и в мягких кожаных сапогах, закрывающих колени. На фреске Нузальской часовни по тюркской моде одеты ктитеры: у всех кафтаны с левосторонним запахом. На Атоне кафтан с короткими рукавами, обшитый по швам декоративным кантом. Короткие рукава или нашивки видны на кафтане Пидораса, его кафтан и кафтан Елии имеют боковые разрезы. У Сослана под кафтаном надета нижняя рубаха или нижний кафтан. Эта одежда имеет стоячий воротник и застегивается на круглые пуговицы, пришитые на планку и на воротник. Аналогична одежда Давида. Интересно, что по тюркской моде одеты и оруженосцы византийского императора Иоанна VI Кантакузина на миниатюре XIV в., изображающей придворную церемонию» [78, с. 33]. В X–XII вв. наёмные дружины составляли значительную часть гвардейских формирований Византии. Только этим можно объяснить последующие крупные победы императорской армии в столкновениях с арабами. В результате формирования регулярной армии из наемников Византия вновь стала одним из самых сильных в военном отношении государств. «В последующие века XI–XIV численность византийской армии не превышала 20 тысяч человек и состояла в основном из наёмников-турок и монголо-татар» [116, с. 174]. Опираясь на все известные ей материалы, З.В. Доде приходит к выводу: «Итак, Северный Кавказ оказывается под влиянием тюркской моды. Неудивительно, что с этого времени в развитии форм местного костюма намечаются новые тенденции. Образное содержание, структура и базовая форма женского наряда претерпевают коренные изменения. Существенные новшества появляются и в ансамбле мужского костюма» [78, с. 39]. На протяжении многих лет тюркские народы Кавказа являлись централизующим звеном в самом многонациональном регионе нашей страны. В результате этого тождество многих черт культуры народов Кавказа и тюрков объясняется не только сходством их географического положения, близким соседством и общением. Но и одним общим истоком – вкладом тюркских племён в материальную и духовную

культуру региона, что привело к созданию многих сходных черт в культуре, формах одежды, традиционных верованиях, в быту, в фольклоре и т.д. По этому поводу очень точно выразился И.В. Тресков: «Из разрозненных высказываний ученых, из данных языка и фольклора, этнографии и археологии вырисовывается исключительно яркая и интересная картина многовекового общения самых разнообразных племен и народностей, их мирной добрососедской жизни, военных столкновений и самых неожиданных этнических смешений» [112, с. 177]. Исследования последних десятилетий подтверждают наш тезис о том, что творчество тюркских народов наделено яркой самобытностью и занимает немаловажное место в мировом процессе развития материально-культурных ценностей. В средневековье тюркские племена были законодателями моды, в хазаро-половецкой одежде щеголяли представители высшего общества Византии, Венгрии, Грузии. К сожалению, мы не знаем, чем их привлекала одежда тюрков, но столь массовое увлечение «языческой тюркской» модой в самый разгар крестовых походов вызвало вмешательство самого Папы Римского. Король Венгрии, Кумании и Болгарии, рожденный от половчанки, Ласло Половец окружил себя половцами, «при дворе распространились половецкие обычаи, роскошь и их одежда». От половецких князей в особом манифесте требовали обратиться в католическую религию и оставить прежние верования. Для соблюдения выполнения этого требования Папой Римским назначались инквизиторы. Он требовал от короля Венгрии, «чтобы он сам оставил и других принудил оставить обычаи половецкие, ношение половецкой одежды и ношение волос на половецкий манер» [65, с. 189]. В. Василевский приводит любопытный пример. В 1090 г. н.э. византийцы напали на небольшой отряд печенегов и уничтожили его. После боя «перенарядились в печенежское платье, снятое с убитых и пленных, сели на печенежских лошадей, взяли их знамена и сделали до того похожи на печенегов, что могли испугаться самих себя» [44, с. 254.]. Это сообщение интересно и тем, что оно однозначно говорит о том, что печенеги были европеоидами. Как отмечают исследователи: «Поражают разнообразные одеяния половецкой скульптуры.

Головные уборы могли быть в виде боевого шлема, едва намеченной шапочки (подшлемник) или высокой, часто пышной, с заломленными полями шляпы. Разнообразны кафтаны, с их бесчисленными особенностями покроя и узоров-орнаментов на рукавах, груди и полах» [186, с. 85]. Рубрук, проезжавший через половецкие степи в середине XIII в., упоминает о каких-то «черных войлоках», в которые скотоводы «закутываются» во время дождя [173, с. 101]. У Рашид ад-Дина читаем: «Все войско надело валянные из войлока кепенеки» [245, ч. 1]. «Неслучайно, — отмечает В.М. Батчаев, — название «кепенеки» в Венгрии перешло на армейскую шинель» (кьепьенеги). В русских летописях упоминается яланча, что является джамчи, замычи (бурка). Данное слово встречается в армянском языке в форме япинджи [17, с. 18]. Манера ношения плечевой одежды с запахом справа налево типична для тюрков и встречается на фигурках тюрков, приближенных бухарского повелителя VII — начала VIII в. [42, с. 141]. Запах одежды имеет этническую специфику, полы могут сходиться посередине, либо левая пола может находить на правую. Например, в каменных тюркских изваяниях подчеркнута такая специфика расположения полок, отличающая тюрков от монголов и китайцев. Аналогичная одежда встречается также на тувинских погребальных памятниках — «каменных бабах» VII–IX вв. Именно с таким запахом (справа налево) изображены тюркские воины на росписях Пенджикента и пещере Майя в Кызыле (Куча) [244, с. 150–152]. Равдоникас утверждает в своем исследовании «Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа»: «Вопрос принадлежности Белореченских курганов остается пока открытым. Отметим здесь только влияние кыпчакской «моды» на одежду и состав украшений, найденных в этих курганах, сказавшееся в покрое коротких кафтанов, схожих с кроем татарского кафтана из V века, манера крепления штанов на голенища наколенными ремнями с пряжками или, как пишет Веселовский, «особыми подвязками», что говорит о старой тюркской традиции» [177, с. 73–74]. Материалы, найденные в Белореченских курганах, показывают, что мужчин хоронили в шапочках — нижнем головном уборе (подшлемниках). На каменных статуях Предкавказья, ос-

тавленных там тюркскими народами (болгарами, хазарами, половцами и т.д.), изображены круглые шапочки. По мнению Гезы Фехер, тюрки изображали погребенного в колпаке, так как показывали его в момент ритуального жертвоприношения, а лишить его головного убора совсем было невозможно, ибо, по представлениям тюрков, головной убор и пояс являлись символами «свободного состояния» [177, с. 77]. Представления тюрков сказались в обычае северокавказских народов присутствовать на похоронах в головном уборе, поскольку с исламом и христианством этот обычай не связан. Подобное встречается у придунайских болгар, которые в свое время просили у папы Николая I разрешения войти в церковь и исполнять литургию в головных уборах. Войлочные шляпы, колпаки, тюбетейки имели очень широкое распространение. Остатки их найдены в захоронениях на Черноморском побережье, Ставропольском крае, Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. С мамлюками шапочка-подшлемник попала в Египет, где в соответствии с местными вкусами превратилась в головной убор юношей и девушек, в Грузию через сванов — «сванка». В Предкавказье и Поволжье был широко распространён так называемый калансуву — головной убор волжских болгар и русов, известный с начала X века по описанию Ибн-Халана. В XII–XIII вв. калансуву стал модным в Иране, Ираке и Египте. Носили его «халифы-аббасиды, их визири, кадии». [11, с. 16]. В связи с рассматриваемыми вопросами большой интерес представляет памятник Дука-Бека на р. Этоке. О тюркском происхождении памятника свидетельствует одежда: стёганая куртка с длинными рукавами, простеганная не поперек, а вдоль руки (что характерно для стёганой одежды тюркских народов), напоминающая казахский камзол, бытующий с некоторыми изменениями в покрое и поныне, изображение непропорционально уменьшенного оружия, что типично для тюрков и неоднократно встречается в памятниках Семиречья и Алтая. Головной убор, войлочная шапочка известна на Кавказе по изображениям на тюркских каменных статуях. Очень интересен вопрос о датировке памятника. По мнению А.А. Иессена, памятник Дука-Бека можно датировать не только кон-

цом XVI в., но и XVII в. [96, с. 33–34]. Это подтверждает, что некоторые тюркские племена жили в XVI–XVII вв. по реке Этока. На изваяниях часто есть и шлем – головной убор, бытование разных вариантов которого на Северном Кавказе установлено с VII в., в период Хазарского каганата. Что касается женских шапочек типа «бокка», то истоки её в кыпчакской моде XI–XII вв.: головной убор-диадема, напоминающий венчик, различные типы которого найдены на Черноморском побережье близ станиц Раевской и Натухайской и на аланском кладбище X–XII в. близ станицы Змейской, были найдены и в Балкарии в склепах XV–XVI вв. С. Равдоникас считает, что этот головной убор связан с балкарцами [177, с. 117]. Таким образом, пишет она: «Особенно сильным было влияние тюрков. И это неудивительно, так как тюркская мода постепенно всё больше усваивалась населением Ближнего Востока и Малой Азии, и торговыми путями образцы её попадали на Кавказ, где и без того влияние местных тюрков было сильным» [там же, с. 101]. Дж. М. Роджерс отмечает: «Обзор XI–XIII был бы неполным без упоминания так называемого «звериного стиля», который по общепринятому мнению, распространился на запад главным образом в результате больших тюркских вторжений. Конечно, не может быть сомнений в том, что «звериный стиль» играл важную роль в декоре при тюркских династиях» [158, с. 257].

С приходом монгольских войск, и впоследствии с образованием Золотой Орды доминирование половцев в южнорусских степях не закончилась, несмотря на то, что русские летописи редко вспоминают о них и чаще говорят о татарах, что говорит о замене этнонима «половцы» этнонимом «татары». Не покорившаяся монголам часть половецких племён отступала в двух направлениях – на запад и на юг. Знаменитый половецкий хан Котян Сутоевич, который в своё время разбил рыцарей императора Балдуина и взял его в плен, отступая, дошёл до Венгрии, где и обосновался. В 1239 году монголы совершают поход на Крым, оттесняя сопротивляющуюся часть половцев на запад. Котян ведёт переговоры с королём Венгрии Белой IV о переселении половцев в междуречье Тиссы и Дуная. В 1239 году произошло переселение,

и вскоре эмигранты занимают ключевое положение при королевском дворе. Король отдаёт предпочтение половцам на заседаниях и советах, а дочь Котяна Эржебет (Елизавета) становится невестой наследника престола. Часть половцев переселилась в Болгарию, между половцами и болгарями существовали давние дружественные отношения. В 1187 году половецкие ханы Петр и Асен, заключив союз с болгарями, наголову разбили византийского императора Исаака Ангелиса. Таким образом, болгары освободились от векового византийского ига. Первое Болгарское царство было основано тюркоязычными болгарями, ордой хана Аспаруха, половцы помогли восстановить вторую Болгарию. Другая часть половцев (предкавказские), теснимые монголами, отступая, подошли к городу Дербенту. Жители города отказались пропустить их. Половцы, оказавшиеся между молотом и наковальней, взяли Дербент штурмом. Затем устремились в Закавказье и в Малую Азию. После описанных событий на Балканах и Кавказе часть половцев остаётся в Болгарии, другие возвращаются в Венгрию, третьи объявляются на Руси. С.А. Плетнёва пишет: «Пришли половцы и в Литовское княжество. Об этом свидетельствуют интересные, дошедшие до нас документы XIV в., в которых говорится о происхождении рода князей Половцы-Рожиновских, находившихся на службе в Литве с XIII в. [226, с. 228]. Их предком называется известный хан Тугоркан, а владения их были якобы в Поросье. Мы знаем, что Тугоркан был приднепровским ханом и Поросьем не владел. Однако его потомки, возможно, именно в лихую годину нашествия могли пойти на службу к киевскому князю и получить землю в пограничном Поросье, среди чёрных клобуков, многие из которых погибли в битве на Калке. Следующие походы чингизидов стали причиной ухода рода Тугоркана дальше на север – под кровительство литовского государя» [171, с. 175]. В 1235–1236 гг. половцы появились в глубине русских земель, причём совершенно непригодных для кочевого скотоводства областях. Это отмечает и С.А. Плетнёва: «Так в Ростово-Суздальской земле нашла пристанище значительная часть берендеев, пополнивших ряды привлеченных туда ещё Юрием Долгоруким всадников...» [там же]. В основ-

ном армия хана Батыя состояла из тюркских народов, благодаря которым какая-то часть половцев вернулась обратно в степи. Так закончился половецкий период в степях Евразии, хотя продолжение их истории закончилась гораздо позже в Египте и Сирии, где половецкие династии просуществовали до XVI в. Многие попавшие в плен половцы были проданы в рабство на восток. В. Тизенгаузен пишет, что этот факт запечатлен в сказании мамлюков в Египте: «В результате которого многие из кыпчаков разбрелись по разным странам света. В это-то время купили их купцы и повезли в разные города и земли» [218, с. 641]. Арабы очень высоко оценивали их воинские качества, но от них требовалось одно условие – принятие мусульманской религии. Данное требование они охотно выполняли, после чего перед ними не оказывалось никаких препятствий для достижения высоких постов. Вообще, арабский Восток рано стал проявлять интерес к тюркским народам. Причиной тому, как отмечает В.А. Гордлевский, «послужило то обстоятельство, что племена тюркской языковой группы стали проникать в Малую Азию, по-видимому, с IV века, как со стороны Кавказа и Ирана, так и со стороны Балканского полуострова» [63, с. 491]. Арабы, впервые встретившись с тюрками, были поражены их воинским искусством и несгибаемостью. Это отмечает В.В. Бартольд: «Арабы в соприкосновении с тюрками от наступления перешли к обороне» [23, с. 24]. В период великих завоеваний Халифата арабы столкнулись с ещё более грозным противником. Поэтому первые высказывания арабов, засвидетельствованные в хрониках, не отличаются оптимизмом: «Арабы страшлись тюрков не только в настоящем, но и связывали с ними мрачные предсказания своего будущего» [8, с. 22]. Одно из первых упоминаний северокавказских тюрков мы находим в рассказе из жизни халифа Муавии (661–685 гг.), где он предостерегает наместника Армении: «Они доберутся до родины наших предков». Абу ал-Ала ибн Хасул в книге «О превосходстве тюрков над другими воинами» пишет: «Тюрки в своей службе никогда не падают так низко, как другие невольники, принуждённые в плену подметать пол и делать другую работу. В отличие от того, какими мы видим индий-

цев, румийцев, армян или других рабов, невольничье положение тюрков всегда имело ограниченную силу и определённые пределы. Избавившись от оков, тюрков не будет чувствовать себя удовлетворённым, пока не станет во главе войска или удостоится быть хаджибом, либо командиром крупного отряда и влиятельным военачальником в войске. Это не свойственно Хорасану, хотя эта земля граничит с их страной, но это наблюдается, например, в Египте, стране, которая является наиболее отдалённой от их родины, а также наиболее чуждой им по речи и языку» [8, с. 112]. Мамлюки из половцев усилили уже существовавшие дружины гулямов, со временем они захватили верховную власть в стране. По признанию самих арабов, мамлюки становятся вершителями судеб государства и самих халифов [8, с. 17]. «Они сажаят на престол кого хотят, а кто им негоден – свергают, не спрашивая мусульман и не руководствуясь верой» [там же, Табари, III, 1510]. Во второй половине XIII века мамлюки разгромили монголо-татар при Айн-Джалуте [211, с. 16]. Четырехвековое господство тюрков на Ближнем Востоке воспринимается неадекватно. Власть пришельцев для любого народа считается унижительной. Более того, мамлюки, будучи бывшими наемниками, рабами, на самом деле представляли собой аристократическую элиту Халифата. Вероятно, стоит согласиться с Д. Олдрижом «Главным злом было происхождение этих феодалов и султанов». Мамлюки были изолированной кастой, не имевшей корней в стране и в народе, которыми они правили. Но в большинстве случаев их характеризуют с положительной стороны. Средневековые арабские авторы отмечали: «Аллах Всевышний распределил так, что каждый народ, каждое колено, каждое поколение, каждый род преуспевает в пределах своего совершенства: китайцы в ремеслах, греки в философии и литературе, арабы сильны в каллиграфии, письме и богословии, Сасаниды в государственном устройстве, тюрки в войнах». Абу Зубейда отмечает: «Омар запретил описывать льва, потому что это усугубляет страх в сердце трусливого и вселяет ужас в душу и убавляет храбрости у смелого. У тюрков же еще более устрашающий вид, чем у льва». Бернанд Льюис приводит пример из работы

Ибн Халдуна «Китаб алибар», где великий историк обновляет представление о тюрках. Он дает обзор почти повсеместного господства тюрок в его время и замечает, «что в период, когда безмятежная жизнь и праздность мусульман, отсутствие у них жизненных сил и мужества обрушились на их головы вторжение крестоносцев и монголо-татар, Аллах сделал Египет защитным бастионом против неверных в лице мамлюков из сильных и многочисленных тюркских племен. Более того, Аллах своим провидением сделал так, что волна за волной, поколение за поколением тюрки будут приходить в мусульманский мир, чтобы не дать старым привычкам к вялости и спокойной жизни снова укрепиться среди мусульман» [158, с. 33]. Есть и иные мнения, согласно которым мамлюкская империя – это фактически узаконенный грабеж населения Ближнего Востока тюркскими султанами и эмирами, с чем мы не согласны. В 1264 году султан Бийбарс принял закон, запрещавший женщинам носить мужскую одежду. Скорее всего, это в первую очередь касалось тюркских женщин, поскольку они, как и их мужчины, носили штаны, кафтаны и не надевали чадру. Этому есть и косвенное подтверждение «их женщины скроены по образу мужчин». Автор этих строк хотел подчеркнуть внешнюю схожесть одежды (как известно, ранние формы одежды мужчин и женщин не имели существенных различий). В средневековых повествованиях встречаются сообщения о том, что у тюркских народов даже женщины умели стрелять из лука и наравне с мужчинами скакали на лошади. Существует единственная дошедшая до нас статуя женщины-амазонки (с саблей, колчаном и луком), изображенная стоящей [171, с. 133]. Сохранилось краткое описание внешности татарской дамы Садур-иелик и ее свиты И. Шильтбергером: «Все они ездили верхом и стреляли из лука не хуже мужчин» [245]. Т.Д. Равдоникас отмечает: «Согласно археологическим данным и сведениям исследователей в этой области и письменным источникам многие виды верхней одежды и головного убора были типичными у мужчин и у женщин» [177, с. 163]. Например, путешественники в XIII в. Отмечали, что монгольских девушек и молодых женщин с большим трудом можно было отличить от мужчин, так как

одежда была очень схожа. При этом женщины выделялись в основном головными уборами [78, с. 10]. С.А. Плетнёва пишет, что в Каире то время было много половцев: «Султан Калаун окружил себя 12 тысячами кыпчакских мамлюков и 1200 кыпчакскими наложницами. Такой же 12-тысячной гвардией владел и его сын Ан-Насир. Помимо зависимых кыпчаков (купленных на рынках рабов), в Египет хлынули из Деиш-и-Кыпчака многочисленные родственники простых мамлюков, эмиров и даже самих султанов. Вся эта масса кыпчаков осела в Египте, в Каире. Это подтверждается в наименовании кварталов Орду и Татария. Есть сведения, что к одному мамлюку в течение нескольких дней приехало около сотни человек родственников. Он заботился о них, одевал подарками. Многие из них оставались в тюркских кварталах Каира» [Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв.]. Этот запрет на ношение мужской одежды женщинами связан с религией: ислам запрещал подобные вольности женскому полу, впрочем, и мамлюки к тому времени были уже ревностными мусульманами. Эпоха мамлюкских династий имеет прямую связь с тюркскими народами половецкого периода, когда они оказались в гуще начинавшегося великого культурного и политического подъема Халифата. В орбиту общественной жизни арабского мира были вовлечены представители многих тюркских племен, которые прежде считались заклятыми врагами ислама. С IX–XV вв. мамлюки становятся одним из важных факторов поступательного развития ортодоксального исламского общества, без преувеличения будет сказано, именно они спасли мусульманский мир от завоевательных походов европейских рыцарей. В заключение, хотелось бы сказать, что в мамлюкских армиях были представители и кавказских народов, славян и курдов, но основная часть войска, как и все султаны, состояла из тюркских народов (половцев, печенегов, хазар, болгар и татар). Мамлюки оставили после себя большое литературное наследие – словари, глоссарии, трактаты о военном искусстве, поэмы и т.д., язык которых не вызывает сомнений в его этнической принадлежности. Период правления мамлюкских султанов – это время независимости и наивысшего расцвета искусства, культуры, ме-

дицины, литературы и т.д. Как отмечает Амин ал-Холи: «*Пребывание мамлюков кыпчакского происхождения в стране оставило заметный след в истории Египта... Они принесли с собой свои обычаи и традиции*». Например, изготовление *кумыса*, забивание лошадей на мясо, ношение кыпчакского (татарского) *кафтана*, *колпаки* (подшлемники), выход женщин на улицу без чадры, кожаные мягкие сапоги, распространение множества татарских тканей *татарият* и др. [там же, с. 12, 23–24]. Сюда же можно добавить изготовление айрана «*ляб-айран*», *йогурта*, *бозы* (позже была запрещена); предметы вооружения: сложносоставной лук (тюркский), пластинчатые доспехи гуннского стиля, острокопечные половецкие шлемы, кинжалы «*кама*», дротики «*синге*»; армия, организованная по тюркскому образцу, административное деление государства. При мамлюках в Египте распространялась *яса* – законы Чингиз-хана. Они постепенно заменяли законы шариата. Смешение арабских и тюркских обычаев наблюдалось и в других сферах [63, II т., с. 141]. По предположению К.Э. Босворта, зарождение геральдики восходит к эпохе мамлюков [41, с. 102]. Как отмечает Д. Олдриж: «*Нет сомнения, что грубые, корыстолюбивые и жестокие крестоносцы, создавая свой рыцарский кодекс, многое заимствовали у мусульман (имеется в виду мамлюков, – Б.Н.)*» [166, с. 97]. Многими авторами отмечено, что рыцари-крестоносцы не принесли на Восток никакой культуры, но уходя с Востока, взяли с собой довольно много. Довольно интересный факт, самыми горячими поклонниками мамлюков были, как ни странно, христианские биографы. Именно они, а не арабы, превратили Саладина и Бийбарса в полумифические фигуры. Несомненно, долгое пребывание тюркских народов в арабских странах оставило заметный след во многих сферах. К примеру, фундаментальное исследование иранского и арабского языка («Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском») Г. Дерфером выявило, что многие тюркские слова, считавшиеся арабизмами и иранизмами, на самом деле оказались тюркизмами в персидском и арабском языках.

В отличие от Востока, взаимоотношения славян и тюркских народов складывались иначе. На протяжении векового смежного

проживания было всякое: войны, союзы, династические браки и т.д. Часть тюркских племен хазар, печенегов и торков под этнонимом *черные клобуки* проживали в городах Киевского княжества. По данным русских летописей в случае войны эти конфедераты могли выставить до шести тысяч конников. В Черниговском княжестве на таких же правах были тюркские племена известные под этнонимом *ковуи*. В тексте средневековой поэмы «Слово о полку Игореве» сохранились этнонимы *ковуев*, которые не зафиксированы даже в летописях. Защищая Русь черные клобуки, *ковуи* и *берендеи* постепенно воспринимали русский язык, русскую культуру, но так же многие элементы своей культуры передали славянам. Как было ранее отмечено, этническое взаимовлияние односторонним не бывает. Не случайно автор поэмы отмечает, что они герои «*звонят в прадедовскую славу!*». Из этой фразы видно, что и деды этих степняков прославляли Русь своими подвигами, они давно уже среди славян были своими. К примеру, в 1024 г. произошла битва между двумя братьями Ярославом Мудрым и Мстиславом под Лиственном. Войско Мстислава Тмутараканского состояло из тюрков: хазар, болгар, печенегов, половцев и северян. На стороне Ярослава выступила дружина варягов. В кровопролитном ночном сражении победу одержал Мстислав, который после битвы говорит: «*Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела*». Как мы видим эти племена были давно уже «своими» на Руси. Из перечисленных выше народов без труда можно определить четыре из шести. Судя по форме перечисления, автор, видимо, указывает эти этнонимы в определенном порядке, согласно рангу и статусу.

Могуты – не вызывает сомнения, что это один из тюркских этнонимов «*мангыт, мангут, меркит*», которые входят в родоплеменной состав ногайцев, казахов, кочевых узбеков и татар. Для сопоставления отметим, что жители Дагестана азербайджанцев и сегодня называют *могулами*.

Татраны – вполне сопоставимо с варьированием этнонима «*татар*». В западных хрониках этот этноним часто встречается в форме «*татраны, тартары*». Отметим, что в Русских летописях впервые упоминается по-

сле татаро-монгольского завоевания Восточной Европы. Считаем, что не исключена еще одна версия. Какая-то малая часть орды татар, возможно, была вовлечена в западный поход в более ранний период.

Шельбиры – савиры, тюркское племя, которое входило в гуннскую конфедерацию племен. По сведениям византийских и армянских источников территорией проживания савирских племен были степи Предкавказья. Более подробно и достоверно о савирах пишет Прокопий Кесарийский. По его сведениям «савиры – многочисленное племя, которые живут в стране гуннов, они часто воюют на стороне Византии против персов». Л. Гумилев отождествляет племя савиров с северянами Черниговского княжества.

Топчаки – синоним слова *кипчак*, в русских летописях *половец*. Этимология слова на тюркских языках прозрачна: *топ* «клубок, шар» (кар.-балк.), *кып* «клубок, шар» (кар.-балк.), *-чак* – словообразующий аффикс. Следовательно, в этнониме *кыпчак* замена морфемы *кып* на *топ* может создать синонимический нео-этноним *топчак*. Вполне допустимо, что *черные клубуки* русских летописей – это калька тюркских этнонимов *топчак, кыпчак*.

Ревуги – определению пока не поддается, поскольку народа с подобным именем у древних авторов мы не находим, нет его и в реестре родоплеменного состава тюркских народов. По мнению Ф.Е. Корша и С.Е. Малова, этноним состоит из слова *ег* «муж» и *вогу* «богатырь», «сильный», «герой» ~ *ег вогу* «муж-богатырь». А.А. Зайончковский идентифицировал этот этноним с протоболгарским именем хана *Ег uwig*. К. Менгес предполагал в этом названии сочетание *аг вога* «мудрый шаман» [147, с. 135].

Ольберы – слово по типу похоже на тюркское. Как правило, окончание *ер, ар* в тюркских этнонимах часто употребляется в значении человек (*болгар, хазар, татар, мишар* и т.д.). Но прямого соответствия в наречиях тюркского языка мы не нашли, возможно, это один из дефектов, допущенных неизвестным переписчиком «Слова». Автор данной работы считает ольберов одним из авангардных тюркских племен. С небольшой натяжкой этноним сопоставим с летописными *обрами*. Важно отметить, что эти сведения

подтверждаются данными арабских путешественников. Одним из таких источников являются сведения ученого из города Тортосы Ибрахима ибн Йакуба. В 60-годах X в. он посетил южную Германию, где был на аудиенции у императора Оттона I (962–973 гг.) в Магдебурге. Ибрахим ибн Йакуб располагал обширными сведениями о славянских народах. Из описаний его путешествий уцелели только отрывки, дошедшие до нас в составе произведений испано-арабских географов XI в. ал-Бакри и ал-Узри, а также арабского космографа XIII в. Закарии ал-Казвини. «Ибрахим ибн Йакуб упоминает хазар, руссов, печенегов и относит их народам, говорившим по-славянски, так как они смешались со славянами» [146, с. 215]. У Константина Багрянородного (X в.) есть упоминание о том, что Киев имел в древности название Самбатос (Шамбатас). Это всегда беспокоило современных исследователей истории Киева, потому что не вязалось со официальной версией его становления. Оно и понятно – имя Самбат (Шамбат) явно тюркское, происходящее от имени младшего брата хана Кубрата. В средневековой поэме «Шан кизи достани» сказано о том, что за непокорность Кубрат прозвал своего брата Кием, что означало «отрезанный, отделенный», откуда в дальнейшем пошло «Киев» (*кыйв, кыйй, кыййр*). Может быть, это совпадение, но стоит обратить внимание на этимологию названия города Карачев – дословно, «черный», омоним *карачи* – смотреть, *карачи* – воинское звание, чин, отсюда русское *караул*. Можно предположить, что Чернигов – это калькированный перевод Карачева. В 1006 году киевский князь Владимир провожал католического миссионера Бруно к печенегам в целях проповедования христианства в их становищах. Владимир проводил его до границ печенегов. «Два дня провожал... до последних пределов своего государства», на третий день они столкнулись с печенежскими разъездами. В начале XI века печенеги жили всего в 100 км от матери русских городов – Киева. В сочинениях арабских путешественников даются важные сведения. В частности, ал-Идриси пишет: «Кукийана (Киев) – город тюрков, называемых Руса». Аналогичный рассказ приводит Ибн Холдун: «Русы – один из тюркских народов, они живут по соседству от

Рума и приняли также христианскую веру с весьма древних времен» [147, с. 358]. Эти сообщения дают нам основание предполагать, что в средневековье тюрки и славяне жили смешанно в Северном Причерноморье. Видимо, этот факт ввел в заблуждение арабских путешественников. Как отмечает А.С. Королев: «В землях полян – Руси, в целом, не было преобладания какой-либо одной археологической культуры. Сами поляне являются самым загадочным в археологическом отношении народом. Территория их проживания представляет собой картину смешения этносов и культур, своеобразную маргинальную зону» [111, с. 52].

Раскопки черниговских и киевских курганов привлекли особое внимание исследователей. Археологи обнаружили, что в этих погребениях отражена разноплеменность захоронений. По поводу этих курганов существует два мнения. Б.А. Рыбаков, анализируя эти материалы, пришел к выводу «о возможности племенных скрещений». Курганы со срубными гробницами он относит к славянизированным потомкам местных кочевых племен в IX–X вв. по своей культуре не отличавшихся от основного населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения. М.К. Каргер, разбирая материалы Киевского некрополя, не согласился с точкой зрения Б.А. Рыбакова. Он полагал, что причины сосуществования обрядов трупоположения в срубной гробнице и трупосожжения объясняются «неоднородностью этнографического состава населения крупнейших древнерусских городов, каковыми были Киев и Чернигов в IX, X вв.» [101, с. 230]. Подобной маргинальной зоной являлась территория Северного Кавказа, как отмечает З.В. Доде: «В XI–XIV столетиях Северный Кавказ находился под мощным влиянием вначале половцев, затем татаро-монгол. Однако степень воздействия кочевников на культуру местных народов не была одинаковой. Археологические памятники убедительно доказывают, что форма женской плечевой одежды принципиально меняется с приходом половцев, задолго до того, как Северный Кавказ был включен в состав Золотой Орды». Основным источником для изучения средневекового костюма кочевников является каменная половецкая пластика. В начале XIII в. после завоевательных

походов войск Чингиз-хана Северный Кавказ становится одним из главных улусов Золотой Орды. Известно, что в первой половине XIV века арабский путешественник Ибн-Батута встретил в Пятигорье Узбек-хана, который отдыхал там. [СМИЗО, т. 2, с. 123, 183]. Известны и имена некоторых наместников Кавказского улуса. При хане Батые эту должность занимал его брат Берке, затем – хан Ногай. В конце XIII – начале XIV века здесь командовал Токта. В период Золотой Орды заново восстановили былую мощь города Маджара, Тарки, Хумара, Темирхан-шура, Татартуп, Джулат и т.д. В конце XIV в. Северный Кавказ становится ареной столкновений между ханом Золотой Орды Тохтамышем и среднеазиатским полководцем Тамерланом. Поражение Тохтамыша, на стороне которого были народы Кавказа, впоследствии негативно сказалось и на них. Тамерлан в 1395–96 годах фактически подверг тотальному геноциду предков балкарцев, карачаевцев и кумыков. Были разрушены основные города и поселения на равнине, в их числе крепости Татартуп, Джулат, Хумара, Архыз и главный город – Кырк-Маджара. Кроме того, было опустошено огромное нагорное плато со множеством поселений вплоть до подножий Эльбруса.

С середины XV века предкавказские степи входят в сферу влияния Крымского ханства и Ногайской орды. В середине XVI века, по сведениям Э. Челеби, карачаевцы и балкарцы жили на нынешней территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: «Здесь недалеко от реки Бахисан увидели развалины древнего города, из которого сохранилось около 1000 покрытых бревнами домов, а остальные разрушил Тимурленк. Если дома черкесов покрыты тростником или камышами, то здесь дома покрыты деревянными бревнами. В этом селении растут фруктовые деревья. Таулистан очень старый и ухоженный город. Таулистан является таким же большим государством, как и Дагестан. Нынешних господ того селения, в которое мы пришли, зовут Кючукбий Шакман и Джауханбий Шакман. Общее количество военной дружины этого населения составляет 12000 азнауров и еще 2000 оруженосцев. В основном все придерживаются шафийтского мазхаба. Большей частью

дружат с грузинами» [216, с. 217]. В данном случае следует отметить, что только балкарцы и карачаевцы из всех народов Северного Кавказа строили срубные дома. Домостроительная традиция, например, адыгских племен (черкесов, кабардинцев) была довольно мобильна, в отличие от домостроительной традиции карачаево-балкарцев, которые, как уже сказано, строили свои дома и замки из камня и бревен. Эта особенность адыгской домостроительной традиции отмечается многими известными учеными-кавказоведами. Так, Е.Н. Студенецкая отмечает: *«Жилище – один из основных элементов материальной культуры, и история его развития всегда отражает историю жизни народа. Материал, постройка и форма жилища тесно связаны с формами хозяйства, социальным строем, взаимовлияниями с соседними народами и, конечно, с географическим положением. Селения кабардинцев передвигались довольно часто. Это было связано с рядом причин, характером земледелия с его примитивной переложно-земельной системой, значительное количество скота, загрязнявшего место поселения, постоянные нападения на кабардинские села, когда жители прятались в горах и т.п., способствовали сохранению типа турлучных домов, возведение которых не требовало долгого времени и больших средств... Известная устойчивость наблюдается и в формах постройки. Наиболее ранней из этих форм был, видимо, круглый шалаш из ветвей...»* [246, с. 143–147]. Это удивительным образом подтверждает Э. Челеби, который пишет: *«Дома во всем Черкессстане крыты камышом и тростником, некоторые же – только камышом...»* [247, с. 99]. На территории Карачая и Балкарии имеется множество средневековых боевых башен, замков и церквей, многие из которых разрушены при нашествии Тамерлана. Из дальнейшего рассказа Э. Челеби можно сделать вывод, что на тот момент Кумыкское шамхальство выделялось довольно высокой материальной и духовной культурой. Важно отметить, что в описываемый период времени территории расселения карачаево-балкарцев и кумыков практически соприкасались. Ситуация изменилась в конце

XVII века в результате нескольких эпидемий чумы. Эти земли вновь сильно обезлюдели. Для изучения истории народов Восточной Европы и Западной Азии, их культуры и древних памятников большое значение имеет анализ древних связей между народами и более полное вскрытие закономерностей, определяющих взаимодействие их культур и языков. Как было ранее отмечено, восточные славяне, угро-финны и тюркские народы контактировали на протяжении многих веков. Большой интерес представляют процессы взаимодействия языков, которые были продолжительными и интенсивными. Следы этих процессов запечатлелись в лексике, фразеологии и фонетике. Это относится также к мифологии и эпическим сказаниям. Русский язык весьма насыщен заимствованиями, среди которых можно выделить тюркизмы, относящиеся к названиям верхней одежды: *шитаны, войлок, юбка* (впервые упоминается в словаре М. Кашгарского – Б.Н.), *кафтан, кобеняк, клубук, колпак, архалук* [248]. Тюркизмы в русском языке давно изучены, но, тем не менее, простому читателю может показаться странным, что такие слова как *чулок, казакин, халат, каблук, тулуп, сапог, сарафан, балахон, кайма, чувяки, башмак, башлык, тесьма, жилет, кепка, армяк, шлык, фата, кумач, бязь, тент*, являются заимствованиями из тюркских языков. В известной работе Н.К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» приведено 363 тюркских слова, попавших в лексику русского языка. Но это было лишь начало. В более поздней работе Е.Н. Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке» приводится уже около двух тысяч заимствованных слов. Как пишет автор предисловия, академик С. Кенесбаев: *«Словарь содержит около двух тысяч тюркизмов, вошедших в русский язык, и из них лишь небольшая часть представляют собой архаизмы, большая часть входит в лексику современного русского языка»*. Словарь вышел под редакцией академика А.Н. Кононова [110, с. 5]. В казачьих говорах количество тюркизмов намного больше приведенной цифры, но о них будет сказано в отдельной главе.

3. Казаки или черкасы

Происхождение казачества тема обширная и очень сложная, но рамки нашей работы не позволяют ее полностью раскрыть. Мы изложим ее вкратце, для объяснения некоторых элементов культуры и быта народа. В этногенезе большое значение имеет анализ древних связей между народами и вскрытие закономерностей, определяющих взаимодействие культур и языков. Как было ранее отмечено, восточные славяне, угро-финны и тюркские народы контактировали на протяжении многих веков. С одной стороны большой интерес представляют процессы взаимодействия языков, с другой – элементы материальной культуры. Все эти следы заметны в лексике и терминологии, связанной с одеждой и т.д. Обычным соседством, без этнического взаимопроникновения, это явление трудно объяснить. Соседство тюрков и славян в пределах Восточной Европы имеет многовековую историю. Географическое положение Руси, расположенной на важной магистрали, связывающей Восток и Запад, непосредственная близость тюркских народов приводила к длительным контактам. Естественно, на этих территориях возникала потребность в языке межнационального общения, первым условием которого являлось двуязычие, что непременно оставляет свой след в языковом фонде. В средневековье это были ковуи черниговские: *могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы*. «В «Слове» перечисляются отдельные племена степных кочевых народов тюркского происхождения, которые издавна осели в пределах Черниговского княжества, подпав под культурное влияние русских» [117, с. 431]. В Киеве и в Поросье – *черные клобуки, торки и берендеи*, дружины из этих племён несли пограничную службу в русских княжествах, которые впоследствии ассимилировались в славянском этносе. Другая часть, приняв православную религию, стала промежуточным народом, известным вначале под этнонимом *бродники*, затем как *казаки* (донские, запорожские, яицкие). Впоследствии, они численно увеличивались за счёт беглых крестьян с окраин России, Крымского ханства и Кавказа. Отметим, что все эти племена входили в культурный мир юга России.

В ряде работ пишут, что казаки – это беглые безземельные панские холопы, кабальные люди, крепостные и беглые рабы, которые собирались ватагами, ютились в прибрежных местах и промышляли «чем бог пошлет». В свое время это опровергал русский академик Озношин. В исторические очерки на страницах «Донских Ведомостей» в 1876–77 гг. он писал: *«Басня, переданная Броневским о беглых московитах, основавших донское казачество, не имеет основания и не выдерживает никакой критики. В XV в., в момент появления казаков на Дону, Днепре и т.д., в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое. Предположить, что беглые были исключительно преступники, тоже нет основания. Какое число преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тысячи преступников, где-то случайно увидевших друг друга, сговорившихся бежать куда-то в неизвестные страны, к неизвестным народам и, явившись на место, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу, приобрести оружие, составивших правильное общество (беспощадное для преступников в их среде), управляемое вечами с грамотеями, умеющими писарями. Все эти предположения – одна фантазия»* [3, т. 1, с. 89]. Исторической науке неизвестны случаи, когда из одних преступников образовался бы целый народ, сумевший при этом создать такие структуры как армия с выборными походными атаманами, суды со своими законами. Вполне демократическое устройство общества для тех времен. Следует напомнить, что казаки имели специфический хозяйственный уклад жизни, самобытную одежду, культуру, пищу, жилищное строительство, религию, законы, ментальность и т.д. Что касается беглых людей, то казаки их считали пришлыми инородцами. Редко когда их принимали в казаки. Считаю, что казаки являются древним народом, в генезисе которого участвовали славяно-тюркские племена черных клобуков, ковуев, берендеев, бродников и южных славян. Об этом в свое время писал еще Карамзин.

Этническая путаница на Северном Кавказе наблюдалась довольно долгое время. В

общем, это и неудивительно при таком количестве народов. К примеру, вот как описывали балкарских и карачаевских князей: *«Из этих черкесских князей известны имена Ислама Крымшамхалова и Мырзакула Урусбиева»*; или писали об Исмаиле Урусбиеве *«...этот кабардинец, если получил бы образование, из него вышел бы великий ученый»*; Верхний Баксан называют *«кабардинским аулом»*, который населен *«горскими кабардинцами, отличающимися языком от кабардинцев, живущих на плоскости»*. Это касается и этнонима «черкес», который в те времена не имел узкоэтнического значения. В исторической литературе он известен как скользящий этноним. Европейские и русские путешественники черкесами называли все народы Кавказа; *карачаевцы* – кара черкесы, черкесские татары, *абазины* – абазинские черкесы, *дигорцы* – дугер черкесы, *кумыки* – кумыкские черкесы, тюменские черкесы и т.д. Запорожские казаки известны в российской истории как «черкассы». Подобных вольностей этнической интерпретации кавказских народов в исторической литературе множество. Половецко-черноклобукский этноним *черкес* известен в более раннее время у запорожских казаков. В данное время – у ногайцев Астраханской области и казахов Младшего жуза. К примеру, современные македонцы ничего общего не имеют с македонцами античности. Адыги унаследовали этот этноним от тех тюрков, которые долгое время составляли у них княжескую верхушку, впоследствии ассимилировавшись в их среде. Это отмечали многие исследователи, в данном случае стоит отметить работу Т. Лапинского, которая содержит ценные сведения по истории Кавказа. Т. Лапинский – образованный шляхтич, владевший несколькими языками, в том числе адыгским и тюркским, воевавший против России с сотней добровольцев в течение трех лет на стороне западных адыгов в Кавказской войне. Будучи очевидцем тех событий, он непредвзято описал общественно-политическое устройство адыгов, быт, хозяйство, социальную структуру. Пытался даже произвести геологические исследования края. Как отмечает автор, при встрече с пленным польским солдатом, который прожил на Кавказе 20 лет, он узнал больше чем за три года своего пребывания

среди горцев. Теофил Лапинский черкесов и адыгов считал совершенно различными народами: *«...северные абазы (адыги), которых в Европе и в Турции неправильно называют черкесами...»* (ук.р., с. 35). *«Как у турок, так и у отуречившихся абазов (адыгов) Константинополя есть обыкновение называть Абазию Черкесией, а абазов – черкесами, хотя, как я уже показал, это обозначение неверно»* (ук.р., с. 266). *«Черкесы принесли в кавказские местности, куда они бежали, свои татарские обычаи и свою магометанскую религию, в Дагестане они смешались вскоре с живущими там туранскими племенами. В Абазии они имели другую судьбу»* (ук.р., с. 71). *«Но большая часть черкесов направилась в Кабарду, где они вступили в борьбу с прежними жителями. Жители Кабарды приняли вскоре магометанство, сохранили адыгский язык, который был также принят черкесами, с примесью большого количества татарских слов. Население Кабарды смешалось, и три расы (адыги, тюрки, семиты) слились вместе: однако многие черкесские фамилии сохранили княжество и дворянство (хан, мурза), которые существуют до сих пор»* (с. 71). *«В этом кратком обзоре истории черкесов я хочу опровергнуть заблуждение, которое в ходу во всей Европе. Совершенно неправильно, когда народы Кавказа абазы (адыги), также как дагестанские племена, обозначаются именем черкесов. Не существует больше черкесского народа; остатки его на Кавказе сами не называют себя больше так и исчезают все больше день за днем. С гораздо большим правом можно назвать всех казаков России, за исключением запорожцев Кубани, черкесами, так как они потомки этих старых разбойников, и среди них сохранился черкесский дух»* (с. 73). *«В кабардинском языке примешано много грузинских и татарских слов, также много татарских слов у маленьких пограничных абадзехских племен, которые, как неоднократно было упомянуто, первоначально были черкесами»* (с. 96). *«Очень редко случается, чтобы адыг бежал к русским; перебежчики большей частью принадлежат к классу черкесско-татарских пиши или уорков»* (с. 152). *«Эти потомки черкесов – настоящий бич адыгской страны. Беглецы, которые указывают дорогу русским – сплош уорки (дворяне)»*. *«Эти*

черкесы образуют еще теперь особое племя Эзден-Тлако и женятся только между собой; поэтому татарская раса сохранилась еще почти чистой среди них» (с. 101). Вот как описывает внешность черкесского князя и его сына, с которыми он был лично знаком: «Дородный с серебряной бородой, он был одним из красивейших старцев, которых я видел когда-либо. Черты лица его имели явный отпечаток степенного татарина, и среди 1000 абазов (адыгов) его можно было мгновенно распознать как чужеземца, также как и его сына Карабатыр Ибрагима, который по внешнему виду был копией своего отца... Свита также состояла почти исключительно из турок, татар и нескольких черкесских уорков» (с. 289). Особых симпатий у Лапинского к татарам и черкесам не наблюдается, к примеру: «Сефер-пашу и весь татарско-черкесский сброд, который, к несчастью страны, бесчинствовал и интриговал от имени Порты, отправить в Турцию» (с. 251). Т. Лапинский считал черкесов безоговорочно тюркским племенем, растворившемся в адыгской среде и дурно на нее влияющим. «Я различаю всегда черкесов, на которых в Абхазии (Адыгее) смотрят как на непрошенных гостей, и абазов и адыгов, которые являются владельцами страны и образуют основную массу населения» (с. 163). Автор отмечает, что черкесы составляют меньшую часть населения, более того между черкесами и адыгами существуют расовая ненависть, которая может закончиться уничтожением первых [276, с. 160].

Пренебрежительное отношение к истории казаков, возможно, возникло в XVI в. и исходит, наверное, из дипломатической переписки русского царя и султана Турции. В 1584 г. в статейных списках русского посла в Турцию говорится о нападениях терских казаков на «турские отряды», в этих документах русский царь Федор Иванович дипломатически снимает с себя ответственность за лихие деяния казаков. «А ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры, беглые казаки без государева ведома. А сее весны государь наш писал в Астрахань к воеводам, чтоб сыскали накрепко тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку... А ныне то яз донесу до государя своего, и государь наш того больши заказ крепкой велит

ученить, чтоб на Терке казаки не жили» [126, т. 1, с. 36]. Документ 11 марта 1585 г. – Из отписки русского гонца в Турцию Б.П. Благова в Посольский приказ о приеме его крымским ханом Ислам-Гиреем и об отпуске в Малую Азию к паше Осману. «...А которые люди на Терки жили, и тех людей ты, государь, велел давно с Терки свести, а то нечто ныне живут на Терки воры, беглые казаки, разбойники, и тех воров кому унять. И царь, государь, говорил мне холопу моему: «То де я и сам ведаю, что на Терке и на Волге, и на Дону живут казаки, воры, беглые люди, не по моему государеву велению» [126, с. 48]. В те времена набеги были обычным явлением. Казаки тоже не упускали случая совершить удачный поход. Однако это не касается Крыма и Порты, они находились на государственной службе и без ведома царя не имели права нападать на отряды султана. В грамоте царя Ивана Федоровича (1591 г.) кабардинскому князю Мамстрюку Темрюкову говорится об участии терских и астраханских казаков в походе на кумыкского шамхала. В грамоте 1632 г. – об охране и содержании кабардинских князей «больше всех иных мурз». «Воеводам нашим, которые ныне на Терке, и иным воеводам и приказным нашим людям, которые впредь на Терке будут, Келмамбет мурзу да Илдар мурзу Куденковичей от недругов их оберегали, и честь и береженье к ним держали больше иных мурз, и недругом их не подавали, чтоб недруги их обиды и насильства некоторого им ни чинили, чтоб эти мурзы, будучи под нашею царьскою высокою рукою, ни от кого в обиде не были» [126, т. I, с. 150]. Киевская летопись времен Мономаха сообщает: «И скотия свою дружину пойде, пойма съ собою Вячеславль полкъ весь и вся чорные клобуки еже зовутся черкасы». В этой летописи упоминается о беложецах (козарах), охотно принятых князем Святославом. Козары, обученные греками, строили лучше наших предков [183, с. 148]. Далее: «Съ верховьев реки Остера, впадающего въ Десну, а также из Киева хазары, которые польские летописцы X в. именовали черкасами и казаками, усиливались новыми поселенцами» [ук. р., с. 151]. Это отмечает В. Рубрук в своем путешествии в столицу Золотой Орды: «Русские и татары живут вперемишку, одеждой и нравами они, по сути,

едины». Тюркские имена казачьих атаманов не вызывают сомнений. По словам Г.З. Байера, казаки «почитались всеми за храбрый и сильный народ», он же впервые в российской историографии выдвинул гипотезу древнего происхождения казачества, причем не русского происхождения. В дальнейшем эта гипотеза имела широкое распространение и получила развитие у В.Н. Татищева. Он считал, что часть донских казаков произошла от запорожцев, пришедших с князем М. Вишневецким для борьбы с наступавшими на Астрахань турками. Они обосновались на Дону, где «построили город Черкасской». Сами же запорожцы – потомки «черкес от Беишау», поселившихся в 1282 г. под Курском, а затем пришедших на Днепр и построивших город Черкассы. Сходство названий Черкасск, Черкассы (город), черкассы (запорожцы) и черкесы дали основание В.Н. Татищеву связать происхождение части донских казаков с черкасами и с Кавказом. Другая часть донских казаков, согласно Татищеву, произошла от мешчерских казаков, переведенных на Дон при Иване IV [21, с. 79]. Одежда запорожских казаков-«черкасов», по свидетельству очевидцев, не отличалась от одежды крымских татар. «Все эти вооруженные украинские выходцы стали называть себя казаками, потому что во многом были похожи на своих врагов – татарских казаков: они переняли не только военные хитрости, но и даже костюм и обычай брить голову, оставляя один только длинный чуб» [92, с. 158]. Когда речь идет об одежде казаков, не надо упускать из виду их происхождение. Н. Марковин пишет: «Запорожское казачество образовалось именно из таких людей, недовольных современным порядком дел в государстве. Производя Малороссийских казаков от инородцев, полукочевых и полуседлых, известных под именем Черных клобуков (Торков, Берендеев, Ковуев, Турнеев, тождественных с названием Черкас, г. Соловьев прибавляет, что «к этому зерну присоединились многочисленные толпы казаков чисто русского происхождения» [92, с. 89–91]. Об этом пишет Е.П. Савельев: «В XVII и XVIII вв. донские казаки и их жены часто носили татарскую одежду, и в домашнем быту нередко говорили на татарском языке. Это отметил в своих записках и инженер-гидротехник де-Романо в 1802 г.,

говоря о казаках г. Черкаска» [183, с. 206]. Следует также отметить, что большинство казаков были выходцами из городов, где в прежние времена осели черные клобуки – Остер, Канев, Корсунь, Бердичев, Торчин, Любеч, Туров и Черкасы. Это вполне согласуется с мнением А.В. Стороженко о населении города Черкас: «В более позднее время литовско-русские казаки очень часто смешивались в своих предприятиях с татарскими. Поэтому нет ничего удивительного, что татары оставались в составе казацких куп навсегда и что, например, среди казаков, служивших у киевского воеводы (1492–1505) князя Дмитрия Ивановича Путятича, является, несомненно, татарин Душбекенич. В эпоху Батория в Черкасах проживало так много татарских казаков, что посланный Баторием для изучения и описания южнорусских областей львовский кастелян Ян Сенинский прямо говорит о жителях г. Черкас, что «религия их большей частью магометанская» (*religio apud eos magna ex parte Machometana*)» [92, с. 509]. На наш взгляд, запорожские казаки унаследовали свой этноним черкасы, как и свою традиционную одежду от своих тюркских предков – черных клобуков, берендеев и ковуев. В заключение, хотелось бы сказать, что ареал распространения «горской одежды» практически совпадает с бывшей территорией Хазарского каганата.

Независимо от российских историков о кавказском происхождении донского казачества стали заявлять в XVIII в. По сообщению А.И. Ригельмана, многие казаки «считают себя природою не от московских людей», а «только обрусевшими», и заявляют: «Я не москаль, но русской, и по закону, и по вере православной, а не по природе» [180, с. 3]. Определенный интерес представляют сведения Е.П. Савельева: «Современные этнографы обыкновенно относят черкесов к тюркско-татарскому племени. Но это не совсем верно, так как среди массы населения попадаются на каждом шагу не только отдельные лица, но даже целые аулы с чисто арийскими профилями, овалами лиц и выражениями глаз, усмешкой и ухватками, до поразительности схожими с казачьими, особенно казаков терских. Темно-русые волосы на голове, светлые с красниной на усах, высокий лоб, прямой немножко с горбиной нос, подобранный подборо-

док и серые или светло-карие глаза дополняют это сходство, но иллюзия тотчас пропадает, когда заговоришь с ними по-русски: они ни слова не понимают» [183, с. 29]. В генезисе казаков непосредственное участие приняли бродники, о которых известно, что они участвовали в Калкинском сражении на стороне татаро-монгол. В исторических хрониках они редко упоминаются. Возможно, этот народ представлял собой осколок из хазаро-булгарского круга племен с большим славянским компонентом. Предки казаков, осевшие в пограничных городах Руси, постепенно воспринимали русский язык, естественно, многие элементы своей культуры передали славянам. Этнокультурное взаимовлияние односторонним не бывает. Не случайно автор «Слова» отмечает, что они герои «звонят в прадедовскую славу». Из этой фразы видно, что и деды этих степняков прославляли Русь своими подвигами, которые уже среди славян были давно своими. Важно отметить одну деталь, автор слова сильно переживает о потере верной кавалерии черниговских ковуев, «постоянно готовых к бою пограничных конников» [117, с.168]. На наш взгляд, многие виды одежды и термины для их обозначения попали к восточным славянам через осевших в Киевском и Черниговском княжествах тюркских племен: черных клобуков, берендеев, торков и ковуев. Эпос в какой-то мере можно назвать концентрированным отражением народной памяти. Происхождение различных сюжетов, как и отдельно взятых эпических героев, имеет исторический смысл, запечатленный в памяти народа. В карачаево-балкарском эпосе есть только два богатыря инородного происхождения: это *Рачикау* – русский, и *Ногайчик* – ногаец, и оба героя положительные. С ногайцами все понятно, родственный народ, соседи. Гораздо сложнее ответить на вопрос, как и в какое время мог проникнуть в эпос карачаево-балкарского народа русский богатырь. С другой стороны, не избежал этого явления и русский былинный эпос. К примеру, былина о Михаиле Петровиче Казарине (Суханьша Зарманьтев). Есть предположение, согласно которому Казарин в былине представляется «заезжим богатырем» – выходцем из Хазарского каганата. В былине Казарин несет печать родительского проклятья. Многие исследователи считают,

что Михаилу Казарин вполне мог быть хазарским богатырем, перешедшим на службу к русским князьям. Но это лишь один возможный исторический «слой» былины – самый древний. Сюжет былины довольно подробно исследован В.Я. Проппом, выделившим в ней, помимо родительского проклятья, еще несколько «слоев». Былина, как отмечал В.Я. Пропп, содержит явные следы отпечатков нескольких эпох. По своей композиции она принадлежит к наиболее архаичным произведениям. Есть предположение, что прообразом Сухмана-богатыря мог быть Демьян Куденевич – переяславский герой, умерший после боя от ран (рассказ о нем сохранился под 1148 г. в составе Никоновской летописи). Возможно, исторический факт «обогащен» эпическим сюжетом. Но и в данном случае надо признать, что отчество богатыря тюркское. *Куденет, Кудайнат, Худайнат* – имена, часто встречаемые в тюркской антропонимике.

В связи с вышесказанным считаю, что небезынтересно для людей, интересующих эпосом славян и тюрков, показать сходство женских образов в их фольклоре. М. Халанский отмечал, что мотивы русских былин о встрече Добрыни с поляницей-великаншей и измене жены Добрыни сходны с сербскими о Марко Королевиче и нартскими сказаниями «татар горцев Пятигорского округа» (карачаевцев и балкарцев). Он также подчеркивал, что сходство между русскими и кавказскими (на материалах кар.-балк. эпоса, – Б.Н.) сказаниями очевидно и так велико, что появляется стремление установить между ними более близкое отношение, чем просто сравнение [236, с. 33, 34]. И указывал, например, на то, что женщины русского эпоса – жены Ставера, Дуная, Данилы Ловчанина – значительно отличаются от поляниц-великанш. Первые органически связаны с жизнью русского народа, его историей. Образы поляниц-великанш – «инородное» явление в русском эпосе. Сказания о них фрагментарны и отражают совсем другой, «нерусский порядок отношений». Образы могущественных и суровых великанш русского эпоса (Баба-Горынка, поляница и т.д.), по-видимому, испытали на себе огромное влияние сказаний тюркских народов. Несмотря на столь существенные противоречия, в упомянутых сказаниях чув-

ствуются следы близкого общения между славянами и тюрками в древние времена. Налицо виден взаимный, культурный обмен, взаимопроникновение образов, сюжетов, мотивов в фольклоре. Имена богатырей и их этническое происхождение в народном эпосе – лучшие свидетели любых хроник, которые отражают межэтнические контакты в истории народов.

В монографии «Западные тюрки в странах Востока» я отмечал одну неуточненную строку из Ипатьевской летописи под 1201 годом, которую В.А. Пархоменко считает заимствованием из половецкого эпоса. «Во Обезы» – это значит, в Грузию. Л.В. Черепин, Г.В. Гудзий считают, что Обезы – это Абхазия. Г.В. Цулая полагает, что Обезы возник под влиянием абазин. Этимология

данного слова легко объясняется с карачаево-балкарского языка, поскольку есть и логическое обоснование этой темы. Связующим звеном между Русью и Грузией были тюркские народы, *Гюрджи* – это тюркский этноним, однако только карачаевцы и балкарцы называют Грузию – *Эбзе*. Скорее всего, Обезы и Эбзе – одно и то же, и попало в русскую летопись через язык предков карачаево-балкарцев. Приведенные сопоставления показывают, что проникновения сюжетов эпических сказаний издавна были взаимными и объективно способствовали взаимообогащению культур тюркских народов и восточных славян. На наш взгляд, это относится и к сфере материальной культуры, что отразилось в терминологии и форме одежды у народов юга России.

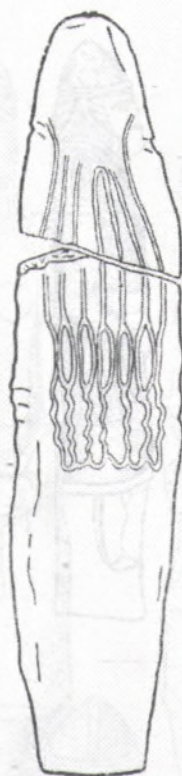

1

2

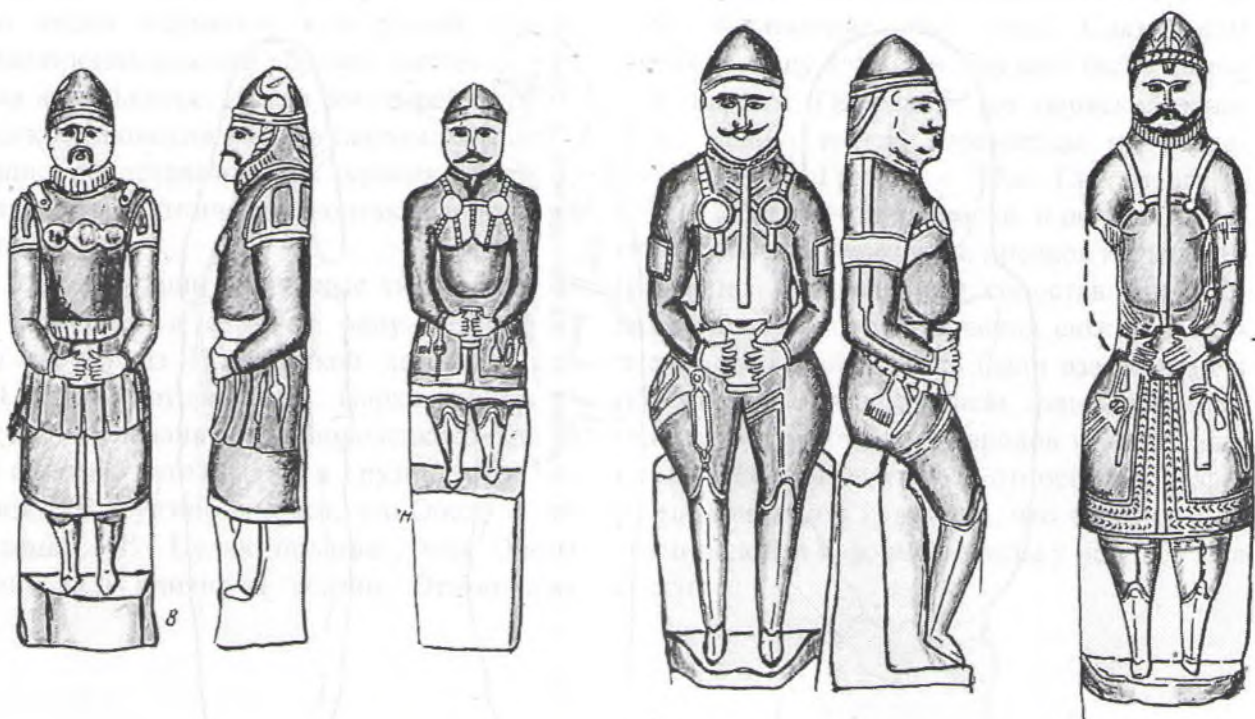
Ил. 17. 1. Тюркское изваяние VIII–IX вв. (Карачай);
2. Древнетюркское изваяние VIII–IX вв. (Южная Сибирь)

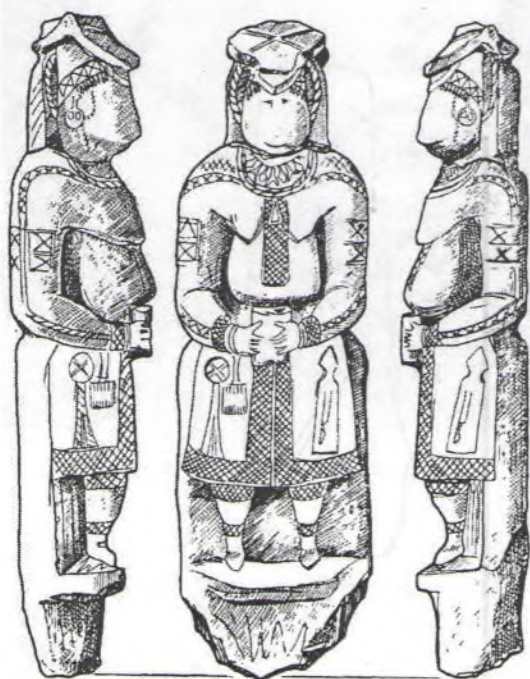
0 75cm

Ил. 18. Древнетюркские изваяния VIII-X вв. Семиречье (Я.А. Шер, 1966)

Ил. 19. Половецкие изваяния XI–XIII вв.

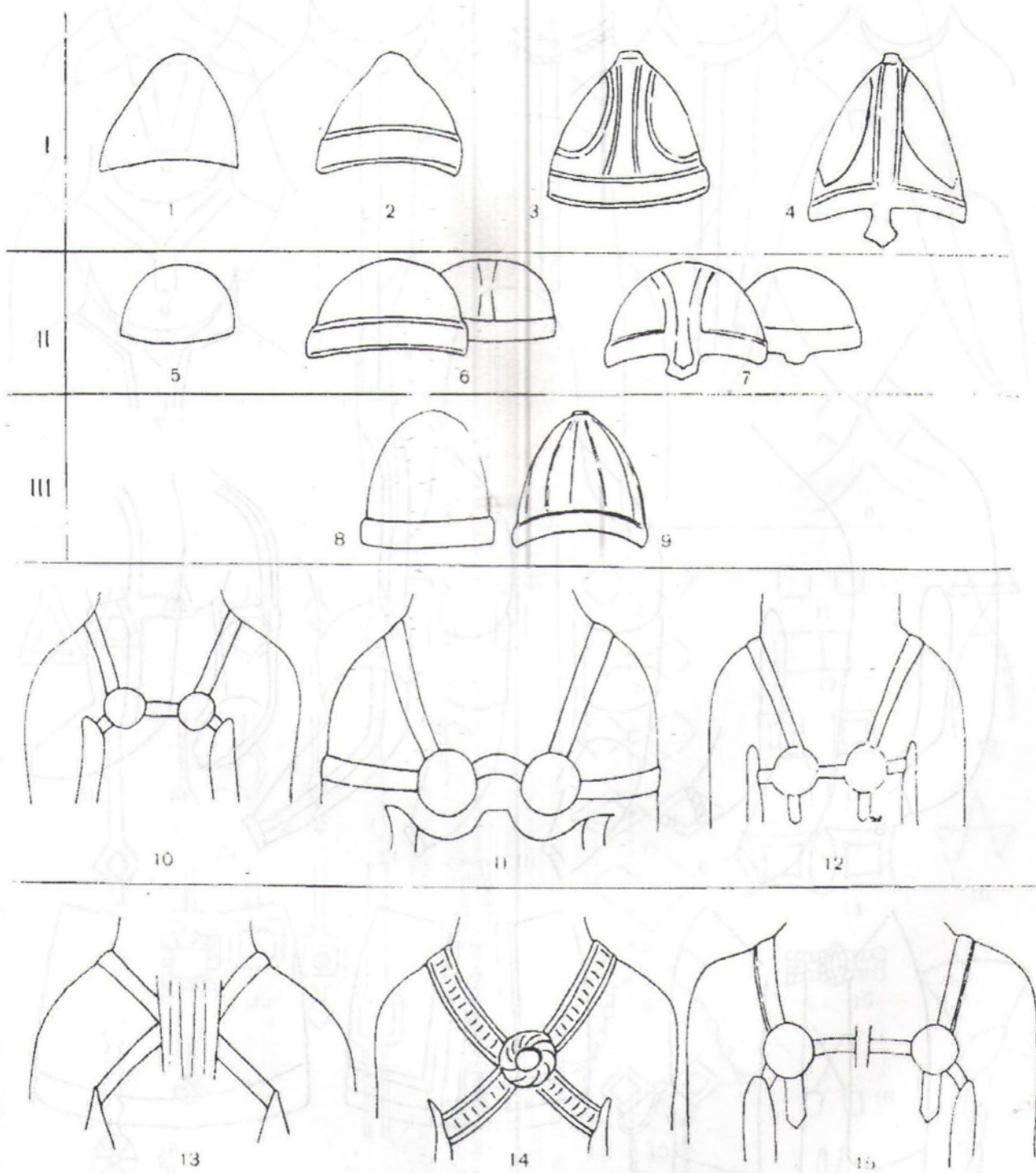
Ил. 20. Одежда половецких женщин на изваяниях XI–XIII вв. (С.А. Плетнева, 1974)

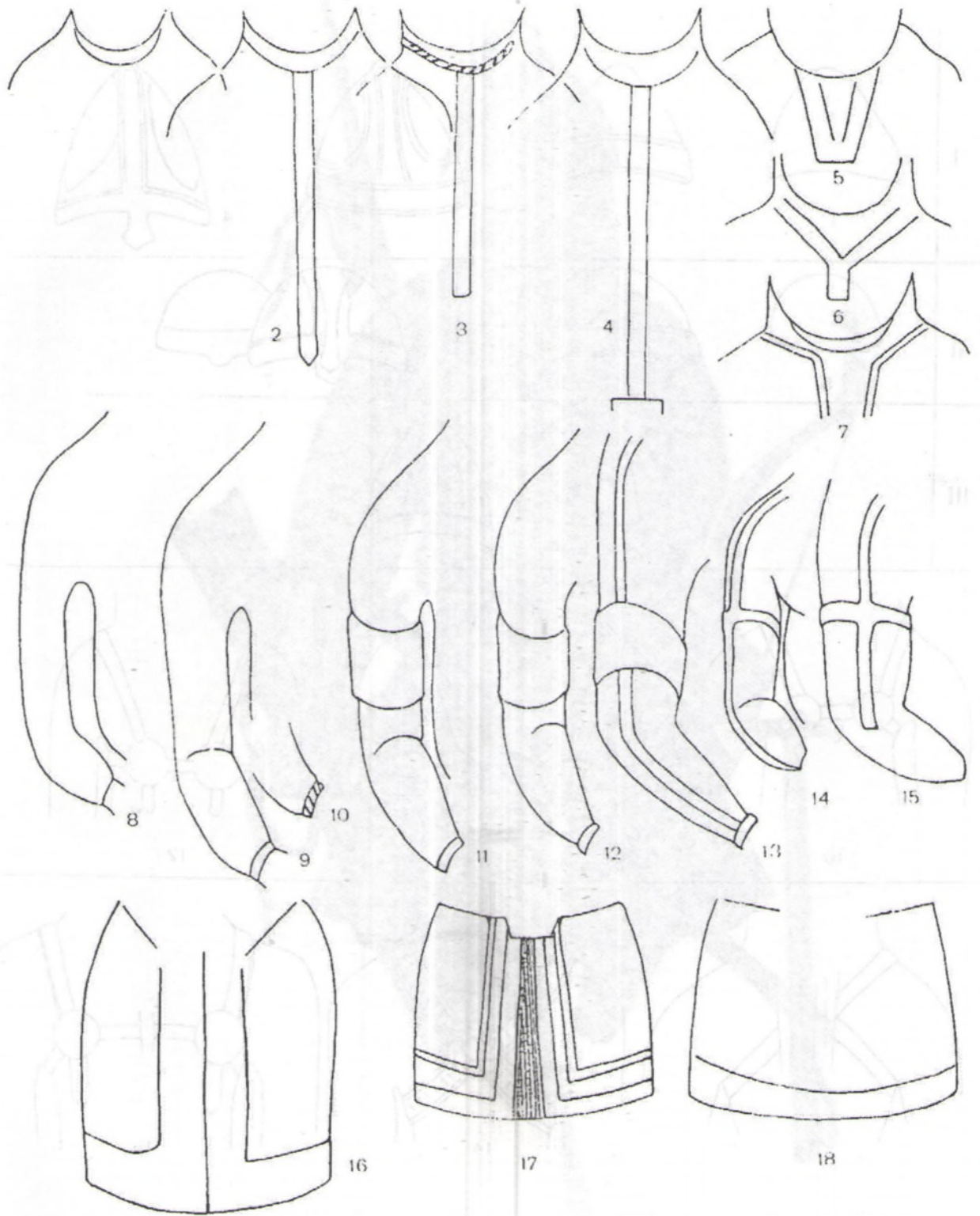
Ил. 21. Половецкие изваяния XI–XIII вв. (С.А. Плетнева, 1974)

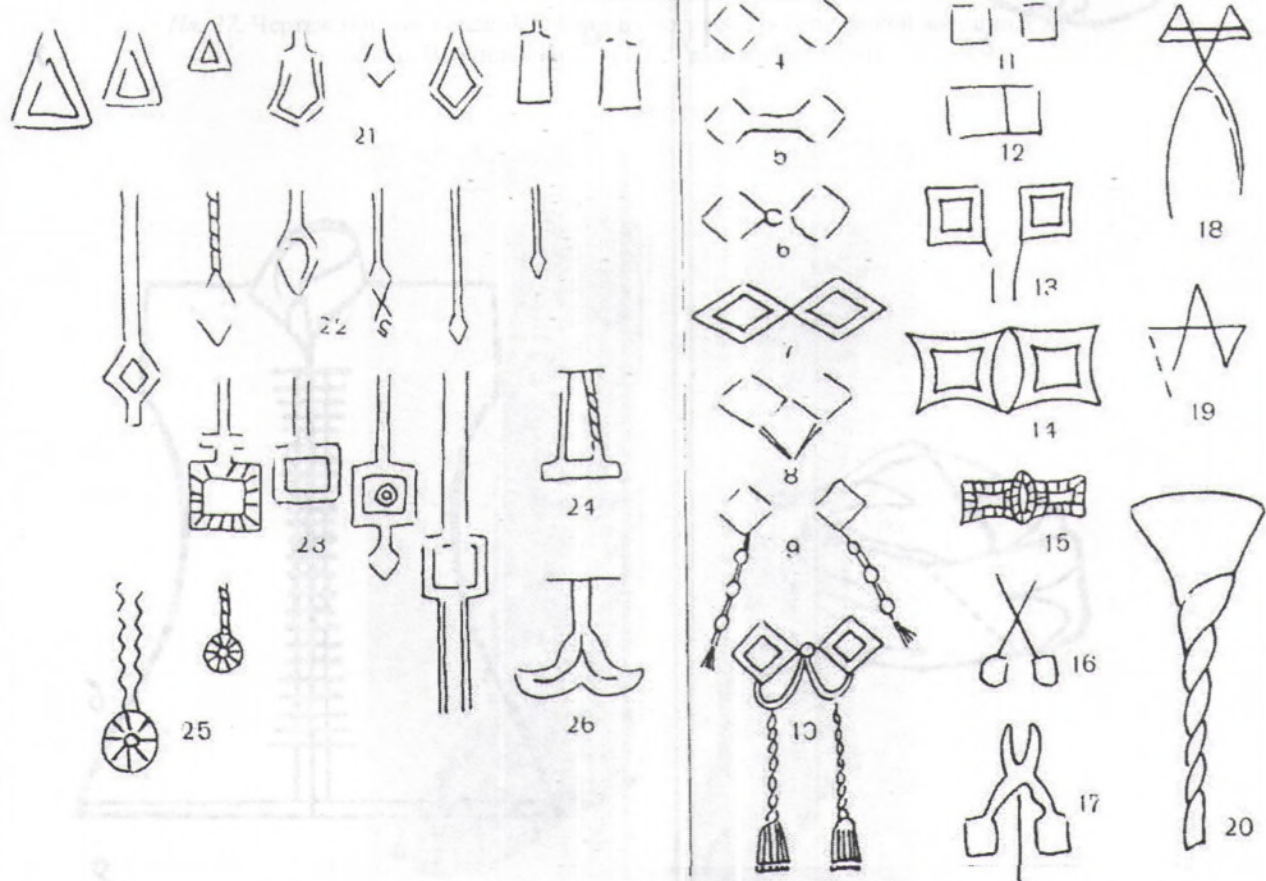
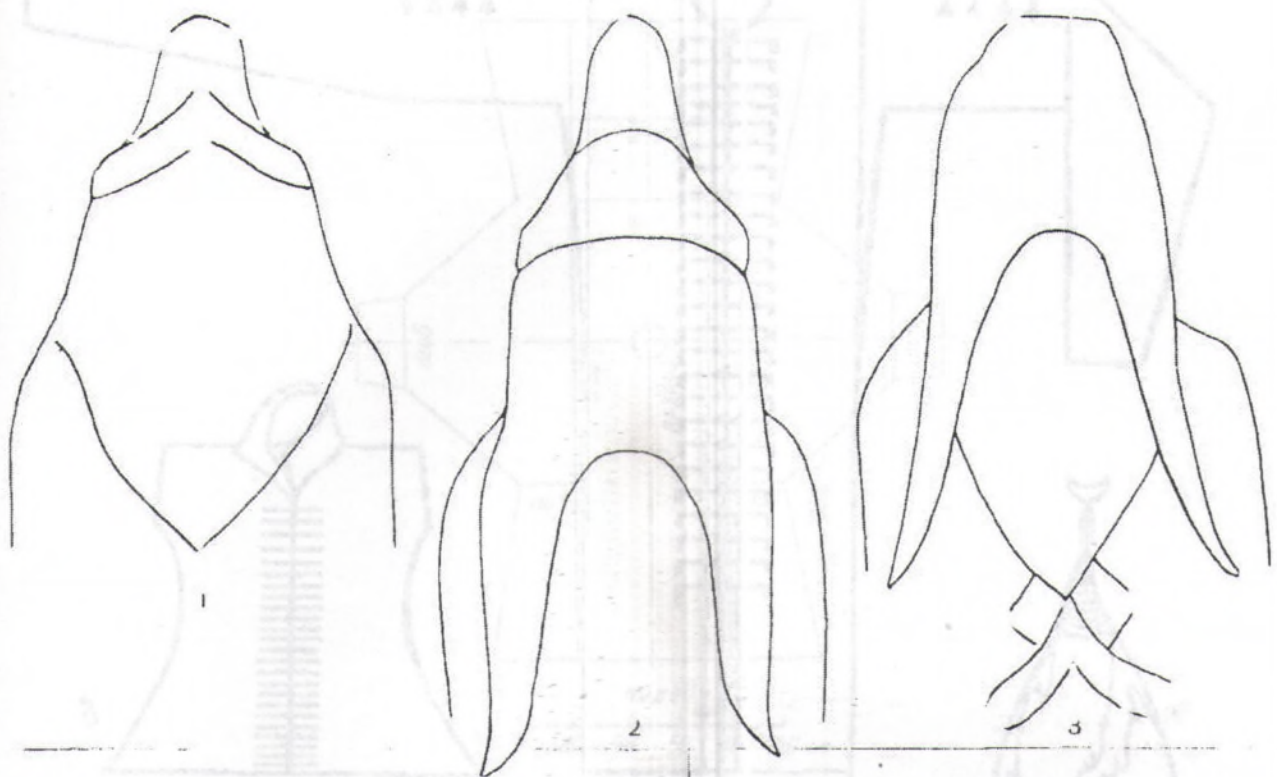
*Ил. 22. Снаряжение печенежского воина. X – нач. XI вв.
Реконструкция О. Федорова.*

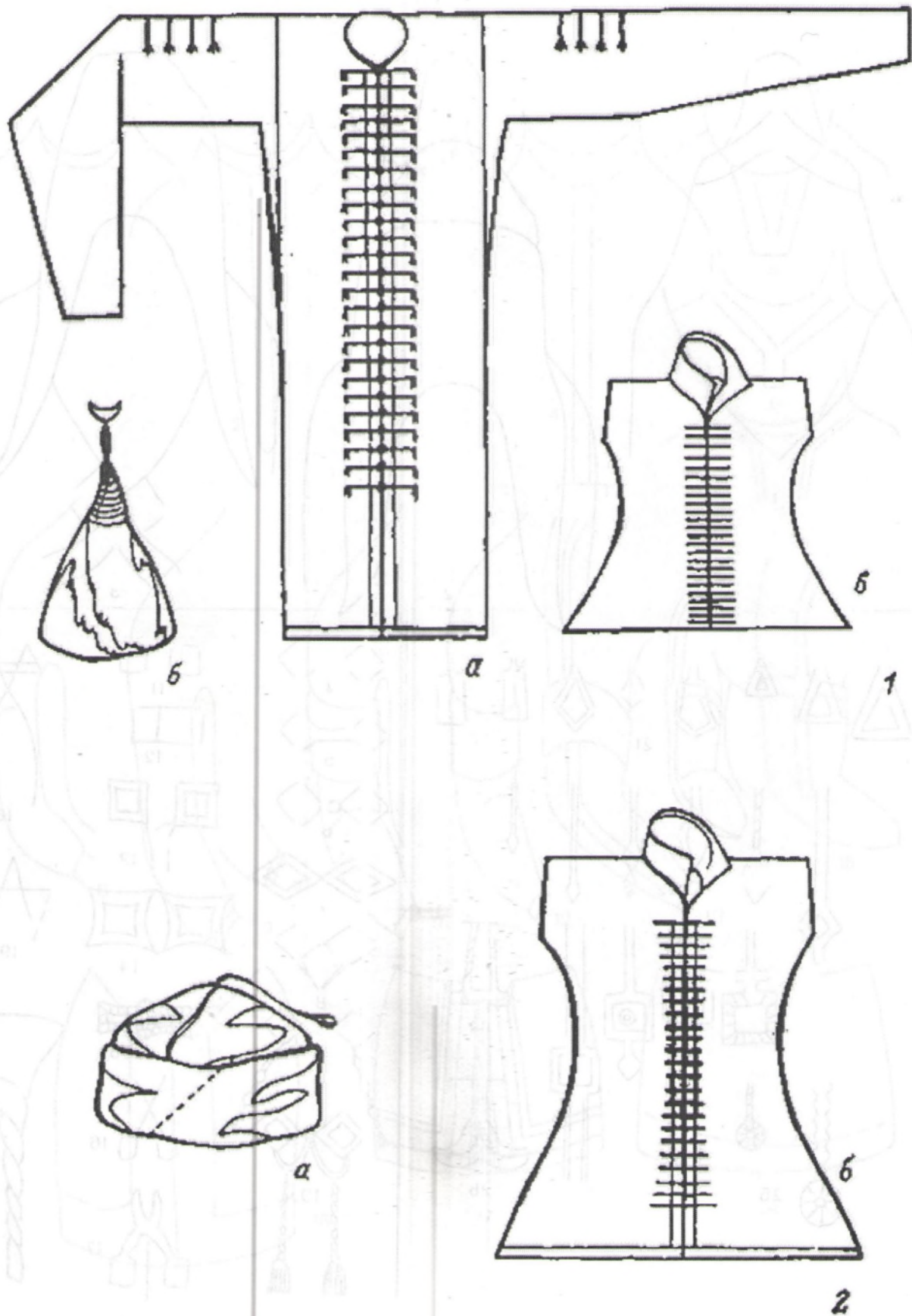
Ил. 23. Детали мужской одежды (шлемы и бляхи с ремнями)
на половецких изваяниях XI–XIII вв.
(С.А. Плетнева, 1974)

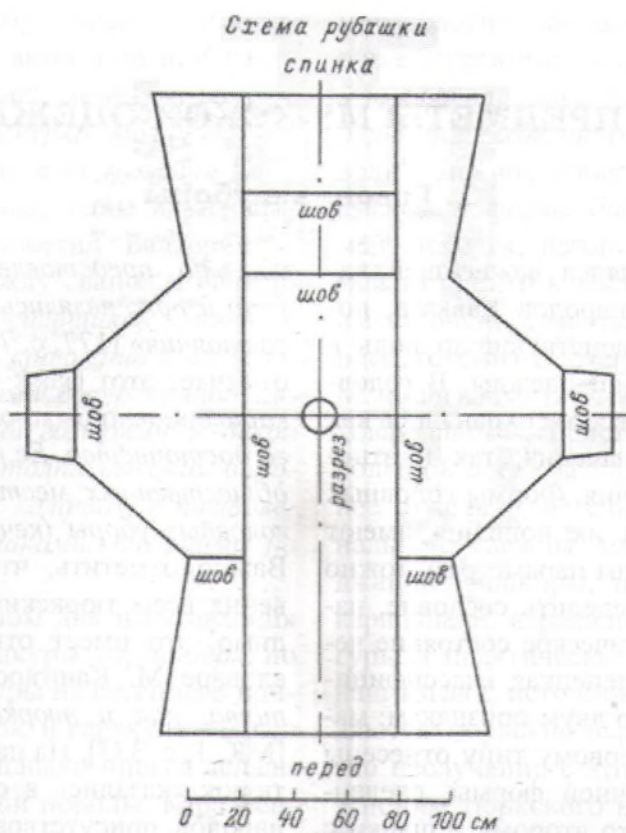
Ил. 24. Детали половецкой мужской одежды по изваяниям XI–XIII вв.
(С.А. Плетнева, 1974)

Ил. 25. Типы лопастей, застежек (ромбов и квадратов на затылке) и нагрудных подвесок половецких женщин по изваяниям XI–XIII вв. (С.А. Плетнева, 1974)

Ил. 26. Одежда из Белореченских курганов XIII–XIV вв. (Т.Д. Равдоникас, 1990)

Ил. 27. Чертеж покроя женской рубашки из погребения балкарской женщины XIV в. с. Верхний Чегем (Т.Д. Равдоникас, 1990)

Ил. 28. Кожаные сапоги из погребения балкарской женщины XIV в. с. Верхний Чегем (Балкария)

II. ПРЕДМЕТЫ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ

1. Головные уборы

Головной убор являлся важнейшей частью одежды горских народов Кавказа, поскольку он играет первенствующую роль в опознавательной функции одежды. В головных уборах устойчивее всего сохранялись как сословно-возрастные значения, так и этно-территориальные различия. Формы головных ubоров, цвет и манера их ношения имеют особое значение. По этим параметрам можно было безошибочно определить сословие, национальность, психологическое состояние человека и т.д. Е.Н. Студенецкая классифицирует головные уборы по двум признакам: материалу и форме. «К первому типу отнесены головные уборы различной формы, сделанные целиком из меха, ко второму – шапки с меховым околышем и верхом из ткани, войлока и т.д. Оба эти вида горских шапок в русской литературе называют тюркским термином *папах* (*papax*). Русское слово «шапка» горцы применяют именно к этим типам головных ubоров. Третий выделенный нами тип представляют шляпы из войлока, четвертый – головные уборы из ткани – *башлыки*» [190, с. 113].

Ареал распространения папахи несравним с другими видами одежды, считается традиционным элементом национальной одежды туркмен, карапапахов (Иран), кочевых узбеков, каракалпаков, азербайджанцев, ногайцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков и народов Северного Кавказа. В качестве парадной шапки папаху носили донские, запорожские и терские казаки. Важно отметить, что казаки, как и горцы, папаху практически не снимали, этот факт отметил А. Кузьмин: «По высоте и лихо заломленной шапке с красным верхом можно было всегда и сразу узнать запорожца; никогда и нигде не расставался он со своею шапкой, знаком его казацкого достоинства» [92, с. 234]. Т.О. Равдоникас со ссылкой на Г. Фехера пишет: «Тюрки изображали погребенного в тюбетейке (колпаке), так как показывали его в момент ритуального жертвоприношения, а лишить его головного ubора совсем было невозможно,

ибо, по представлениям тюрков, головной убор и пояс являлись символами «свободного состояния» [177, с. 77]. И.М. Шаманов также отмечает этот факт: «Для карачаевцев и балкарцев шапка была олицетворением мужского достоинства. Ее не снимали ни дома, ни в общественных местах. Известны и ночные головные уборы (кечеги бёрк)» [136, с. 139]. Важно отметить, что эта традиция свойственна всем тюркским народам Евразии. Видимо, это имеет отношение к пословице в словаре М. Кашгарского «*Нету тюрка без тата, как и тюрка без головного ubора*» [МК, 1, с. 333]. На наш взгляд, представления тюрков сказались в обычае северокавказских народов присутствовать на похоронах в головном ubоре, поскольку с исламом этот обычай не связан. Подобное встречается у придунайских болгар. Видимо, сказались тюркские корни, когда они попросили у папы Николая I дать им разрешения входить в церковь и исполнять литургию в головных ubорах. Папаха рано вошла в воинскую форму не только казачьих войск, но и русской армии вообще. Папахи носили во многих национальных частях, входящих в царский конвой (народы Кавказа, татары, башкиры). При всем общем однообразии папах, наблюдаются некоторые характерные формы, свойственные тем или иным народам. К примеру, кабардинцы носили папахи из каракуля, сужающиеся кверху. Этот фасон был наиболее распространен в Закавказье, Турции и в Крыму. На иллюстрациях XVIII–XIX вв. в изображениях кабардинских вельмож папах и вовсе нет, но видны нарядные шапки из ткани с галунами. Этот вид шапок известен у крымских татар, судя по рисункам путешественников того времени. В.П. Пафф отмечал: «Впрочем, папаха сильно подвержена моде: порой ее шьют очень высокою, в аршин и более высоты, а в другое время довольно низкою, так что она немного выше шапки крымских татар» [169, с. 136]. В.Я. Тепцов отмечал, что: «Карачаевца возможно отличить издали только по особой мохнатой,

с плоским суконным верхом, овчинной шапке» [219, с. 32]. Е. Баранов, автор книги «Сказки горских татар», в своих заметках писал: «Шапку, шитую из шкурки молодого барашка, горец носит всю зиму и лето» [277, с. 24]. Дуглас Фрешвилд, один из первых европейцев, который посетил Балкарию и Карачай, сравнивал одежду сванов и балкарцев: «Одежда наших носильщиков (сванов, – Н.Б.) казалась убогой в сравнении с их (балкарцев, – Н.Б.)кинжалами с серебряной инкрустацией и красивыми газырями У двери одной сакли собралась толпа высоких бородатых мужчин в серых халатах, с пистолетами за поясом и шапками, висящими на ремнях» [227, с. 17, 83].

Основным материалом для изготовления папах служили овечьи шкуры *чырна бёрк*, но лучшими считались шкуры из весеннего приплода курпея – *кёрпе бёрк*, и каракуля – *бухар бёрк*. Длинношерстные папахи иногда делали из козьих шкур ангорской породы. Карачаевские, балкарские, кумыкские и ногайские папахи были четырех форм: 1) сферические; 2) полусферические с суконным верхом; 3) с узким меховым околышем из меха; 4) высокие каракулевые, чуть расширенные кверху. «Наиболее старой формой, – пишет Е.Н. Студенецкая, – считались высокие лохматые шапки с высоким верхом из мягкого войлока. Они были так высоки, что верх шапки наклонялся в сторону. Сведения о таких шапках записаны от стариков карачаевцев, балкарцев и чеченцев, которые сохранили в своей памяти рассказы отцов и дедов. Ареал этих шапок и степень их распространения точно не известны» [190, с. 118]. Ареал распространения форм папах довольно устойчивый, как отмечает А.Я. Кузнецова: «В западной части адыгские народности предпочитали головные уборы с низким меховым бортом, в восточной – чеченцы, ингуши, дагестанцы носили более высокую папаху. Это подтверждается и рисунками художника Г.Г. Гагарина, служившего на Кавказе в середине XIX века» [120, с. 104]. Названия мужского головного убора азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев идентично *бёрк*, *папах*. Фасмер полагал, что данное слово получило распространение из азербайджанского языка. Оба термина функционирует в большинстве тюркских языков, поэтому

методологически целесообразно считать их общетюркскими лексемами. На наш взгляд этимология слова *бёрк* связана с лексемой *бёрю* ‘волк’, *бёрук-бёрнаг-бырнаг* ‘одинокий волк’. Данное слово заимствовано русским языком в форме *бирюк* ‘одинокий нелюдимый человек, изгой’. Исходя из сказанного, можно прийти к заключению, что слово *бёрк* имеет очень древние корни, уходящие в период тотемизма. Данное слово встречается у М. Кашгарского *bork – galpak, bas kijim* ‘меховая шапка’. Головной убор папах имеет большой ареал распространения. Как мы ранее отмечали, ее считают элементом национальной одежды многие народы: азербайджанцы, башкиры, татары, турки, туркмены, карапахи, каракалпаки, казаки, узбеки, уйгуры и практически все народы Кавказа. На наш взгляд, источником распространения являются тюркские народы. Следует отметить, что неслучайно с этим видом одежды связан этноним тюркского народа в Иране «карапахи», ср. «каракалпаки» или средневековые «черные клобуки».

Калтак, *кииз бёрк* ‘шляпа, колпак, войлочный головной убор’; *бокка* ‘детская шапочка’. В теплое время года меховые шапки редко носили, их заменяли войлочные колпаки разных моделей: с широкими полями, без полей, с коротким кантиком. «Их форма восходит, может быть, своими корнями к эпохе кочевников. Похожие головные уборы можно увидеть на миниатюрах Радзиловской летописи, изображающих половцев в колпаках с чуть загнутыми вверх полями. Подобные формы войлочных шляп и теперь угадываются в головных уборах тюркских народов Средней Азии» [120, с. 104]. Войлочные шапки известны у многих народов Кавказа, имелись и существенные различия в их формах. К примеру, карачаевские и балкарские шапки из войлока имели традиционные формы – тульи делали заваленными, с конусообразным верхом (а не плоскими, как у кабардинцев), по краю нашивался шнур ручной работы, такой же шнур отделял тулью от полей; на верхушку тульи пришивался шнур с кисточкой или сплеталась пуговица, от которой расходились шнурки (четыре или шесть), концы которых закреплялись у нижнего края тульи. Шляпа с короткими полями, загнутыми вниз, неизвестна у других народов. В какой-

то степени близок к этой форме сванский колпак, но он не имел полей. Как отмечает Е.Н. Студенецкая: «Для карачаевских и балкарских шляп был характерен очень плотный, хотя и тонкий войлок». Детская шапочка *бокка* по форме очень близка сванке. С. Равдоникас считает, что шапочки типа «бокка» истоками своими уходят в кыпчакскую моду XI–XII вв.: «Головной убор-диадема, напоминающий венчик, различные типы которого найдены на Черноморском побережье близ станиц Раевской и Натухайской и на аланском кладбище X–XII в. близ станицы Змейской, были найдены и в Балкарии в склепах XV–XVI вв., полагаю, что этот головной убор связан с балкарцами» [177, с. 117]. На наш взгляд, колпаки с узкими полями и шапочка

бокка, происходят от войлочной шапки-подшлемника. Она часто изображается на древнетюркских каменных стелах. Рубрук отметил этот вид головного убора *бокка* в костюмном элементе половецких женщин [173, с. 99]. С тюркскими мамлюками шапочка-подшлемник попала в Египет, где, в соответствии с местными вкусами, превратилась в головной убор юношей и девушек, в Грузию через сванов – «сванка». В Предкавказье и Поволжье был широко распространён так называемый *калансуву* – головной убор волжских болгар и русов, известный с начала X века по описанию Ибн-Халана. В XII–XIII вв. *калансуву* стал модным в Иране, Ираке и Египте. Носили его «халифы-аббасиды, их визири, кадии» [45, с. 16].

1

2

Ил. 29. 1. Балкарская папаха; 2. Войлочная шляпа – джабаггы кьалпакъ (из шерсти весенней стрижки)

Как отмечают многие исследователи, для карачаево-балкарских шляп был характерен очень плотный, хотя и тонкий, войлок [190, с. 119]. Кар.-балк., ног. *кьалпакъ* ‘колпак, шапка, шляпа войлочная, феска’; кум. *кьапай* ‘феска’; тур. *капача* ‘род головного убора’; тюрк. *капалуш* ‘шляпа’ [СР, 11, 1:404, 411]. Лак. *кьяна* ‘головной убор, папаха, колпак’.

Калпак – слово тюркского происхождения. В словаре В.В. Радлова зафиксирован в следующих значениях: 1. крым.-тат., кирг., тел., тур., ‘род шапок’ а) женский головной убор, б) шапка из войлока, г) кум., тат., чуваш. ‘шляпка’ [СР, 11, 268–269]. Данное слово сохранилось в болгарском языке *калпак* ‘шапка, папаха’ [207, с. 14]; в русск. гов. *колпак* ‘вид головного убора’ ~ ‘простак’, ‘недогадливый’ (прост.-шутл.). «Войлочная шляпа

«калпак» с полями имела в Казахстане и в Киргизии повсеместное распространение, и поныне сохраняет свое значение летнего головного убора» [217, с. 210]. Исследуемое слово функционирует во многих тюркских языках: тур. *калпак* ‘шапка, папаха’, аз. *galrag* ‘одно из названий мужского и женского головного убора’, к.-калп., тат., тув. *kalpak* ‘головной убор’, кирг., уйгур. *kalpak* ‘шапка, папаха’ [TLS, с. 430–431]. Данное слово известно в древнерусском языке как *колпак* в значении ‘род головного убора’ [ФЭСРЯ, 11, с. 257]. В украинском языке данное слово функционирует в форме *ковпак*, в белорусском – *коупак*. Слово заимствовано из тюркских языков [ФЭСРЯ, 11, с. 257]. В словаре М. Фасмера отмечено значение слова *капа* ‘шапка, женское покрывало в виде фаты’

[ФЭСРЯ, 11, с. 181]. Что касается этимологии данного слова, то большинство исследователей считают, что слово *kalpak* приняло эту форму в результате метатезы. Таким образом, основой слова *калпак* является слово *капла* – ‘покрывать, прикрывать, накрывать’. Ср. кар.-балк. *кълкъап* ‘рукавицы, варежки’; *къапчакъ* ‘корка (льда на воде)’; *къапчыкъ* ‘мешок снятой чулком шкуры’.

Башлык известен всем народам Кавказа под тем же названием тюркского происхождения: *баш* ‘голова’ + продуктивный аффикс *-лыкъ* – ‘наголовник, капюшон’. Этот вид головного убора представлял собой капюшон с длинными закругленными лопастями. Его шили из плотного домотканого шерстяного сукна, сложенного из двух кусков. Башлык

надевали на папаху и на войлочный колпак с узкими полями. Длинными лопастями обматывали шею, старики иногда носили его на поясе. В Грузии и в Абхазии башлык носили и без папахи. «В карачаевском и балкарском costume все украшение балыка сводилось к плетению на его макушке длинной шелковой кисти. Отделочная тесьма, идущая по краю, на концах-завязках в отдельных случаях образовывала несложный орнамент. Но главная декоративная выразительность башлыка заключалась в его цвете. Башлык должен был по контрасту выделяться своей белизной на общем фоне темной верхней одежды» [120, с. 105]. Древность этого элемента костюма отмечена в карачаево-балкарском эпосе:

*«Ногайчыкъ да тартып алды башлыгъын,
Окъну алып, къаты байлады къарнын»* [99, с. 104].

Этот цикл эпоса впечатляет своим драматизмом. Нарт Ногайчык своей смертью спасает друга Ёрюзмека (это отражение каких-то исторических событий, – Н.Б.). Одно из ранних упоминаний башлыка относится к XVII веку. Э. Челеби пишет, что он бытовал у карачаевцев и балкарцев: «На голову надевают белый башлык. На ногах иранские башмачки. Головы бриты, бороды подстрижены» [216, с. 206]. «Башлык широко распространился в России, он входил в форму казачьих войск и некоторых других воинских частей. Известен был и за границей (наполеоновские солдаты были снабжены башлыками). В конце XIX – в начале XX вв. в русских городах башлыки носили не только гимназисты, но и гимназистки. Хотя башлык считался мужским головным убором, в рассматриваемый период его стали носить и девушки во Владикавказе и Адыгее. Их башлыки были особенно нарядны. По-видимому, это вторичное явление: башлык вернулся на Кавказ из России уже в функции женского головного убора» [190, с. 122]. В этой связи любопытно отметить, что башкирские женщины носили башлыки с овальным верхом и более длинными лопастями. Этот вид головного убора является древним элементом национальной одежды башкирок [213, с. 193]. Башлык, на наш взгляд, берет свое начало с эпохи скифов. В течение долгого времени он эволюциониро-

вал, удлинялись лопасти, менялся материал. Если сравнить головные уборы скифов, изображенных на чертомлыкской вазе, то наиболее близки к ним по фасону и материалу изготовления (войлок) казахские башлыки. На наш взгляд, эту идентичность головных ubopов трудно отрицать. «Казахи в прошлом башлык шили из домотканого верблюжьего сукна шепкен; позднее использовали покупные плотные ткани, изнутри подшивали легкой тканью, изредка делали тонкую прокладку из шерсти. Носили поверх других шапок для защиты от пыли, ветра и солнца. В XX веке башлык стал выходить из употребления, но во второй половине XIX в. в Центральном и Северном Казахстане он был обязательной частью одежды пастухов и табунщиков» [217, с. 213]. Судя по современным словарям, общетюркское слово *башлык*//*башилик* без фонетических изменений функционирует во всех тюркских языках. К примеру, кар.-балк., кум., ног., крым.-тат., кар., к.-калп., каз., кирг. *башлыкъ* ‘башлык’; аз. *baslig*; гаг., турк., тур. *baslik* ‘головной убор, капюшон’. Башкирское *baslik* ‘вязанная шапочка’; тат. *башлык* ‘суконная шапочка’; болг. *башлык* ‘головной убор’. Каб., *башлыкъ*; калм. *баслг*; лак., дарг., ав. *башлихъ*, лезг. *башлуг*; осет. *басылыхъхъ*; чечн., инг. *башлакъ* ‘башлык, капюшон с длинными концами, надеваемый поверх папахи’. «Только у адыгейцев он имеет

местное название *иъхъарыхъон* (головной). Ту же семантику имеет наименование *башлыка у абхазов* [190, с. 120]. В данном случае требуется уточнение, этот термин является всего лишь калькой слова *башлык*. В древнетюркском словаре *baslig* дается как «глава, предводитель, капюшон» [ДТС, с. 88]. Очевидно, значение «глава, предводитель», и «головной убор» возникли параллельно, в данном случае трудно сказать, что было первичным. Г. Каранфил пишет: «Небезынтересно отметить, что оба значения исследуемого слова, отмеченные в древнетюркском словаре, заимствованы русским языком: *baslik* «начальник», «головной убор» [ФЭСРЯ, 1, с. 136]. Становится ясно, «что русский язык заимствовал данное слово очень давно. И по структуре, и по семантике русское *baslik* совпадает с общетюркским» [ук. р., с. 79–80]. Головной убор *башлык*, как и его название, заимствован народами Кавказа у тюркских народов.

Р.А. Юналиева в статье «Лексико-семантическое развитие тюркских названий головных уборов в русском языке» пишет: «Данные письменных памятников различного типа словарей, а также материалы словарных картотек позволяют выделить в русском языке более сорока тюркизмов – названий головных уборов, которые «на основе общей семантической темы и признака функционального назначения» составляют единую лексико-семантическую и парадигматическую группу с общим релевантным свойством – название головных уборов.

В свою очередь эти слова по частному дифференцирующему признаку объединяются в следующие семантические подгруппы:

1) названия видов шапки [*шапка, колпак, капа, каплак, клубук, малахай (тумак), ер-молка, боярка, бухарка, тафья, тюбетейка,*

феска, шлык, аракчинка, татарка, чабак];

2) названия видов платка, покрывала, повязки [*атласка, каптырь, кыик, фата, кодман, сорбан, таркич, чалма, чадра, паранджа*];

3) названия видов капюшона [*башлык, каптур (а)*];

4) названия женского головного убора (*альник, барык, сорока, тохья, чуплюк* и др.);

5) названия воинских головных уборов (*ишишак, мисюрка*);

6) названия деталей головного убора (*султан*). Среди указанной группы слов различаются тюркизмы разной степени освоения обозначаемого ими понятия. Подавляющая часть их вошла в русский язык как наименование новой реалии, быстро усвоенной, ставшей в ряд «своих»: клубук, колпак, фата, башлык, шапка.

По степени концентрации тюркских названий головных уборов в русских говорах вырисовываются различные зоны, условно называемые: «сильная» (интенсивного распространения), «средняя», «слабая» и «нулевая». Наибольшее число изоглосс проходит через зоны, соприкасающиеся с тюркскими языковыми территориями» [206, с. 20–21]. Наконец, следует сказать, что *башлык* находит свою прямую аналогию у скифов и аланов. Интересно, что, например, в осетинском языке нет иранского обозначения этого скифского головного убора. Осетины, подобно другим народам Кавказа, употребляют тюркское слово *basluq* (з.-ос.) или *basliq* (в.-ос.) ‘башлык’ [268, с. 22]. По этому поводу Б.А. Калоев пишет: «К числу традиционных головных уборов осетин относится и башлык (башлыхъ), встречавшийся под таким названием и у других кавказских народов. Судя по его тюркскому названию, он был, по-видимому, занесен из Средней Азии тюрками-кочевниками» [269, с. 313].

2. Верхняя одежда

Термины одежды, которые связаны с кожей, являются наиболее архаичными элементами материальной культуры любого народа. Многие виды произошли от кожаной туникообразной рубашки с прямым врезом рукавов. Все остальные формы и виды вторичны. Во

всех тюркских языках обобщающим названием исследуемой тематической группы является слово *кийим, гийим, giyim* ‘одежда, наряд’; чув. *йем*; узб. *кийим* ‘одежда’ [217, с. 140]. Данное слово употребляется также в словосочетаниях *баш кийим, bas giyim*

‘головной убор’, аякь кийим ‘обувь для ног (буквально одежда для ног)’, тыш кийим ‘верхняя одежда’ ич кийим ‘нижняя одежда, белье’. Лексема представляет большой интерес как по своему происхождению, так и по своей словообразовательной продуктивности. С незначительными фонетическими изменениями она нашла широкое отражение в древнетюркских памятниках: *kedim, kedgu, kedguluk* ‘одежда, одяние’, *keduk* ‘накидка из войлока’ [ДТС, с. 292]. Зафиксированный в словаре данный глагольный корень *кез* слова *кезгу/кедгу* является одним из вариантов *giy, кез/кед*, встречающийся в древнетюркских памятниках. А. Щербак, принимая этот корень за первооснову (архетип) общетюркского *giyim*, реконструирует в форме *као* ‘надевать’. В кар.-балк., кум., ног. языках более соответствует форма *кйй, гйй* ‘надевать’. В древнетюркском словаре синонимом слова *кийим, гийм, giyim* отмечено общетюркское *дон* [ДТС, с. 574]. В данном исследовании мы посчитали нужным рассмотреть все виды названий одежды и их частей, а также тюркские термины, которые были заимствованные соседними народами. Почти во всех языках народов Северного Кавказа заимствованы тюрк. термины *шалбар, кёнчек*, обозначающие «штаны». Более древним словом является кар.-балк., ног. *кёнчек* ‘штаны; брюки, суживающиеся книзу’; *ич кёнчек* ‘кальсоны’; *тери кёнчек* ‘штаны из овчины’ (КБРС); крым.-тат. *кончек* ‘штаны из грубой дмотканной ткани, на сборках в поясе, зауженные книзу, без прорехи и без карманов’ [215, с. 394]. Л.И. Лавров пишет: «К древнетюркским терминам относится *кёнчек* – штаны. Они имели, видимо, давно сложившийся покрой с прямыми неширокими, слегка суженными книзу штанинами, с большим ромбовидным клином «ау» между ними. Ширина клина в шагу достигала 80–90 см по верхнему краю шла обшивка для продергивания гашиника, стягивающего штаны на талии. Разреза спереди штаны не имели. Такой покрой штанов очень удобен при верховой езде, лазанье по скалам, прыжках через ручьи, и, вероятно, поэтому он не изменялся в течение долгого периода и дожил до наших дней. Такой же покрой распространен у кабардинцев и у осетин, но дальше на восток (Чечено-Ингушетия, Дагестан) и в большей части Закавказья

для штанов чаще встречаются покрои другого рода. В настоящее время трудно определить, были штаны с ромбовидным клином исконными для Северо-Западного и Центрального Кавказа, или здесь сказалось глубоко уходящее влияние кочевнического мира, скорее всего тюркского. Сильное влияние тюрков можно подтвердить широким распространением тюркских наименований одежды у народов Кавказа» [132, с. 162]. З.В. Доде в своем исследовании приходит к выводу: «В качестве поясной одежды в этот период бытуют штаны с ромбовидной вставкой между штанинами и верхним рубцом, в который продевают шнурок. Длина штанов была различной, от длинных и до коротких 65 см к штанинам в области колена пришивались подвязки из холста или кожи для фиксации ноговиц. Этот прием сохраняется одинаковым для мужских и женских штанов начиная с VII в., когда он был археологически засвидетельствован в Предкавказье, и вплоть до этнографического костюма XIX – начала XX в.» [78, с. 55]. В данном случае следует пояснить, что аналогичные штаны с широким шагом бытовали у алтайцев, башкир, чувашей, татар, казахов, киргизов, хакасов и т.д., которые не имели близких контактов с кавказскими народами.

В словаре Радлова *кон, кён* с пометкой *bar., kir., tel., leb.* имеет несколько значений ‘1) (*bar., tel.*) дубленая кожа; 2) (*kir.*) пестрая (желтая) кожа; 3) (*leb.*) голенище’ [СР, 11, с. 1241]; *кенак* ‘ведро из кожи’ (Schog. Sag. Koib. Uig.), *конок//конек* ‘ведро из кожи, для доения кобыл’ [Altkir., tel., leb.] [СР, 11, с. 1242–43]. В гаг. *конч* ‘голенище’, слово отмечено в древнетюркских письменных памятниках в форме *гопис* ‘голенище’ [ИССТЯ, с. 121]. Слово *копс* бытует во многих современных тюркских языках: тур. *копс* [РТурС, с. 196]; аз. *гипис* [АРЛ, с. 113]; каз., ног. *коныш* (НРС); тув. *хончу* [РТС, с. 107]; уйг. *конжи* [РУС, с. 206]. Во всех этих языках данное слово означает ‘голенище’. Авторы «Русско-тюркского словаря», изданного в 1928 г., слово голенище представляли в форме *конч*. Г. Каранфил считает, что гагаузское *копс* заимствовано болгарским языком в форме *кончов* ‘голенище’ [БРС, с. 372]. Данное слово встречается в мамлюкско-арабском словаре Абу Хаяна Гаранти и у М. Кашгар-

ского, где произошло сужение семантики слова *кунчук/кончук* – ‘карман, кожаный карман’. В этимологическом словаре Э.В. Севоротяна показаны лексические основы и все производные термины, образованные в тюркских языках от *гон~кон, хем~хом, ген~кен, кунь~gong* ‘1) выделанная кожа; дубленая кожа; юфть; желтая кожа; сыромятная кожа; толстая кожа; 2) шкура, наружный покров тела; 3) тело; 4) башмаки; 5) голенище; 6) кожаный, кожевенный’. Данное слово является общетюркским. Архетип рассматриваемой основы А.И. Щербак восстанавливает в виде *кон* ‘выделанная кожа’ [ЭСТ, 111, с. 72]. Существуют несколько этимологий слова *qon-saq > qossaq*, чагат. «храбрый человек, герой» (Корш.). Караулов выводил этимологию этого слова с карачаево-балкарского языка, считая его наиболее близким к половецкому языку, в форме *консек*, в значении «кожаные штаны» (исторически, по-видимому, предмет воинской одежды, защищающий ноги от стрел). Существует синоним данного слова в форме *консеклик*, ист. «набег на чужие земли», *консеqlik* – боевое походное знамя черного цвета [КБС, с. 341]. Слово *кёнчек* происходит от слова *гон, кон* ‘выделанная кожа’ + аффикс *-чек*, поскольку в древности тюркские народы штаны шили из кожи. Брюки из выделанной кожи были не редкостью еще в начале XX в. у балкарцев, карачаевцев, казахов и т.д. Встречается это слово в кар.-балк. эпосе в цикле «Сын старого Алугана» [99, с. 157]. Данный термин заимствован адыгейцами, кабардинцами и черкесами *гъончеджл//гъуэншедж* ‘штаны, брюки’ [190, с. 264]. В чеченском и ингушском языках *глонжагI//глонжогI* ‘торока’ [15, с. 162]. Как мы видим, произошло сужение смыслового объема термина. Любопытно, что эта лексема встречается в табасаранском языке в виде *хуччек* ‘штаны’ [235, с. 90]. Видимо, ранее этот термин бытовал у кумыков, откуда был заимствован в табасаранский язык. Аналогичного рода заимствование мы обнаружили в верх.-марийском языке *кон* ‘кожа/кожаный’. Если говорить о заимствованиях, следует обратить внимание на характер заимствований, их ареалы. У народов восточной части Северного Кавказа эти слова в большей степени заимствованы из кумыкского или азербайджанского языка (есть и исключения), в за-

падной части преобладают заимствования балкарского, карачаевского, ногайского и крымско-татарского происхождения. Кар.-балк., кум., ног., *шалбар* ‘штаны, шаровары (широкие штаны)’; аз., тур., крым.-тат. *шалвар*; каз., кирг. *шалбар* ‘широкие брюки’; алт., тел. *шалбыр* ‘кожаные шаровары’ [СР, IV, с. 967]; каз. диал. *шалбары* ‘шаровары’ [183, с. 5]. В карачаево-балкарском языке слово *шалбар* имеет экспрессивную окраску, «штаны крестьян». Ав., дарг., *шалбал*, лезг. *шалвар* ‘шаровары’; чеч., инг. *шарбал* ‘штаны’ (кроме этого у них есть свое название *хеча*). В кумыкском языке синоним слова *кёнчек* – *иштан // иштон* ‘брюки, штаны’ (КРС). Данное слово является общетюркским, зафиксировано в древнетюркских письменных памятниках: *тон* ‘платье, одежда’ [ДТС, с. 574]; *тон* ‘одежда’ [МК, 111, с. 151; 11, с. 57]. Данное слово отмечено и в орхон-енисейских памятниках в виде *тон//дон* в значении одежда [ПДП, с. 432]. В словаре Л. Будагова оно отмечено со значением ‘одежда, шуба, обувь’ [ССТН, с. 759], в словаре В. Радлова с пометкой осм, крым.-тат. *дон//тон* ‘платье, штаны’ [СР, 111, с. 1710]. А.М. Щербак реконструировал архетип *дон* в форме *тон* со значением ‘халат, одежда’ [240, с. 29]. Данное слово функционирует с различными семантическими значениями в современных тюркских языках: аз. *дон* ‘кафтан, платье’; тур. *дон* ‘одежда’; турк. ‘халат’; гаг. *дон* ‘шуба’; кар.-балк., ног., хакас. *тон*; тат. *тун*; якут. *сон*; кир. *тон* ‘тулуп, шуба’. Стоит отметить, что данное слово заимствовано в каб. яз. *тен* ‘шуба’ [241, с. 49]. Г. Каранфил считает: «Первым значением слова *дон // тон*, в тюркских языках было «исподнее платье, штаны» [104, с. 35]. Известно, что именно от степных кочевников идет обычай ношения штанов как мужчинами, так и женщинами. Этот обычай когда-то был связан с необходимостью езды верхом. Русское слово *штаны* заимствовано из формата *иштан*, ср. общетюрк. *алаша* и русское *лошадь*. Следует отметить, что первоначальной формой было *иштоны* [ФЭСРЯ, 111, с. 477]. Сравните: *ич дон>иштон> иштан>штаны* [ШСТРЯ, с. 173]. В словаре М. Кашгарского встречается в форме *истон* ‘шаровары’ [МК, 1, с. 133]. В словаре В.В. Радлова исследуемое название зафиксировано в фор-

ме *ич доны* 'подштанники' [СР, 111, с. 1710]. Древнетюркское *ич тон* в значении 'штаны, нижнее белье' отмечено в ДТС [с. 201]. Данное слово бытует в современных тюркских языках: кум. *иштан* [КРС, с. 157], шор. *иштан* 'штаны'; узб. *иштон* [УРС, с. 194], кирг. *ыштан* [КРС, с. 245], хак. *ыстан* 'нижние штаны'.

Для наименования нательной одежды, рубахи у большинства народов Северного Кавказа имеются собственные, незаимствованные термины. По крою и стилю мужская и женская рубаха не имеют различий. Кар.-балк., кум., ног. *кёлек*, *гёлек* – 'рубашка туникообразной формы со стоячим воротничком', является как верхней, так и нижней одеждой, как для женщин, так и для мужчин. Данное слово является общетюркским и зафиксировано в древнетюркских источниках в формах: *кёнлак* 'рубашка' [ДТС, с. 315]; *komlek* 'рубашка' [АХ, с. 55]. В словаре В.В. Радлова отмечена форма *голмак* 'рубашка' [СР, 11, с. 1601], кар. лит. *калмек* 'рубашка' [СР, 11, с. 1123]; Kkir. *конок//koilak* 'рубашка' [СР, 11, с. 1143]; шор. *куйнак* 'рубашка' [СР, 11, с. 1419]; турк., *койнек* 'платье' [217, с. 125]. Любопытно отме-

тить, что это слово присутствовало в лексике донских казаков в форме *кубилек* 'женская сорочка из шелковой материи ярких цветов' [183, с. 5]. В кар.-балк. языке бытует еще одно название *огъары джан* (диал. *жан//зан*) 'рубашка, кофта, блузка', дословно «верхняя часть одежды»; *тёбен джан* 'низ, нижняя часть', 'штаны'. Мы считаем, что данный тюрк. термин является метафорическим названием рубашки и штанов. Слово *огъары* имеет несколько значений: 'верхний ~ верх; часть; вышестоящий' сторона; парное слово *огъары джанлыкъ* 'материал (кусок ткани) на блузку'; *джан//жан* '1) сторона, бок; 2) бедро, 3) душа'. Дополнением к сказанному может служить чувашское слово *жана* 'рукав рубашки'. К примеру, в некоторых в тюркских языках название штанины *кёнчек* плавно перешло на весь комплект. Ср. этот термин с адыг., каб. *джан//джане* 'рубашка'. В данном случае трудно утверждать, является ли это слово заимствованием с тюркского языка (на основании звукового сходства), но известно, что звонкая аффриката *дж* в анлауте не свойственна адыгским языкам. В общем, неясна и этимология слова.

Ил. 30. Бешмет – окаялы къаптал.

Ил. 31. Бешмет – тухтуй къаптал (с разрезанными рукавами).

В современных тюркских языках в большей степени функционирует слово *кёлек* с незначительными фонетическими изменениями. Слово *голмек*, *колек* образовалось по формату термина *кончек* от слова *гон*, *кон* ‘выделанная кожа’. В тюркских языках закономерное чередование *к//г*, кипч. яз. *конглек* > *конлек* > *колек*; огуз. яз. *gonlek* > *gotlek* > *goltek*. В обоих случаях название материала *кон* ‘кожи’ перешло на изделие. Важной деталью, подтверждающей наше исследование, является название штанины *буччак* ‘штанины брюк’, что опять-таки связано с кожей; кар.-балк. *буччакь/буччакь* ‘1) отверстие бурдюка, края шкуры’. Данное слово отмечено в словаре В. Радлова *букса* ‘часть тела ниже пояса’ (Dsch) (IV, с. 1882); *буцчак/буччак* ‘лапа, край’ (Тоб, Ком.) (с. 1863–64); *буччак* ‘шкура

с ног животного’ (Dsch) [с. 1862]. В контексте сказанного стоит привести сведения Л.И. Лаврова: «*Старики, а иногда, на кошах и люди средних лет носили штаны, сшитые из овчины мехом внутрь. Их делали более узкими в шагу – с небольшим клином*» [132, с. 163]. Любопытно отметить, что штаны с ромбовидным клином, суживающиеся книзу, были распространены у украинцев. «*Мужские штаны известны двух типов: с узким шагом и с широким шагом. Последние имеют в шагу клиновидную или даже прямоугольную вставку и бывают иногда очень значительной ширины. Такие штаны распространились у украинцев во времена казачества под татарским влиянием. Широкие штаны на «очкуре» – особом ремешке, стягивающем их сборками*» [213, с. 76–77].

3. Чекмень, черкеска, чоха, архалук

Наибольший интерес представляет верхняя одежда из домотканого шерстяного сукна, обычно называемая *черкеской*. Как отмечает А.Я. Кузнецова: «*Народная одежда – это та отрасль творчества, которая еще совсем недавно тесно смыкалась с жизненным укладом народа. В силу исторических условий она крайне плохо представлена в на-*

стоящее время в музеях и в национальном быту. Поэтому трудно со всей достоверностью проследить историю развития ее основных видов. Это возможно сделать лишь с помощью литературных источников, бытовых фотографий, аналогий с костюмами соседних народов, а также привлечения археологического материала» [120, с. 98]. Следует

отметить, что трудно обозначить грани в силу широкой распространенности общих форм в кавказском костюме. Большое значение в выяснении наиболее ранних форм национальной одежды имеет знакомство с древнетюркскими памятниками, находимыми в большом количестве в Предкавказье. «Поразжают разнообразия одеяния половецкой скульптуры. Головные уборы могли быть в виде боевого шлема, едва намеченной шапочки или высокой, часто пышной, с заломленными полями шляпы. Разнообразны кафтаны, с их бесчисленными особенностями покроя и узоров-орнаментов на рукавах, груди и полах» [186, с. 85]. Прямую линию преемственности, связывающую одежду ряда кавказских народов с одеждой, изображенной на «каменных бабах», прослеживает Н.И. Веселовский [47, с. 415]. К аналогичному выводу в своих исследованиях пришла П.С. Уварова, как мы ранее отмечали (см с. 27). Манера ношения плечевой одежды с запахом справа налево типична для тюрков. Примеры встречается на фигурках, изображающих тюрков, приближенных бухарского повелителя VII – начала VIII в. [42, с. 141]. К такому выводу пришла З.В. Доде: «Покрой северокавказских кафтанов соответствовал крою тюркской плечевой одежды. Особенно наглядно это иллюстрирует кафтан, найденный в Мощевой Балке» [78, с. 37]. Распашная одежда встречается также на тувинских памятниках – «каменных бабах» VII–IX вв., которая имеет большое сходство с кавказской черкесской. Равдоникас утверждает в своем исследовании «Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа»: «Вопрос принадлежности Белореченских курганов остается пока открытым. Отметим здесь только влияние кыпчакской «моды» на одежду и состав украшений, найденных в этих курганах, сказавшееся в покрое коротких кафтанов, схожих с кроем татарского кафтана V века, манера крепления штанов на голенища наколенными ремнями с пряжками или, как пишет Веселовский, «особыми подвязками», что говорит о старой тюркской традиции» [177, с. 73–74]. З.В. Доде справедливо отмечает: «Костюм – важнейший показатель единства материальной культуры народов Хазарского каганата. Аль-Истахари и Ибн Хаукаль свидетельствуют о том, что одежда хазар была схожа с одеждой соседних на-

родов. На серебряном хазарском блюде, в сцене единоборства двух богатырей, можно увидеть хазарский костюмный комплекс. Он состоял из распашного, приталенного кафтана, запахнутого налево с отворотом по вороту, длинных штанов, заправленных в сапоги, и головного убора в виде повязки (на одном из персонажей). Оба борца одеты в кафтаны из одинаковой ткани, идентичен и материал поясной одежды. Возможно, здесь изображены изделия из импортного шелка, так как аль-Истахари и Ибн Хаукаль указывают на то, что «хазары одежду не производят, а она ввозится из разных стран, включая Рум (Византию), Закавказье и Джурджан (Горган)». В данном случае арабские авторы имели в виду именно ткани, а не предметы одежды, которые хазарские мастерицы изготавливали в соответствии с традициями и вкусами тюрков (в те времена, к сожалению, не было единой стандартизации размеров на одежду, – Н.Б.). Изображенный на упомянутом блюде покрой кафтанов встречается на некоторых других памятниках искусства. В частности, на фреске из Афрасиаба изображен тюрк в запахнутом налево приталенном распашном кафтане, ворот которого тоже имеет отвороты [16, рис. 5].

Мужские платья такого же покроя можно видеть на росписях в Кизиле, Тарашлыке и в Кучаре. Согдийский вариант тюркского кафтана зафиксирован в росписях Пенджикента. На мужскую одежду раннего средневековья в Иране, Средней Азии и Византии оказали мощное воздействие тюркоязычные племена авар, болгар и хазар. Повсеместно прослеживается влияние тюрков не только на одежду, но и на доспехи и конскую упряжь [181, с. 86–91]. В связи с рассматриваемыми вопросами большой интерес представляет памятник Дука-Бека на реке Этока. О тюркском происхождении памятника свидетельствует само изваяние, которое характерно для культуры тюркских народов, что не подлежит сомнению. Об этом говорит, во-первых, пластика одежды – стеганая куртка с длинными рукавами, что характерно для стеганой одежды тюркских народов, которая наиболее близка к казахскому камзолу, бытующему с некоторыми изменениями в покрое и поныне. Во-вторых, изображение непропорционально уменьшенного оружия типично для тюрков, и неоднократно встречается в памятниках

Семиречья и Алтая. В-третьих, головной убор, войлочная шапочка-«подшлемник» известна на Кавказе по изображениям на тюркских каменных статуях. Следует добавить к сказанному, что в истории неизвестны случаи, чтобы «балбалы» воздвигали аборигенные народы Кавказа. По мнению А.А. Иессена, памятник Дука-Бека можно датировать не только концом XVI в., но и XVII в. [96, с. 33–34]. В данном исследовании мы даем иллюстрации многих памятников древнетюркского каменного зодчества для сравнительного анализа с одеждой горских народов Северного Кавказа. Как отмечает Е.Н. Студенецкая в материалах, относящихся к первой половине XVIII в., «черкеска сильно отличалась от нынешней». «Судить о ее покрое трудно, так как его описания в источниках нет. А на рисунках того времени, относящихся к адыгам, черкеска выглядит более свободной, иногда даже мешковатой одеждой. Длина ее до колен или до половины бедра. Длинные узкие рукава внизу иногда имеют треугольный выступ, прикрывавший тыльную часть руки» [190, с. 17]. Это относится и к осетинам. Как отмечает С.А. Токарев: «Есть данные, однако, в пользу того, что некогда (XVI–XVIII вв.) формы осетинской одежды были более своеобразны: у мужчин короткий архалук, у женщин широкая и длинная туникообразная рубаха. У южных осетин можно заметить большое влияние грузинского костюма» [213, с. 265]. «У грузин сочетались два основных типа костюма: общекавказский и иранско-турецкий. Преобладал первый. Типичный грузинский мужской костюм характерен тем, что он узкий, длинный. Это так называемая чоха, близкая к общекавказской черкеске, и архалук – сшитый в обтяжку длинный кафтан» [213, с. 276]. Одежда азербайджанцев в большей степени тяготела к грузинской форме: «Мужская верхняя одежда – короткий распахнутой архалук, плотно облегающий фигуру, и длинная узкая «чуха» (черкеска), часто с газырями. Мужской головной убор – овчинная папах» [213, с. 298]. Наиболее богатый материал в виде иллюстраций и гравюр имеется по одежде кабардинцев. В энциклопедическом труде немецкого ученого на русской службе Иоганн-Готлиба Георгия «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» есть уникальное изображение кабардин-

ца и кабардинки в национальных костюмах. Автор обобщает результаты собственных этнографических исследований, а также работ известных российских исследователей С.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина, Г.Ф. Миллера, П.И. Рачкова и других. Как считает В.А. Дмитриева: «Эта работа, вышедшая в свет на русском языке в 1799 году, по праву признается мировым эталонным этнографическим исследованием». Следует отметить, изображенный в книге костюм кабардинца не имеет ничего общего с известной нам черкеской. Во-первых, не соответствует покрой; кушак, вместо наборного пояса; кривой кинжал восточного типа, нет и наколенных подвязок. Во-вторых, головной убор – крымско-татарского образца, нет газырей на верхнем халате. Отсутствие газырей можно как-то объяснить, поскольку они появились с распространением огнестрельного оружия. Но это практически начало XIX века, когда этот вид оружия имел широкое распространение. Следует признать, что этот костюм в большей степени идентичен с одеждой прибрежных татар Крыма (см. иллюстр.). Не лучше обстоит дело с изображениями черкесов в XVII в. из книги А. Олеария. В зарисовках Х. Гейслера «Вооруженный черкес и знатный черкес в обычной одежде», конец XVIII в., новшеством являются газыри, а в остальном и этот костюм ближе к крымской моде. Стоит согласиться с выводом Е.Н. Студенецкой: «Вообще, влияние крымских татар, а через них и турок, на одежду адыгских народов, преимущественно высших сословий, в XVIII в. было довольно значительным. В особенности мы убедимся в этом при рассмотрении женской одежды» [190, с. 37]. А.Я. Кузнецова охарактеризовала этот период следующим образом: «После некоторой тяжеловесности форм одежды знати XVIII в. (запечатленной на рисунках некоторых путешественников) с известной пестротой ее расцветки и пышностью (ложные и разрезные рукава, громоздкий головной убор) мужской костюм горца постепенно приходит к более строгому единству» [120, с. 103].

У осетинской одежды были свои особенности. К примеру, на рисунке Яна Потоцкого (XIX в.) осетин изображен в коротком кафтане без выреза на груди, борта его стянуты завязками, воротник с отверстием. По обоим бортам нашиты газырницы, но отсутствует

кинжал. «В альбоме, изданном в Париже в 1813 г. с рисунка Е. Карнеева, чеченцы изображены в коротких до колена черкесках с узкими рукавами. Бегров изображает чеченца в короткой шубе с отдельной, висящей на ремне газырницей. У Д.А. Милютинна чеченец изображен в короткой, но нараспашку черкеске с узкими рукавом». Анализируя известные гравюры и рисунки, Е.Н. Студенецкая приходит к выводу: «Все вышесказанное о верхней одежде XVIII в. позволяет заключить, что она настолько отличается от более поздних форм, что возникает вопрос о закономерности названия этой одежды черкеской. В ряде случаев авторы XVIII в. – начала XIX в. приводят местные термины, хотя и в искаженном виде. Так, Ю. Кларпот называет верхнюю одежду адыгов «ци», И.Ф. Бламберг – «циши», Ф. Дюбуа де Монпере – «циши»; в этих терминах угадывается каб. наименования черкески «цей», существующее до наших дней. Карачаево-балкарское (тюркское) слово «чепкен» (черкеска) давно вошло в русский язык в форме чекмень» [190, с. 30]. С. Броневский, один из первых русских исследователей Кавказа, в своей монографии описывает торговлю в Черкесии: «Черкесы отпускают холсты, набойки ... узкое сукно (чикмень) и ши-

тые из него кафтаны под тем же именем чекменей, бурки, войлоки (кошмы). Татарами из Черкесских земель привозилось через Тамань в Кафу: до ста тысяч центнеров овечьей шерсти, сто тысяч кусков сукна, называемого чекмень, пять или шесть тысяч шитых чекменей» [Кавказцы, 1750–1820. М., с. 143, 146].

На наш взгляд, в русский язык это слово попало из казачьих говоров. Если бы этот термин, как и одежда, был заимствован в русский язык из кабардинского, то это слово должно было быть адыгским, поскольку они являлись ближайшими соседями. А этого, как мы видим, не произошло. Наивно полагать, что казаки испокон веков носили серые гимнастерки. Еще до прихода на Северный Кавказ, в Запорожской Сечи у них были известны чекмени, каптаны, бешметы, папахы, кепенки и т.д. Эти элементы одежды казаки унаследовали от своих предков «черных клобуков, ковуев и берендеев». Вариации названия черкески у народов Северного Кавказа в основном сводятся к двум основным терминам – чепкен, чуха, и несколько обособленному адыг., каб. *цый/цей*. Все эти термины связаны с названием шерстяного домотканого сукна «чепкен, чуха, цей», с одинаковой формой кроя и пошива.

Ил. 32. Балкарский князь. Начало XX века.

Кар.-балк., кум., ног., тер. и дон. каз. *чепкен/цепкен/шепкен/чекмень* '1) верхняя распашная одежда, с чуть распашными полами, прилегающая к фигуре в верхней части, со строго подтянутым наборным поясом и украшенная газырницами', 2) шерстяное сукно. «Динамику развития форм чекменя можно восстановить, проследившая его от длиннополых кафтанов, запечатленных на половецких изваяниях, к ее кавказским формам – аланским кафтанам, потом бешимету с горизонтальными застежками (как на приведенной в этюковой статуе и могильниках Ташлытала, Карт-Джурт, Даргаваса, Лесгора, Махческа) и к распространенной среди всех слоев населения верхней распашной одежде – чепкену» (120, с. 103).

Этимология слова *чепкен* связана с домотканым сукном *чепкен/чепкенлик*. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова в виде *чапкан* с пометкой (Osm., Tel.), *чапкан/чакман, чакпан* '1) сукно, шерстяная материя; 2) суконный кафтан; 3) короткий суконный кафтан с длинными, разрезными рукавами'; *чапканли* 'одетый в суконный кафтан' [СР, 111, с. 1995–96]. Далее с пометкой (Kas) *чикман* 'суконный кафтан'; *белсиз чикман* 'кафтан без талии' [СР, 111, с. 2113]. В данном случае следует обратить внимание на одну деталь: казахский *чикман* был поясной (приталенный), поскольку для названия кафтана без талии существовал отдельный термин. Алт. *чепкен* 'род широкого халата' [РАС, 427]; тув. *шепкен* 'распашной кафтан' [РТС, с. 212]; чув. *сахман* 'суконный кафтан' [ЧРС, 322]; баш. *секмен* 'распашной кафтан' [Башк. РС, 466]; хак. *сипкен* 'распашной кафтан'. «В гагаузском языке слово *сиктап* имеет несколько значений: 1) домотканая ткань, 2) кафтан без воротника, 3) юбка, 4) сарафан [ГРМС, с. 552]. Слово отражено в старокыпчакском письменном памятнике XIII века: *соктеп* 'платье, одежда'; в ТАС слово имеет значение 'ткани'. В других тюркских языках данное слово бытует преимущественно в одном значении: аз. *чепкен* «чекмень», «верхняя одежда из бархата и из других блестящих тканей» [АРЛ, 39]); тур. *чепкен* 'чекмень'» [104, с. 61]. В карачаевском языке слово *чепкен* обозначает еще название женского платья. Слово *сиктап* заимствовано многими нетюркскими языками в следующих формах: болг. *сукман* 'шерстяная юбка' [БРС,

с. 640]; укр. *сукман* 'сукно' [Ук. РС, с. 356]; перс. *чепкен* 'род кофточки с застежкой сзади или сбоку' [ПРС, 1, с. 456]; рум., мол. *сукман* 'сукно' [МРС, 618]. Скорее всего, русское слово *сукно* происходит из этого формата. По нашему мнению, слово *чепкен/сукман/цепкен/сипкен/сахман/сукман* происходит от глагола *сок/сук, чеп/шеп* 'ударять, тянуть, ткать, всовывать'. Р.А. Юналиева пишет: «Модель взаимного переноса названия одежды ~ названия материи – наблюдается во многих языках; ср. укр.(полт. гов.) *опанча* 'название старинной одежды' и 'материя', рум. *basma* 'ситец' и 'шаль поверх головного убора крестьянок'. На уровне межъязыковой полисимии среди карачаево-балкарских заимствований в абазинском языке: *шарбал* (шаровары) – 'домотканое сукно'; в адыгейском языке *кьутын* – род материи из крымско-татарского *кьутунсу* – 'верхнее платье'» [209, с. 23].

В восточной части Кавказа до Осетии и Закавказья черкеска больше известна как *чоха/чуха*. Чечн. *чоа*; инг. *чокхи* 'черкеска'. Лак. *чухъа* 'черкеска'; *ккуртту* – *чухъа* 'черкеска, мужской костюм', буквально 'черкеска-бешмет'; *чухъа* 'сукно местного производства'; ав. *чухъа* 'черкеска, архалук'; дарг. *чухъа* 'черкеска'; лезг. *чухва* 'черкеска, бешмет'; груз. *чоха* 'черкеска'; сван. *чоха* 'черкеска'; осет. *цухъъа*. Н.С. Джидалаев считает этот термин общекавказским «...вряд ли правомерно говорить о конкретных источниках заимствования, но тем не менее небезынтересно обратить внимание на аз. *чуха* 'чоха'; *чохалыг* 'материя, предназначенная для чухи' (АзРС)» [77, с. 120]. В гаг. яз. зафиксирована лексема *чуфа* 'тонкое сукно, суконный' [ГРСМ, с. 553] В данном случае трудно быть категоричным, но название верхней одежды идет от названия шерстяного сукна *чухъи*, но этот термин известен не только в аз. языке, но бытует и в турецком, крымско-татарском, гагаузском, караимском и уйгурском. В словаре Радлова осм. *чоха* 'сукно' [СР, 111, с. 2006]; гаг. *чуфа* 'короткая куртка из темного домотканого сукна' [104, с. 47]; уйгур. *чога* 'какое-то платье(?)' [СР, 111, с. 2038]; караим. *чука, чока, чуха* 'сукно' [СР, 111, с. 2165]; Dsch. *чук* 'одноцветная материя' [СР, 111, с. 2190]. М. Фасмер, ссылаясь на В.В. Радлова, относит это слово к турецкому языку. Е.Н. Шипова считает его персидско-

тюркским. По мнению Г. Каранфил слово *чуфа/чуха* 'сукно' является исконно тюркским. «Смеем предположить, что *чуфа/чуха* – один из фонетических вариантов формы слова *yufka* 'тонкий', посредством инициального звукочередования *y//ç*. Мы возводим слово *чуфа* к древнетюркскому *уар* 'тонкий'. Чередование *h//f* азербайджанского *чуха* и гагаузского *чуфа* следует объяснить тем, что губно-зубное *f*, встречающееся в современных тюркских языках и отчасти в древних, появилось в результате преобразования других звуков вследствие заимствования большого количества слов из других языков; ср. гаг. *foroz* «петух» – *horoz*, *tafta* «доска» – *tahta*, *tofum* «зерно» – *tohum* и др. Слово *чуха* в значении «верхняя одежда» заимствовано в кавказские языки /осетинский, грузинский, лезгинский/, скорее всего, из азербайджанского языка [142, с. 72]. Русский язык заимствовал несколько фонетических форм данного слова: *чуха/чуга/чоха* со значением 'кафтан, верхняя одежда из синего сукна' [ФЭСРЯ, IV, 388]. В тель., шор. *чу* 'обертка, перо, пеленка' [СР, 111, с. 2164].

Чухалук, чепкенлик 'отрез сукна на черкеску, платье', аффикс *-lik, -luk, -lug, // nik, -nik, -nug* – является в тюркских языках самым продуктивным аффиксом, образующим терминологию одежды. По мнению Л.Н. Харитоновна, когда-то этот аффикс приставлялся к именным основам и придавал им значение вместилища (ср. *архалук, башлуг//башлык*) или орудия. А.М. Щербак и Б.О. Орузбаева считают, что первоначальным значением форм на *-lug* было значение обладания. Крой и формы распашной одежды русских и украинцев очень близки к кавказским формам, в особенности казачий костюм. «У восточных славян (плашевидная одежда) почти исчезла, вытесненная распашной одеждой с рукавами первоначально однобортной (полы соприкасаются на груди и застегиваются без запаха), а в последствии с двубортной – с глубоким запахом. Двубортная одежда при холодном климате более рациональна, так как лучше сохраняет тепло. Но возможно, что переход от однобортной к двубортной одежде совершился не без влияния восточных кочевнических образцов. Недаром большинство названий этого типа – не славянские, а взяты из тюркских и монгольских языков: *тулуп, халат, доха, чапан, шуба, армяк* и др. Более

простым покроем одежды этого типа является прямоспинный; из него позже развился роскошный (в талию) покрой: так получается русский *зипун, кафтан*, украинская и белорусская *свита*. Наконец, еще более сложная одежда, в которой нижняя часть, от пояса вниз, пришивается отдельно, образуя многочисленные складки: это *казакин*» [213, с. 77]. Русское название одежды *зипун* имеет тюркское происхождение, об этом пишет Г. Каранфил: «Мы предполагаем, что сохранившееся в шекинском диалекте аз. языка слово *zibin // zivini* и в языке турок-ахыска слово *зубон* в значении «телогрейка» также возводится к основе *sub*. Форма слова *zibun* заимствовано русским языком: *зипун* «крестьянский кафтан» [ПЭСРЯ, IY, 907]. Полагаем, что слово *казакин* первоначально состояло из парного слова тюрк. *казак кийин* 'казачья одежда', затем унифицировалось в *казакин*. Этот вид одежды был и у гагаузов – *kazakina*. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова: «Казакин – полукафтан со стоячим воротником с длинными рукавами» [СР, 11, с. 366]. В данном случае название народа, которому было свойственно ношение данного рода одежды, перешло на название одежды. Любопытно отметить, в болгарском языке тюркизм *чапъкнин* 'бродяга, бездельник', ср. с тюрк. *казак* 'бродяга' ~ рус. *казакин* 'распашная одежда'. Мы можем предположить, что слово *чепкен* бытовало и в болгарском языке.

Терминология верхней одежды типа *чекмень, черкеска, чуха, архалук* является тюркскими заимствованиями в языках народов Северного Кавказа. Два происходят от названия материала *чекмень* и *чуха, архалук* – от предназначения, в то же время их связывает единство кроя, модели (фасон) и ткани, применяемой для шитья. Наиболее поздним термином является *черкеска*, это слово отсутствует в словаре Даля, нет его и у кавказских народов для обозначения верхней распашной одежды. Термин возник в XIX веке как обобщающее название распашной одежды горских народов Кавказа. Термин «черкес», как отмечал И. Мизиев, в те времена не имел узкоэтнического значения, в исторической литературе он известен как «скользящий этноним». Этот факт давно признан учеными. К примеру, европейские путешественники черкесами называли все народы Кавказа: карача-

евцы – «кара черкесы», дигорцы – «дугер черкесы», кумыки – «голубоглазые черкесы», абазины – «абазинские черкесы» и т.д. Даже запорожские казаки более известны в российской истории как «черкасы». Для турков и арабов по сегодняшний день все народы Кавказа – черкесы. Это сродни тому, как в бывшем СССР всех предствителей кавказских народов считали грузинами, потом все стали чеченцами, в данное время – «лицами кавказской национальности».

Примечательно, что и в средневековье на Ближнем Востоке «лиц кавказкой национальности» всех без исключения называли «черкесами», «шеркесами» (их и сейчас так называют). Это отметил в своем труде В. Тизенгаузен: «По словам Элькалькашанди, египетские и сирийские войска при мамлюкской династии состояли из тюрков, кипчаков, румов, черкесов, русских, асов и разных племен, похожих на тюрков». [218, с. 134]. Этномаркирующим признаком народа является язык. В этом плане важно отметить, что мамлюки оставили после себя богатое литературное наследие: четыре словаря арабско-мамлюкского языка (выпущены в X, XI, XII, XIII, XIV вв.), военные трактаты, послания и письма, поэмы, стихи и т.д. Исследователи литературного наследия мамлюкских династий Бахритов и Бурджитов пришли к единому выводу: этот язык наиболее близок к языку карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев и крымских татар. Выходцы из этих народов остановили продвижение на Восток рыцарей Европы, и неизвестно, чем бы все это обернулось для арабов, если бы не присутствие мамлюков в их стране. Добавим, что и большинство известных личных имен мамлюков – тюркские, остальная часть имен – арабские. Данной теме посвятили свои работы известные востоковеды А. Зайончковский, Я.Р. Дашкевич, А.Н. Самойлович, Ж. Дени, Б.А. Серебряников, убедительно доказав языковую принадлежность мамлюков.

Что касается этнонима *черкес*, отметим,

что это древнее название народа сохранилось у казахов Младшего жуза и астраханских татар, которые и в наше время называют себя *шеркес*. [25, с. 65]. Выходцем из этого улуса был правитель Астраханского ханства Хаджи-Черкес в 1369–1374 гг. Отметим, что он был одним из претендентов на ханский престол Золотой Орды. [175, с. 22]. Как известно, на верховную власть в Орде мог претендовать только чингизид. Относительно черкесов Карачаево-Черкесии следует сказать, что данный этноним был навязан беглым кабардинцам в 1921 году решением Совнаркома из Москвы [Жур. «Ас-Алан, № 1]. О том, что этноним «черкес» навязан волевым образом в советское время, пишет и кабардинский исследователь Александр Афов [7, с. 102]. На Кавказ этноним «черкес» вместе с истинными его носителями попал от степняков-тюрков, и на самом деле является этнонимом одного из половецких племен. От них образовались запорожские черкасы и донские казаки. Потомки этих половцев-черкесов и сегодня проживают в Западном Казахстане целыми аулами, являясь чистыми казахами. Какая-то часть этих половцев ассимилировалась в адыгском этносе, что привело к употреблению их этнонима и в отношении адыгов, хотя сам этноним не имеет в языке адыгов какого-либо смысла. Не употребляется он ими и как собственный этноним, в отличие от его широкого употребления в исторической и художественной литературе в качестве идентификации адыгов. Ушедшие же на Ближний Восток половцы-черкесы известны в арабских хрониках как «джаркасы», с пометкой «тюркские мамлюки» Египта и Сирии. Этот пример дан для того, чтобы разъяснить, как могут появляться в истории определенные этнографические ошибки, и как их можно исправить, а не запутывать далее. Тюркское слово *черкес* происходит от слова *черик*//*черив*//*черу* ‘войско, армия, воин’; *чаркаси* ‘наконечник стрелы конической формы’; *черкан* ‘франт, шеголь’; *черк* ‘короткий кафтан’ [СР, 111, с. 1967–1970].

4. Бешмет

Бешмет – мужская повседневная одежда народов Кавказа, обычно надеваемая под черкеску. А.Я. Кузнецова пишет: «В покрое бешмета вначале было много общего с ру-

башкой; отличали его лишь стоячий воротник и глухая застежка. Бешмет шился из более плотной ткани, и, как уже говорилось, из домотканого сукна, особенно если он предна-

значался для повседневного ношения» [120, с. 101]. В верхней части бешмет плотно прилегал к телу, книзу расширялся. В отличие от черкески, рукава бешмета были узкими. Цвет бешмета зависел от цвета черкески, насыщенностью цвета она резко выделялась на общем фоне одежды. В отличие от других народов Кавказа карачаевцы и балкарцы шили и стеганные бешметы, это отметил Л.И. Лавров: «Длина бешмета обычно несколько выше колен, но старики носили их много длиннее. Иногда для утепления между подкладкой и верхом прокладывали тонкий слой ваты, и делалась простежка вертикальными полосами. Такие бешметы носили обычно пожилые люди» [132, с. 163]. Многие исследователи пришли к выводу, что покрой бешмета, система застежки настолько совершенно отвечают назначению этой одежды, что надо считать ее сложившейся в течение длительного времени и проверенной, может быть, веками. «В традиционных формах и покрое этой части костюма (бешмет) тоже прослеживаются очень древние корни. В них можно усмотреть генетические связи с древнетюркской одеждой. В каменных половецких изваяниях часто воспроизводится узкий кафтан, который плотно облегал руки и туловище. В нижней части он показан расширяющимся, что особенно четко прослеживается на стоящих фигурах. Хорошо виден на некоторых из них и стоячий воротник. Н. Гаген-Торн, например, считает, что в южном жарком климате в условиях степного кочевья распашная верхняя одежда была просто необходима [60]. Если исходить из этого утверждения, то уже в половецком кафтане мы можем представить наметившиеся основы формы каптала – кроенного отрезным по талии, со стоячим воротником и застежкой спереди» [60, с. 101–102]. Е.Н. Студенецкая пишет: «Сведения о бешметах редко встречаются в описаниях путешественников. Некоторые авторы указывают на то, что под верхней черкеской адыги носили еще одежду из шелка и другой ткани, украшенную золотым или серебряным шитьем и галунами. Они именуют ее по-разному: *жилет*, *камзол*, *туника*, *куртка*, но у Ж.Ш. Беса мы встречаем точный термин – *каптал*, которым называли бешмет в XIX веке почти все народы Кавказа» [190, с. 30]. Название верхней рас-

пашной одежды *каптал* распространено практически у всех тюркских народов. Кар.-балк., караим., кум., крым.-тат., ног., аз., гаг. *къаптал/къафтал/каптан /гантал* ‘чекмень, казакин, бешмет’. Ср. каб., адыг. *къэптал/къыптан*; чечн., инг. *гловтал*; лак. *къаптал*. Данное слово происходит от тюркского корня *kap/gab/keb*, которое имеет следующие значения ‘оболочка, футляр, кожух, покрывало’. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова: *kap* ‘одежда, платье, наряд, модель, образец’ с пометкой *tel.,alt.,leb.,Schor.*; *капту* ‘имеющий наружность’ (*tel.*), [СР. II, с. 1184–1185]; *кептан* ‘одеваться, принимать вид, превращаться’; *Sag.*, *каплу* ‘наряженный, щеголеватый’ *bar.* [там же, с. 1188]. Данное слово встречается в словаре М. Кашгарского *gaftan* ‘кафтан’ [МК, I, 408]. Корень *kap/gab/keb* в карачаево-балкарском языке является словообразовательной основой названий нескольких видов одежды *къаптал*, *габара*, *къолкъап* ‘бешмет, душегрейка, рукавицы’, а также *къабчыкъ//къапчыкъ//къафчыкъ* ‘кожаный мешок из снятой чулком шкуры овцы или козы’; *къаб//къабук* ‘кора, скорлупа, кожух, оболочка, покров, кокон, панцирь черепахи’ [КБРС, с. 388, 368]. Исходя из перечисленных примеров, можно с уверенностью отнести термин *каптал* к заимствованным из тюркских языков словам. Аналогичная ситуация сложилась со словом *бешмет*, которое также является тюркизмом, *беш* ‘пять’, *мет* ‘треугольной или ромбовидной формы из серебра или кожи с галуном застежка (крепление на одежде)’ (КБРС). Р.Р. Тилов пишет: «С древнейшим карачаево-балкарским словом *мет* «застежка, пуговица» связано происхождение тюркского слова *бешмет*, дословно «пять пуговиц», – название пятипуговичной верхней распашной одежды. Слово *бешмет* широко известно на Кавказе, присутствует также во многих современных тюркских языках Средней Азии» [ЭСТЯ т. 2. с. 123–124].

Это древнее слово *мет* «застежка» сохранилось в карачаево-балкарском языке. Средневековая кар.-балк. фиксация слова *бешмет* – пять ромбовидных пуговиц имеет место в графике ряда аланских стел из верховьев Зеленчука, на которых изображены ромбические пуговицы. При анализе деталей верхней одежды аланского воина характерным представляется то, что пуговицы кафта-

на ромбовидные, и их количество равно пяти. При этом их асимметричное расположение, вызванное необходимостью прорисовки руки, сделано умышленно, чтобы отразить их количество – именно пять. В противном случае ничего не мешало расположить их симметрично и не обращать внимание на их количество. Серебряные ромбические пластины и поныне используются карачаевцами и балкарцами как деталь застежки ворота парадной бурки. В качестве деталей застежек ворота использовали и спиральные аппликации из плетеных серебряных и кожаных шнуров. Этот спиральный узор или способ его плетения назывался *шайтан чалыуу* – ‘бесово плетение’ [221, с. 31]. Гипотеза Р. Тилова основывается на сходстве орнамента на пуговицах спирали и названия: *мет*, *метеке* ‘улит-

ка//спираль’ и *мет* ‘застежка с орнаментом спирали’, и таких застежек на бешмете было пять. Для карачаевцев и балкарцев *беш* ‘пять’ – это не простое число. Когда хотят сказать родина, говорят *Беш-тау-эль* – ‘пятигорская страна’, в одном орониме две лексемы пять и пятьдесят – *элли*. Но *эль* это еще страна. К сожалению, вопросы литературной нумерологии до сих пор не избирались объектом специального филологического исследования, хотя многие из авторов обращают в своих трудах внимание на неслучайность магических или эпических чисел в карачаево-балкарской духовной культуре. Сохранился архаичный текст детской считалки, в которой каждому числу предпосылается определенный знаковый предмет, по конфигурации напоминающий ту или иную цифру.

Беише-бешик, В пятерке – колыбель...

«Значение педанты (число 5) в карачаево-балкарской символической системе определяется еще и ландшафтной «**пятиконечностью**» своего мира. Пентаграмма, ассоциирующаяся с человеческой фигурой с пятью пальцами на руке, усиливает впечатление

единства родины как экологически живой, органической системы. Анализ поэтических и эпических текстов показывает, что «пятерка» нередко используется балкарцами в качестве эмблематического числа Родины» [124, с. 246].

Ил. 33. Хан Крымшамхалов. 1870-е гг. Фото В. Барканова
(Печатается по кн.: Шедевры фотографии. Русская фотография, 1849–1918. М., 2003)

Аба – вид одежды, который практически не описан этнографами. В карачаево-балкарском народе *аба* носили люди пожилого возраста, ритуальная одежда (мулл и эфендиев). Вид халата или кафтана свободного покроя, другими словами ‘неприталенная черкеска без газырей’; *аба чепкен* ‘платье покроя абы’; *аба тон* ‘тулуп покроя абы’. Данный вид одежды так же бытовал у кумыков и ногайцев: *аба* ‘халат (без рукавов), плащ из шерстяной ткани, ритуальная одежда муллы’. Слово *аба* зафиксировано в словаре В.В. Радлова в нескольких значениях: 1) грубая шерстяная материя; 2) турецкий суконный кафтан. В. Радлов относит это слово к арабскому языку [РС, 1, с. 619]. Г. Каранфил подробно описала этот тип одежды: «*Аба* является одним из старых названий верхней одежды гагаузов, которым пользуются и сегодня». В ГРМС слово *аба* имеет несколько значений: 1) грубое домотканое сукно; 2) плащ, пальто из абы; 3) валенки [ГРМС, с. 22]. Первоначальным значением данного слова было значение «сукно». Об этом пишет Н.И. Гаген-Торн: «*Аба* – название сорта материи... Одежда получила название по материалу» [Болгарская одежда // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVIII, М., 1958 г., с. 56]. В данное время слово бытует во многих тюркских языках: тур. *аба* ‘грубая шерстяная материя, плащ из такой материи’ [БТС, с. 1], аз. *аба* ‘ритуальная одежда муллы’ [АРС, с. 1], ног. *аба* в том же значении. Данное слово встречается в кабардинском языке *абэ* ‘верхняя одежда (чаще у духовных лиц; напоминает ризу или халат)’ [КРС, с. 13]. Существует мнение, что данное слово перешло в тюркские языки из арабского языка: ср.: *аба* ‘название шерстяной одежды в виде плаща’ [АРС, с. 498]. В арабско-русском словаре отмечено и слово *gabaun* ‘верхняя одежда, кафтан, халат’ [АРС, с. 521]. Но в словаре М. Кашгарского слово *qaba* означает ‘накидка раба’ [МК. 1, с. 461]. С. Ибрагимов и М. Асамутдинова отмечают, что этот термин часто встречается в произведениях узбекских поэтов-классиков, обозначая длинную мужскую одежду [205, с. 24–27]. Посредством тюркских языков слово *аба* перешло в славянские языки: рус. *аба//габа* ‘грубая шерстяная ткань’, укр. *габа* ‘белое сукно,

турецкое’, макед. *аба* ‘домотканое сукно, крестьянская одежда из абы’, сербохор. *аба//хаба* ‘грубое домотканое сукно’, чеш. *habu* ‘одежда обычно плохая’, польск. *haba* ‘грубое сукно’. Это название с 1556 года известно в форме *аба* в венгерском языке [205, с. 37]. В болгарском языке *аба* означает «грубое домотканое сукно, пиджак из этой материи» [БРС, с. 4]. Исследуемое слово заимствовано румынским языком и имеет те же значения, что и в гагаузском языке. Если верить предположению В.В. Радлова и допустить арабское происхождение данного слова, то получается, что оно, перейдя в турецкий язык, приобрело новое значение, т.е. название одежды перешло на название ткани. Как обычно, происходит все наоборот. Название ткани переходит в название одежды. (В этом случае следует отметить, в арабском языке данное слово звучит *лабаатон* ‘вид распашной одежды’, который не связан ни с материей, из которой он изготовлен, ни с предметом его предназначения, – Н.Б.). А.Г. Добродомов рассматривает *аба* и *габа* как фонетические варианты. Выше мы отметили, что славянские *аба* и *габа* имеют значение «ткани, одежды». В азербайджанском языке функционирует слово *gebe* в значении «ковер» [АРС, с. 97]. Мы предполагаем, что слово *аба//габа* происходит от корня *kap//gab*, который имеет следующие семантические гнезда: «покрывало», «оболочка», «нечто вздутое». Исходя из нижеприведенных примеров, мы можем предположить, что корень *kap* с незначительным фонетическим изменением имеет следующие семантические гнезда *kap//gab//kəp*: аз., гаг. *kanot* ‘платье’; *kaftan//qaftan* ‘кафтан’, тур. *kaban* ‘куртка’; кум. *kabalai* ‘платье’; кар.-балк. *gabara* ‘душегрейка, куртка’, *аба* ‘свободный распашной халат’; тув. *xep* ‘платье, одежда’ [РТС, с. 398], алт. *kep* ‘одежда’ [РАС, с. 490], кар.-балк. *кьапларык* ‘одежда’, *кьабакъ* ‘ворота, футляр’, *кеп* ‘форма’, *кап* ‘крышка’, *кьабыр* ‘могила’, *оба* ‘курган, могильный холм’ [КБРС, с. 368, 371, 486]. Гаг. *капак* ‘крышка’, *кабик* ‘скорлупа’, *капчик* ‘оболочка, кора’, *кап* ‘посуда’, кар.-балк. *кабук* ‘кора’, *кебинлик* ‘саван’, *кьаб* ‘тыква’. Ср.: гаг. *корур* ‘мост’, кар.-балк., общетюрк. *кетюр* ‘мост’, греч. *кетюрис* ‘мост’, рус. *кобура*, *капсула*, *кепка*, *капуста*, *каблук*, *кабак*;

ср. в говоре терских казаков *кепка* 'плохая папаха' [209, с. 19]. Корень *кап* заимствован каб. яз. *къэп* 'мешок'; *кӀэпхын* 'фартук', ср. балк. *кепкин//кефкин* 'передник, фартук'; *капчык* 'мешок, торба'; данное слово образовалось от *кеп* 'форма, оболочка' + глагол *киин* 'одеваться, надеть'; ср. *къапчык* 'переметная сумка' *къап* + продуктивный уменьшительный аффикс *-чык*. Это отнюдь не весь перечень слов с этим корнем в данных семантических гнездах. По утверждению С.Г. Ализаде, древнетюркская морфема *кар* исторически попала в иранские и славянские языки из тюркского, а через иранские языки в семитские, романские и германские. В настоящее время этот первичный корень имеет десятки фонетических вариантов и лексических дериватов в указанных языковых семьях, а также в тюркских языках. Так как в тюркских языках наблюдается большое преобладание примеров с морфемой *каб//кеп, габ//ген*, то мы в праве предполагать, что данный корень относится к тюркским языкам. В итоге исследования слова *аба* мы пришли к выводу, что данное слово происходит от древнетюркского *кар*, а версия арабского его происхождения сомнительна» [104, с. 51–54]. Такое проникновение тюркской лексики могло иметь место в

глубокой древности. В карачаево-балкарском языке семантика слова расширилась, *абадан* 'старший', 'взрослый', 'крупный', 'расширится', 'увеличится' [КБРС, с. 15]. На наш взгляд, слово «абадан» образовано от корня *аба* + продуктивный аффикс *-дан*. К примеру, *колдан* 'с рук', *аздан* 'малость' и т.д. Данное слово вместе с одеждой заимствовано кабардинским языком *абэ* 'верхняя одежда (*чаще у духовных лиц; напоминает ризу или халат*)' [КРС, с. 13]. Здесь небезынтересно будет сказать, что существуют ряд тюркских слов, которые обнаруживают исключительную регулярность внутриславянских фонетических соответствий, и это позволяет предположить, что данные слова были заимствованы еще в период общеславянского языкового единства: *аба/хаба* 'грубая материя', *огар/огар* 'гончая охотничья собака'; *тылмачь/толмач* 'переводчик', *чавка/чайка* 'галка', *шорба/чорба* 'бульон', *bileg/beleg* 'знак', *ober/obor/obrzum* 'исполин, великан, гигант' (имеются в виду авары). На наш взгляд, представляет интерес тюркское слово *кобуз*; рус., укр. *кобза*, болг. *кобза*, чеш. *kobza*, ст.-чеш. *kobos*, вен. *koboz*, словац. *koboza*, польск. *koboza*, ст.-польск. *kobos*, ст.-литов. *kabza*, румын. *kobza*, нем. *kobse*, франц. *kobza*.

Ил. 34. Хуржунлу къаптал – бешмет с карманами.

6. Бурка, гебенек, габара, тон

Бурка – плащевидная, не сшитая накидная одежда, дождевик; имеет древние корни, как считает А.Я. Кузнецова: «*В ней сохранилась одна из самых архаичных форм одежды. Бурка могла возникнуть и сохраниться только в скотоводческом хозяйстве, при малоподвижной, сравнительно с земледельческой, работе пастуха. А резкие перемены погоды в степи и в горах сделали ее практически незаменимой. Место ее зарождения остается невыясненным. Судя по примитивности изготовления форм и материалу, она могла зародиться у любого скотоводческого племени. Развитие же бурки, как формы национальной одежды, полностью связано с историей кавказской одежды*» [120, с. 104]. Накидная одежда на Северном Кавказе была известна двух типов: бурка и накидка прямоугольной формы из грубой шерстяной ткани. Этот тип накидной одежды известен у чеченцев, ингушей, осетин и у дагестанских народов. На наш взгляд, бурка была удобной для всадников. У карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев этот вид одежды широко не известен, но для пеших чабанов их предками был изобретен *гебенек* – короткая войлочная куртка с рукавами и капюшоном (о ней будет сказано ниже). Как считает Е.Н. Студенецкая: «*Простейшая тканевая накидка имеет на Кавказе очень древние традиции. Археологи считают, что крупные бронзовые булавы с разнообразными навершиями, относящиеся к кобанскому, а некоторые типы – и к докобанскому периоду, использовались именно для скрепления краев одежды из грубой ткани*» [190, с. 82].

Чеченцы и ингуши называли ее *жаун маша* ‘чабанское сукно’ [190, с. 268], это парное гибридное слово где чечн., инг. *маша* ‘сукно’, и тюрк. *жаун* ‘дождь’ – «дождевик». По своим фонетическим особенностям источником заимствования для чечено-ингушского языка нужно признать карачаево-балкарский язык.

Осетинское название накидки *хьыйсын*. В.И. Абаев, приводя осетинское наименование накидной одежды (плаща), связывает его с персидским *palas*. Сближения В.И. Абаев фонетически не безупречны, поскольку связь между этими лексемами очень призрачна. В.А. Калоев сравнивает этот плащ с «*одеждой скифов, часто встречаемой в изображениях на археологических памятниках*» [108, с. 150]. На наш взгляд, данное слово имеет тюркское происхождение: *хьый/хьыйим* близок к тюркской основе *кийим/гийим/хийим/хыйым* ‘одежда’; *сын* ‘фигура, облик, стать, внешний вид’ [КБРС, с. 584]. Наиболее распространенной накидной одеждой на Северном Кавказе являлась бурка. Самое древнее изображение бурки обнаружено на графике аланских стел в Зеленчуке (КЧР). Впервые упоминает о них Рубрук. Проезжая через половецкие степи в середине XIII столетия, он говорит о каких-то «*черных войлоках*», в которые скотоводы «*закутываются*» во время дождя [173, с. 101]. В 1504 году бурки упоминает Дж. Интериано [13, с. 48]. Из более поздних описаний А. Олеария и Я. Стрейса XVII века стало известно, что у северокавказских народов бытовала теплая одежда, которая надевалась сверху «*шерстью наружу*». Она завязывалась или застегивалась у шеи, чтобы ее можно было поворачивать в любую сторону от дождя, пыли и ветра [188, с. 215]. Е.Н. Студенецкая в своем исследовании, на наш взгляд, ошиблась в одной детали: «*Покрой бурки менялся. Для XVII – начала XIX в., как мы писали выше, характерна короткая (иногда выше колена) колоколообразная бурка... Этот тип сохранился и в конце XIX в., но бурка постепенно удлинялась. Короткие употребляли пастухи-чабаны, они пасли скот пешком, длинная одежда затрудняла ходьбу. Более длинная бурка была удобна для всадника. Длинные бурки вошли в моду в начале XX века*» [190, с. 82].

Ил. 35. 1. Анди жамчы – бурка с ворсом; 2. Жубу гебенек – мохнатая бурка с капюшоном.

Дело в том, что бурки аланов, изображенные на каменной кяфарской плите в Карачае, в верхней части имеют прямые плечи, к тому же полы длинные. Именно этот фасон бурок характерен для балкарцев, карачаевцев и ногайцев. Наши данные подтверждаются сведениями кар.-балк. эпоса «Нарты», где бурку Ёрузмека сравнивают с парусом *джелтегей джамчысы*. Как известно, парус не бывает «колоколообразным». В кар.-балк. фольклоре из всех видов одежды бурка встречается чаще всего. В походе «нарты спят, завернувшись в бурки», «Акбилек спряталась под буркой Ёрузмека» [99, с. 388–393]. Когда нарт Алауган остановился у эмегенов, двое из них решили убить его, а затем поделить его вещи: «Его конь – твой, а бурка – моя!» [99, с. 412]. Мы видим, насколько ценилась хорошая бурка, если цена ее приравнивалась к аргаману. Более правильно говорить о том, что у народов Северного Кавказа были свои фасоны (критерии моды) бурки. В рисунке из книги А. Олеария «Типы черкесов XVII в.» изображенная накидка даже отдаленно не имеет общих черт с кавказской буркой, скорее всего это кусок выделанной овчины. Что-то подобное изображено на рисунке Стрейса «всадник в короткой косматой накидке, по правде говоря, своей бесформенностью лишь отдаленно напоминающей современную бурку. Более четкие очертания

бурки, хотя также непривычно укороченной, угадываются в изображении одного из черкесов в иллюстрациях книги С. Ромеля» [132, с.105]. На рисунке Г. Гагарина «Натухаевец из Анапы» изображена короткая бурка, колоколообразной формы, в большей степени напоминающая плащ. Только в начале XX в. мода приобрела один общий формат, с подчеркнутым контуром прямых плеч. Е.Н. Студенецкая пишет: «Бурка этого типа повсеместно вытеснила старую колоколообразную бурку. В Чечне и в Дагестане считают, что она пришла из Кабарды, но сами кабардинцы не знают истории ее появления» [190, с. 84]. Л.И. Лавров не без основания считал: «Черкеска, папаха, башлык, низкая войлочная шляпа с большими полями XIX в. не имеют прототипов среди известных фрагментов адыгской одежды XIV–XV вв. Появление их в быту кабардинцев относится к более позднему периоду» [Л.И. Лавров. «Кабардино-адыгейская культура», с. 16]. Это связано, в большей степени, с поздним заселением кабардинцев на нынешнюю территорию их проживания. В середине XVII вв. Э. Челеби пишет, что они проживают в местечке Золка, а в начале XVIII века они заняли равнинную зону КБР, что подтверждает единственный документ о разграничении земель между Балкарией и Кабардой «Холамская каменная плита».

Ил. 36. Семья Суншевых (Кумух, Маштай, Далхат, Нашхо, Магомет. В центре их сестра Сурат), с. Тёбен-эль. Балкария. Фото Н.А. Буша. Нач. XX в. (По кн.: Женщины Кавказа. М., 2008)

На Северном Кавказе наиболее ценились андийские, карачаевские и балкарские бурки. И.М. Шаманов, ссылаясь на источники, приводит следующие аргументы: «Производство и сбыт бурок, как об этом свидетельствуют источники XVIII–XIX вв., были значительными. В конце XIX в. с одних только трех селений Большого Карачая на рынок уходило свыше 16 тыс. бурок. Основными покупателями горских бурок, как и ноговиц (ышымы), являлись горские евреи, имевшие в селениях лавки с «красным товаром». [136, с. 127]. Мы не располагаем данными по Балкарии, их можно определить по соотношению численности населения. Полагаем, что в среднем балкарцы изготавливали на продажу более 10 тыс. бурок. Важно отметить один факт, если нишу по изготовлению оружия и ювелирных изделий на Северном Кавказе традиционно занимали дагестанцы, то производство шерстяных изделий испокон веков принадлежало карачаевцам и балкарцам. Эта положение не изменилось на Кавказе и в XXI веке.

Л.И. Лавров пишет о карачаевских бурках: «Карачаевские бурки были тяжелее и теплее кабардинских» [132, с. 164]. Из полевых материалов известно, что карачаевские бурки, изготавливаемые на продажу, были намного тоньше, это было связано с экономией сырья. Изготовление войлока и изделий из этого материала является традиционным промыслом у тюркских народов, корни которого уходят вглубь веков. Следует обратить внимание, что каб. *алэрыбгъу* 'ковёр' происходит от тюрк. *ала* 'кийиз' + адыг. *бгъу* 'бок'. Изготовление войлока не являлось традиционным занятием у кабардинцев, плетеные циновки заменяли им войлочное покрытие пола. Народные промыслы всегда связаны с этнической историей народа, в этом плане случайностей не бывает. Многими исследователями отмечены практические качества бурки, незаменимые в походных условиях и длительных переходах. Эстетические качества и художественная выразительность форм бурки не главные причины ее популярности и

широкого распространения. Изначально она предназначалась для легкой кавалерии как теплая накидка, не сковывающая движения рук при сабельных сражениях. Всем известно, что меховой тулуп куда теплее бурки, однако в этой форме трудно «махать» шашкой. Поэтому бурка была популярна у военных во все времена, даже в гражданскую войну, пока кавалерия являлась главной ударной силой. В истории развития одежды известны множество примеров, когда одежда военных впоследствии усваивалась мирным населением. К примеру, в тридцатые годы вся страна ходила в галифе и серых кителях, это относится и к послевоенным годам. Но вернемся к основной теме: название этого вида одежды, в отличие от черкески (чекменя) и бешмета (кап-тала), у народов Сев. Кавказа сильно отличаются. Прежде всего это связано с тем, что накидной плащ был известен многим народам с давних времен, а его название синхронно перешло на бурку.

Кар.-балк., ног (диал.), крым.-тат. *джамчи* 'бурка'; *джам* 'волосяной покров животных' [КБРС, с. 222]. Кум. *ямучу*, ног. *ябынчи*, аз. *йапынжи* 'бурка', кирг. *жамынчи* 'покрывало', турк. *япынжа* 'бурка'. В словаре В.В. Радлова встречается с пометкой (Osm) *Јапанча*, *Јапык* 'широкий плащ из войлока, покрытый длинной шерстью против дождя' [СР, 111, с. 261–262]; *Јамчык* 'плащ из грубой шерстяной материи' [СР, 111, с. 311]; *Јапынчы* 'покрывало' (Kgm), *Јапінчі* 'бурка, попона' (Dsch) [СР, 111, с. 263, 265]; *Јапын// Јабын* 'покрываться' (Leb. Kumb. Tob. Kas.) [СР, 111, с. 280]. Слово это перешло в нетюркские языки: перс. *йапанчи*, болг. *ямурлук*, калм. *занч* «бурка». Данное название бурки известно в древнерусском языке *япанча*, встречается оно в «Слове о полку Игореве», является ранним заимствованием с тюркского языка. Близко по значению гаг., тур. *yagmurluk* 'плащ, наиболее древний вид мужской одежды'. В. Мошков указывает, что этот вид одежды надевали в дорогу и в случае непогоды. Слово отмечено и в словаре В.В. Радлова с

пометкой (Tag. Dsch) *Jamgurluk* 'дождевой плащ' [СР, 111, с. 310]. Близко к этому гнезду слов кар.-балк. *джангур*, *жаун-джамгур* 'дождь'. В словаре Фасмера зафиксировано слово *шомурлук* «женская верхняя одежда» [ФЭСРЯ, IV, с. 466]. И.Г. Добродомов предполагает, что оно заимствовано в русский язык из чувашского *сомярляк* «дождевик» [ФЭСРЯ, IV, с. 466]. Еще М. Кашгарский указывал, что некоторые слова тюркского происхождения заимствованы арабами и персами, и по этому поводу дает любопытные пояснения. Например, «клеймо, клеймить» фарсы заимствовали у тюрков; так как у них нет стад баранов, как у тюрков, поэтому у них не могло быть этого (собственного) слова [МК, III, 153; II, 276]. *Jalma* 'плащ, кафтан' фарсы переняли у тюрков, а арабы, переняв у персов, переделали в *Jalmak*. М. Кашгарский об этом пишет: «Я это слово слышал далеко от границы у самых грубых, неграмотных тюрков. У них часто бывают дожди и снег, поэтому им для защиты тела нужен плащ. Поэтому никто не может сказать, что тюрки заимствовали это слово у персов» [МК, III, с. 35]. Фасмер полагал, что слово *бурка* произошло от слова 'бурий' + рус. суффикс *-ка* (ср. *рубашка*, *сорочка* и т.д.). Однако в истории одежды неизвестны случаи образования термина одежды по ее расцветке, как правило, терминология одежды может происходить только от материала ее изготовления или по назначению ее применения. При этом надо учитывать, что бурки изготавливались исключительно двух цветов – черный и белый. На наш взгляд, это слово по семантике непосредственно примыкает к тюрк. глаголу *бур-, бурул-, бурурга* 'вить, сучить, заворачивать, ограждать, укутывать, крутить' (КБРС). Данное слово в этом же значении бытует во многих тюркских языках, что отмечено в словаре В.В. Радлова: *бурка* (OT. Dsch.) 'покрывать', *буркан* 'покрываться'; *бурум* (Osm, Kar.) 'покров'; *бурк* (Osm) 'шапка из мерлушки или войлока'; *буру* (Osm, Kar. Dsch.), 'завернуть, закутать, покрывать' [СР. IV. с. 1887–1890].

*Ил. 37. Семья карачаевца Хаджи Таусултана Крымшамхалова
(По кн.: Женщины Кавказа. М., 2008)*

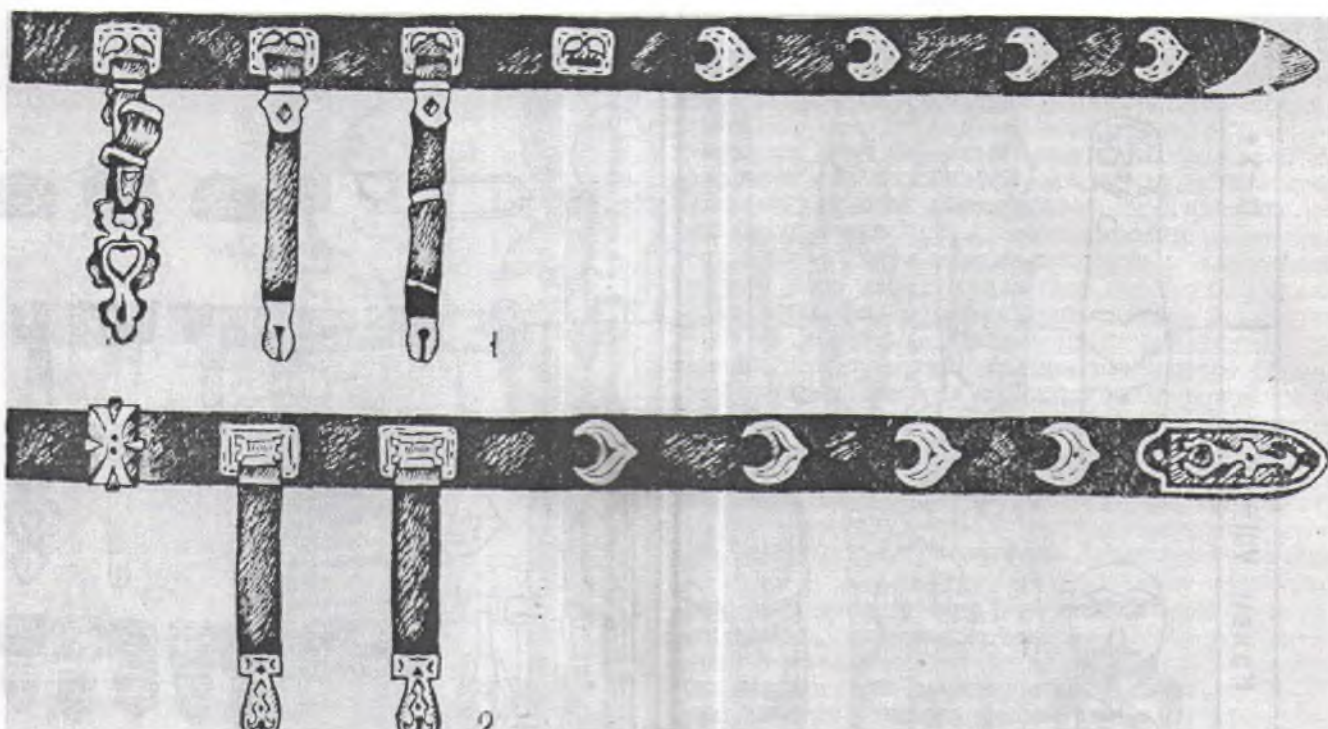

Ил. 38. Шакманов Солтанбек Келеметович. Нач. XX в.

7. Пояс, газыри, кинжал, шашка

Пояс и кинжал, обязательный элемент, входящий в традиционную одежду народов Кавказа. Без пояса мужчине нельзя было выйти на улицу, его не носили только дети или немощные старики. Наборные мужские пояса делались из узкой полоски кожи с небольшой металлической пряжкой, с таким же наконечником, с обоймочкой для протягивания конца ремня. Пояса обычно украшались серебряными пряжками и набором бляшек (ромбовидными, луновидными) с резьбой и чернью; у богатых наборные пояса были с позолотой. Кар.-балк., кум., ног. *белибау* 'пояс, ремень'; *бел* 'поясница, талия; пояс//поясничник'; *бау* 'завязка (лямка, веревка, тесьма, шнур, лямка и т.п.)'. С обеих сторон ремня крепились поясные подвески *мет* // *чубур*, их было всего шесть, по три на каждой стороне. Слово «мет» имеет еще одно значение 'украшение ромбовидной формы из серебра или кожи с галуном (обычно на воротах бурки)'. По мнению Р. Тилова, в древности карачаево-балкарское *мет* имело два значения 1. застежка; 2. ромб. [221, с. 17]. На поясе носили кинжал, нож, кресало, трут, коробочку с жиром для смазывания оружия, оселок, шило и отвертку. Пожилые люди зимой одевали меховые ноговицы *джюн ышымла*, которые доходили до паха, обычно их цепляли крючками за висящие ремешки. А обычные ноговицы подвязывали специальными ремешками на коленях *шым бау*. «Узкие ремешки пояса упоминаются во многих описаниях одежды адыгов и изображены на рисунках. Однако различить детали поясов на имеющихся иллюстрациях XVIII в. – первой половины XIX в. очень трудно» [190, с. 34]. На наш взгляд, трудность несколько надуманна, поскольку на всех изображениях адыгов XVIII в. наборный пояс с подвесками отсутствует. В одном изображении вместо пояса матерчатый кушак, на другом есть пояс, но без подвесок и бляшек. «Судя по изображению адыгов в книге И.А. Гюльденштедта, пояс из ткани оборачивался вокруг талии дважды и спускался спереди двумя концами. Старик и мулла также могли носить пояс из ткани» [190, с. 35]. По мнению Е.Н. Студенецкой, во

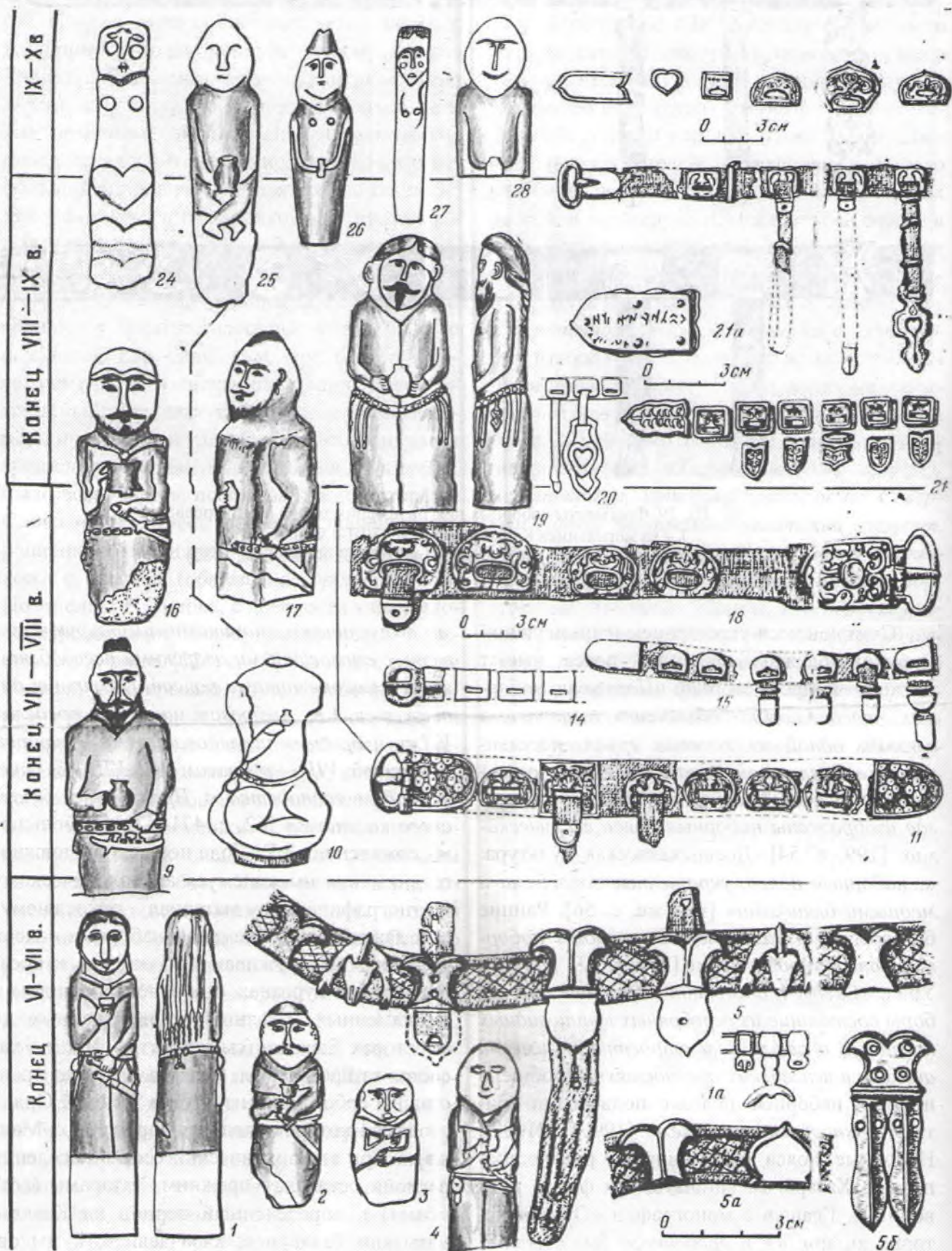
второй половине XIX – начале XX в. были распространены наборные пояса из узкого кожаного ремня. Со своей стороны хотим отметить, во всех трудах относящихся к исследованию одежды народов Кавказа, большинство исследователей не уделили должного внимания истории происхождения наборных поясов. К примеру, З.В. Доде в своей работе в двух местах касается этой темы: «На поясах половецких воинов подвешивались самые разнообразные предметы: кресало, гребни, ножи, конечно, оружие. Однако на скульптурных изображениях половцев не прослеживаются многочисленные бляшки, которые у аланов являлись знаком воинского достоинства» [78, с. 32]. Однако в этой же работе она противоречит себе: «Татаро-монголы являлись медиаторами, которые принесли на Северный Кавказ центрально-азиатский элемент. Они активно распространяли здесь китайские ткани, систему поясного набора, вооружение. Местные народы, и в первую очередь знать воспринимают костюмы кочевников независимо от своей экономической принадлежности. Они носят то, что принято и престижно носить в Золотой Орде. Таким образом, в период господства татаро-монголов костюм развивался не в рамках этноса, а в рамках империи» [78, с. 52].

Ил. 39. Фрагменты наборных поясов древних тюрок и балкарцев:
 1 – из могильника Кара-Чога в Туве (VIII–IX вв. н.э.),
 2 – из с. Верхняя Балкария (конец XIX века) (А.Я. Кузнецова, 1982)

Считающиеся украшением национальной мужской одежды наборные пояса имеют также свою предысторию: «Появление наборных поясов можно объяснить азиатскими связями одной из кочевых групп, поселившихся в Восточной Европе. В V веке селенгийские уйгуры ставили каменные изваяния, где изображены наборные пояса с привесками» [199, с. 54]. Древнехакасская культура: «...наборные пояса, украшенные золотыми и медными бляшками» [там же, с. 56]. Ранние болгары: «...в захоронениях находят наборные пояса с подвесками» [199, с. 77]. Южный Урал: «Следует отметить, что поясные наборы состоящие из серебряных лунцевидных накладок, с петлями и отрогками, имеют аналоги в венгерских древностях». Вообще, в истории наборные пояса с подвесками считаются «тюркским стилем» [199, с. 81–82]. Наборные пояса были широко распространены в Хазарском каганате, эти факты приводит А. Глашев в монографии «Очерки истории хазар»: «У погребенного был богатый поясной набор из золота, две золотые гривны, которые сближаются с гривнами из гуннских погребений IV–V вв. в КБР. Исследователи отмечали сходство бляшек с круглы-

ми выпуклинами, шариками, имитирующими зернь с аналогичными аварскими псевдобляшками и наконечниками поясов. Памятник датируется А.К. Амброзом широко в пределах VII в., а другими исследователями – второй половиной VII – рубежом VII–VIII вв., т.е. периодом господства в Прикубанье Хазарского каганата» [62, с. 471–472]. К большому сожалению, З.В. Доде не уделила должного внимания имеющемуся археологическому и этнографическому материалу, относящемуся к данной теме. Элементы наборных поясов «бляшки» обнаруживают в гуннских и древнетюркских курганах, они отчетливо видны и на каменных изваяниях, обнаруженных на просторах Евразии (см иллюстр.). Что же касается татаро-монгол, Северный Кавказ представлял собой один из улусов Золотой Орды, столицей которого являлся город Кырк Маджара. При этом этнический состав населения региона оставался прежним, татарами (горскими) в определенный период на Кавказе называли балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногойцев и азербайджанцев (других татар здесь не было). В исторических сведениях, как и в народной памяти, о монголах, проживающих на Кавказе, сведения отсутствуют.

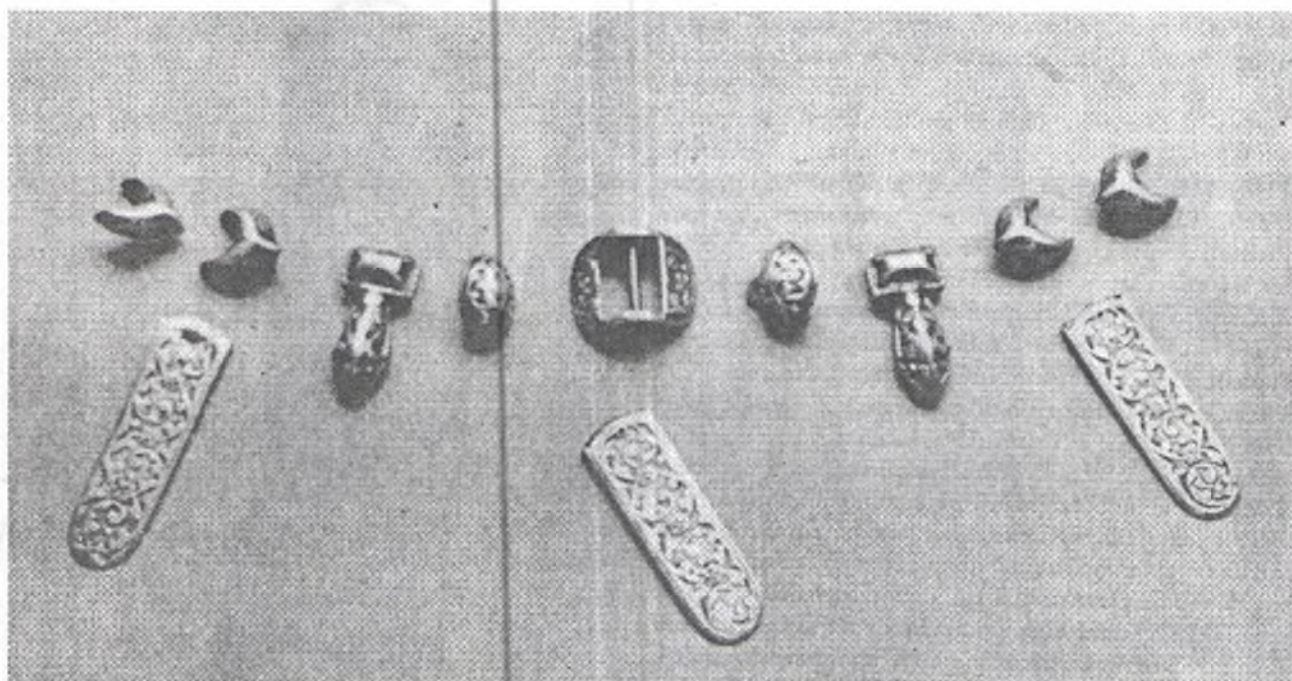
Ил. 40. Каменные изваяния с изображением одежды и наборных поясов древних тюрков VI—X вв. (Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981)

Ил. 41. Древнетюркское изваяние с богатым наборным поясом VIII–IX вв. (Тува)

Ил. 42. Серебряные украшения к наборному поясу. XIX – нач. XX в.

Ил. 43. Детали мужского наборного пояса XIX–XX вв.
Из собрания в с. Верхняя Балкария (А.Я. Кузнецова, 1982)

Элементы национального костюма формируются в результате сложного культурного развития народа. Ансамбль костюма складывается поэтапно из тех элементов, которые наилучшим образом отвечают потребностям и вкусам владельцев. Не всегда можно проследить всю цепь развития того или иного элемента костюма. Но существование аналогий между древними и современными этнографическими формами подчас позволяют установить истоки происхождения последних. Фрагменты поясов древних тюрков, найденных в могильнике Кара-Чога в Туве (VII–IX в.), при сравнении с поясами балкарцев и карачаевцев (XIX в.) не вызывают ни малейших сомнений в идентичности их общего корня.

Особый интерес представляют сведения о наличии наборных поясов у запорожских казаков в пору их проживания на юге Украины. Об этом пишет Д.В. Яворницкий: «Ясное и более или менее точное описание представления о запорожском одеянии дают дошедшие до нас гравюры, иконы, знамена и портреты. Таковы три гравюры в приложениях к сочинению А. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России», где представлен выбор войскового старшины и два изображения запорожских казаков; за-

порожцы одеты здесь в широкие шаровары, длинные каптаны, низкие шапки и косматые бурки. Две иконы, одна в публичном одесском музее древностей, другая – в церкви села Покровского Екатеринославского уезда, где некогда была последняя по времени Запорожская Сича; на первой представлена группа запорожцев, молящихся Богородице и одетых в красные нижние черкески и верхние темно-зеленые с откидными рукавами каптаны, широкие, низко опущенные, красного цвета шаровары, опоясанные разноцветными, с наборами и без наборов, поясами» [92, с. 452]. Нужно сказать, что наборные пояса сохранили уникальные реликтовые элементы, которые восходят к древнейшим временам истории тюркских народов. По представлению тюркских народов, шапка и пояс олицетворяли признаки свободного состояния человека, пояса снимались только в дни траура. В раннем средневековье пояс вооруженного всадника был показателем воинского достоинства: чем больше бляшек, тем больше он совершил подвигов. В современном понятии, это в какой-то степени сближает его с орденой планкой военных. У большинства народов существуют индивидуальные представления, где находится человеческая сила. К примеру, тюрки считали, что она находится в

поясе человека. Этот факт подтверждается многими фольклорными источниками. В кар.-балк. эпосе, когда ослепленный циклоп хочет погубить богатыря Сосрука, предлагает ему обмотать пояс кишкой эмегена. Сосрук угадал злой замысел эмегена и обмотал его кишкой огромный дуб, который тут же был срезан, как соломинка. Следует отметить, что у всех тюркских народов существует только один вид единоборства – борьба на поясах.

Возникновение наборных поясов тесно связано с животноводством. Все необходимые принадлежности прикреплялись на поясе: кресало, шило, нож, оселок и т.д. В период мирного времени эти инструменты были неотделимой частью амуниции пастухов, но они необходимы и в военное время. Аристократия не нуждалась в этих приспособлениях, у них были ординарцы, которые выполняли за них мелкий ремонт амуниции. Офицерский состав носил пояса как показатель воинского достоинства, некоторые элементы просто имитировались (камуфляж). Этот признак характерен и для более позднего времени (XIX–XX в.). Совершенно права Е.Н. Студенецкая: «По мере того, как изменялось оружие и вообще падало его значение, пояс все больше становился украшением. Жирница, отвертка и другие необходимые предметы заменялись их имитацией» [190, с. 95]. Пояса бытуют у многих народов мира, в большинстве случаев их происхождение тесно связано с военным обмундированием, экипировкой воинов. В военное время ременные пояса предназначались в основном для ношения холодного оружия на поясе. В истории они известны с античных времен, поясные бляшки часто обнаруживают при археологических раскопках. Несмотря на свою кажущуюся схожесть, эти пояса строго принадлежат разным культурным сообществам. Отличительной чертой древнетюркских поясов являются наборные бляшки (луницевидные, ромбовидные т.д.) с подвесными ремешками; однотипность поясов, найденных на Алтае и в Южной Сибири, и карачаево-балкарских, кумыкских и ногайских наборных поясов не оставляют сомнений.

Газыри – это наиболее поздний элемент, попавший в комплекс верхней распашной одежды, который появился с широким распространением огнестрельного оружия. Га-

зыри представляли собой небольшие трубчатые емкости, выступавшие готовыми зарядами для ружей. Впоследствии значение их сузилось, они стали декоративным элементом мужского костюма, украшались серебряными и позолоченными колпачками *хазырбаш*, нередко соединенные между собой цепочками. М.Ч. Джуртубаев пишет, что у карачаевцев и балкарцев по количеству газырей, размещенных на одежде, можно было определить, к какому сословию принадлежит ее хозяин. Это подтверждается данными полевых исследований.

Первоначально газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо. Этот способ ношения патронташа ранее был известен у запорожских казаков – черкасов. А.А. Апостолов пишет: «Порох и пули носили конные в лудунке на перевязи, а пешие – в поясе» [92, с. 189]. «Такую газырницу мы видим на рисунке Георгия XVIII в. Но на поясе и без того крепилось немало разных предметов, через плечо на ремнях носили шашку, ружье. Видимо, поэтому газырницы стали нашивать на черкеску по обеим сторонам груди» [78, с. 27].

Слово *газыри* попало в русский язык из языка тюркских народов Кавказа. Кар.-балк., кум., ног. *хазырла/хазырлар* ‘газыри’, происходит от слова *хазыр* ‘готовый, наготове’. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова: *хадыр/хазыр* ‘готовый, готовить; *хазырла* ‘приготовить, исполнить; с пометкой караим. [СР. 11, с. 1762]. Тур. *хазыр* ‘готовый, действующий; *хазырлан* ‘приготовляться, быть готовым; *хазырлык* ‘готовность, приготовление, провизия’. [СР. 11, с. 1770–1771]. Аз. *хазар/хазыр* ‘готовый’ [СР. 11, с. 1791]. Лингвисты считают данное слово арабизмом *thadyr* ‘готовый’, но и в тюркских языках очень много производных лексем образовано от глагола *хазыр*. Например, по В.В. Радлову, Tel., Sag., Belt., Ktsch. *хазыр* ‘быстрый, жестокий; Sag. *хазыр* ‘белеть, делаться серым, сверкать; Uig. *хазыт* ‘быть побежденным’ [11, с. 379–381]. Аз., балк., тур., турк., гаг., караим., кар., кум., крым.-тат., ног., *хазыр* ‘готовый, приготовиться; при этом в этих языках существует множество производных слов, образованных от этой основы. Э.В. Севортян: *гезен/кезен/кезет* 1) ‘прицеливаться’ – -калп., тат., диал. баш.; ‘брать на при-

цел' – к.-калп.; 'взять на изготовку' – кирг.; 'угрожать, выставлять оружие' – баш; 2) наблюдать, вперить взор, всматриваться; иметь намерение сделать ч.-л. – [СР. 11, с. 1172 (кир)] [ЭСТЯ (в, г, д), с. 11]. В данном случае трудно утверждать абсолютную истину, возможно, это заимствование с арабского языка, но может оказаться, как считал Дерфер, тюркизмом в арабском языке. Происхождение данного слова находится в существенном противоречии с изложенной арабской версией. Заимствования с арабского языка у народов Кавказа в основном связаны только с религиозной тематикой, тем более в XVII–XVIII века, в период широкого распространения огнестрельного оружия, арабов на Кавказе просто не было. Основным поставщиком огнестрельного оружия являлась Турция, скорее всего, данное слово заимствовано с турецкого языка. В данном случае предпочтительнее тюркская версия происхождения этого слова. Ср. алтайскую форму *казырык//хазырык* 'скорлупа', *каз//каз//хаз//хыз* в тюрк. яз. от этого корня образовано много слов со значением «посуда, вместилище, мерка». К этому корню восходит кар.-балк. *хызен* '1. торба, мешочек; 2. пакет, кулек'. Очень интересный материал предоставил нам «Мемориал», фотографии участников Первой мировой войны. Любопытно отметить, как карачаевцы и балкарцы использовали газырницы в начале XX века, они вставляли туда патроны от карабина, видимо, это последнее практическое использование газырей.

Кинжал. Кавказское, холодное оружие с коротким клинком. «Археологический материал по всему Кавказу дает кинжал с прямым заточенным с обеих сторон клинком, с прямой рукоятью, заканчивающейся колпачком. И в новое время были распространены главным образом кинжалы и, в меньшей степени, ножи. Они использовались и как холодное оружие, и как предмет домашнего обихода для различных хозяйственных нужд – рубки хвороста и т.п.» [17, с. 8–9]. Автор этих строк глубоко ошибается по поводу применения кинжала вроде *мачете* для «рубки хвороста», этого никогда не было и быть не могло. Во-первых, кинжал вообще не применяли в хозяйственных целях (при разделывании туши и т.п.), для этих нужд каждый горец имел при себе нож (о нем будет сказано

ниже). В свою очередь, нож никогда не применялся как холодное оружие, эти два режущих инструмента имели абсолютно разные области применения. Во-вторых, изначально кинжал предназначен был для ближнего рукопашного боя, с распространением огнестрельного оружия его роль сузилась. В Карачае и Балкарии был известен особый вид кинжала *кара къама* (фолк. *сырпын*), который отличался от известных аналогов своим длинным, массивным и широким клинком, длина ее составляла 75–80 см, ширина 6,5–7 см. Этот вид кинжалов не отличался особой ювелирной отделкой, изготавливали их в основном местные кузнецы. К сожалению, в период депортации балкарцев и карачаевцев все виды холодного оружия были реквизированы, дальнейшая их судьба нам не известна. Имеются несколько экземпляров *кара къама* в частных коллекциях Х. Бачиева и Р. Курданова. Этот тип боевого кинжала является праобразом последующих, утрированных кинжалов. Во второй половине XIX – начале XX в. кинжал являлся основным элементом традиционной одежды народов Кавказа, это как «кортик» на форменной одежде морских офицеров. А при советской власти в начале XX в. вовсе стал бутафорным украшением черкески; делался он с деревянным клинком или без него. На Кавказе, как и в случае с черкеской, распространено два основных термина, обозначающих обоюдоострое оружие *кама* – *хынжал*, которые являются тюркскими лексемами: аз., *гама* 'кинжал'; кар.-балк., крым.-тат., ног. *къама* 'обоюдоострый кинжал'; турк. *кама* 'нож'. Лак. *къама* 'кинжал, сабля, нож', всякое холодное оружие; лезг. *къеме* 'старый тупой нож; дарг. диал. *къямя* 'тупой кинжал'; каб. *къамэ* 'кинжал, булат'; чечен., инг. *гама* 'клинок', *гоьмук гема* 'копье, дротик'; перс. *гама* 'длинный прямой обоюдоострый кинжал. Как известно, орда хана Аспаруха ушла с Северного Кавказа на Дунай в середине VII в., в связи с этим важно отметить, что в болгарском языке сохранилось слово *кама* 'кинжал'. Этот факт отмечен в статье Г.М. Чумбаловой «О тюркских лексических элементах в современном болгарском языке» [207, с. 29]. В словаре В.В. Радлова слово *кама* обозначено с пометкой *Tar., Krm., Osm.* 1) острое орудие, острый конец, клин, гвоздь; 2) острый прямой пер-

сидский кинжал; 3) штифтик для игры в триктрак; 4) часть пушки [т.11, с. 478]; Кар. Л., *камас* 'тупеть о зубах' [там же, с. 481]. Ср. кар.-балк. *къмагъан//къамамагъан* 'тупеть, нетупеющий'. Прозрачность состава данной лексемы делала, видимо, излишней необходимость восстановления более древней формы. Нам представляется интересной этимология К.С. Кадыраджиева, согласно которой основа слова *кама* восходит к скифам.

Слово *акинак* 'короткий кинжал' сохранилось в греческом языке как заимствование из скифского языка. Из археологических изысканий известно, что на вершье этого кинжала было луноподобным. Это обстоятельство позволяет раскрыть этимологию этого термина и сопоставить его с современным киргизским эпическим словом *ойкюма* 'род грозного меча'. Киргизская основа состоит из компонента *ой-ай* 'луна, лунообразный' и термина *кюма* 'кинжал', ср. кирг. лит. вар. *кыума* 'наконечник копья'. Более древнее значение этого термина сохраняется в кум. арх. *къама* 'кинжал'. Сохраняется в кумыкском языке и первый компонент *ай* 'луна', ср. *айболат//ойболат* 'меч', дословно 'луна + сталь', ног. *айбалта* 'секира' и т.д. (это слово представлено и в карачаево-балкарском языке *айбалта* 'секира', – Н.Б.). Таким образом, мы видим, что в тюркских названиях оружия наличие компонента *ай* 'луна, лунный' вполне закономерно. Это отражает общность элементов материальной культуры скифов и тюрков. С учетом сказанного скифское *акинак* расчленяется нами на компоненты *а* – 'луна' + *кинак* 'кинжал' и, видимо, восходит к проформе *айкумак//айкунак//айкинак* [125, с. 46]. Кум. *хынжал* 'кинжал'; аз. *ханждар* 'кинжал'. В казачьих диал. *канжар* 'кинжал' [183, с. 5]. Авар. *хханжар*, дарг. *ханжсал-хинжсал*, лез. *хенжсал*. Н.С. Джидалаев считает этот тюркизм, по формальным признакам дагестанские формы ближе к азербайджанской версии. В кар.-балк. языке *къанжал* 'листовое железо', *къанжал* *къалам* 'стальное перо' (КБРС); каб. *къэнжал* 'железо листовое, жезь' (КабРС).

Шашка. Она не является обязательным элементом одежды, но ее изображение часто попадает на старых гравюрах. Во все времена военное дело и его уровень являлся не

только показателем состояния производительных сил, но и уровнем культурного развития народа. Вооружение и военное дело у тюркских народов находилось не только в соответствии с требованиями того времени, но и намного его опережало. В исследовании А.Н. Кирпичников пишет: «В результате комбинированного воздействия этих и других причин на Руси не позже X в. возникает боеспособная конная сила, снаряженная изделиями, типы которых были преимущественно заимствованы восточными славянами у кочевых и полукочевых народов юга и юго-востока европейской части СССР. В результате прямых контактов с европейскими номадами». В летописных хрониках Руси, в поэме «Слове о полку Игореве» есть упоминание о вооружении половцев и некоторых видах оружия «железные полки половецкие, сабли, шлемы аварские, стрелы золоченные и т.д.». В данное время существует несколько вариантов этимологии термина *шашка*. Адыгские ученые считают, что *шашка* восходит к адыгскому слову «большой нож». В кабардинском языке *шашка* – *сэххуэ*; *сэ* – нож, *ин* – 'большой', *иньше* – 'огромный'. По всей видимости, большой нож должен иметь форму «сеин», а не «сеиньше» – 'огромный нож'. Мы не исключаем этот вариант, но предпочтительнее этимология с тюркского языка *шешке* – вид сабли с меньшим изгибом, без перекрестья, у кумыков, ногайцев и татар. Историкам хорошо известна сабля, это изобретение тюркских народов (Кар.-балк. фолк. *саба* 'сабля'; *саба саут* 'оружие'). Прототипом *шашки* является гуннский прямой меч с узким лезвием и односторонней заточкой. Уже в Хазарском каганате появляются мечи со слабым изгибом, которые и стали прототипом сабли, а затем *шашки* [279]. *Шашка* являлась рубящим оружием легкой кавалерии, конечный продукт эволюции прямого меча и сабли. Корневую основу данного слова обнаруживаем в словаре В.В. Радлова: *шашкы* 'острога, гарпун' с пометкой Schor; *шап* 'прямой меч' пом. Osm; *шапкы* 'серп' Schor; *шашкак* 'клин' Tel. W. [CP, IV, с. 978; с. 981; с. 993]; *шшиш* 'кинжал' Osm [CP, IV, с. 1083]; *шашир* 'сабля, шпага' с пометкой Tar. [PC, IV, с. 1022]; *шашхир* 'шестигранное копьё' Dsch. [CP, IV, с. 1015]. В данном случае стоит посмотреть на корень этого слова в

тюркских языках народов Северного Кавказа: *шабла* 'сабля' полов.; *кеске//кешке* – 'резак, режущий инструмент' общетюрк.; *шаи, шии, шеш* – острая пика. Данное слово образовалось от глагола *шаи* 'колоть~пронзать~кропить' с помет. Kir. Ktsch. Schog. [СР, IV, с. 974]. Кар.-балк. шашка *кълыч*; *суу кълыч* 'коромысло'; ср. кирг. *шаниш+как* 'коромысло' [СР, IV, с. 950]; кирг. *шакны* 'инструмент для выпускания крови' [СР, IV, с. 936]. В киргизском *шаниш* и кар.-балк. *кълыч* означают предмет с изгибом, ср. кар.-балк. *тейри кълыч* 'радуга' или 'сабля бога Тейри'; *сырпын* 'меч'. Н.С. Джидалаев пишет: «лак., лезг. *кълышж* 'сабля, меч'. По формальным признакам совпадает кум. *кълылыч*; аз. *гылындж* 'сабля, меч'» [77, с. 164]; лак. *кълхъан* 'щит'; авар. *хъахъан*; дарг. *кълалхан*; лезг. *кълалхан* 'щит'; чечн., инг., *кхалкан, кълалкан* 'кольчуга, щит'. Также совпадает с кум., кар.-балк., крым.-тат., ног. *кълкъан*; аз. *галхан* 'щит для отражения удара'; дарг., лезг. *жсида* 'штык, копье'; каб. *джсида, джсате* 'топор, меч'. Ср. аз. *джсида* 'пика, копье'; тур., джаг. *джсида* 'дротик'; алт., лебедин., качин., тел. *йыдык* 'копье, пика' [СР, IV, 1:153; III, 1:495]; кар.-балк. *гида* 'чекан, боевой топорик с длинной ручкой'; как мы видим, в кар.-балк. яз. произошел семантический сдвиг в пределах значения. С. Джидалаев приводит ряд заимствований с тюркских языков, относящихся к военной лексике и вооружению, проникшие в языки народов Дагестана: «азият~агъзия, барда, жсида, гъама, ккулла, къин, кърме, къуннагъ, чачма, тия, туп, ттупанг, ттупанча, такъия, ханжсар, чахма, ярагъ, янсав, аскер, аърал, багъадур, байрахъ, басхун, гъайт, ургъан, къачакъуч, кърмишан, чапхун, тугъчи» [77, с. 154–167]. Известный кабардинский просветитель Хан-Гирей сообщает, что «...черкесы делать луков не умеют и достают их из Турции» [233, с.242]. Этот факт подтверждается языковыми заимствованиями тюркских слов, относящихся к военной терминологии. Каб. *сагындак* – 'лук, одноствольное ружье'; кар.-балк., кум., ног., общетюрк. *садакъ, сагындак* 'лук со стрелами и колчаном'.

Каб. *мыжурэ* 'дротик, штык'; кар.-балк. 'межура' дротик; каб. *токъмакъ* 'булава'; Кар.-балк., кум., ног., общетюрк. *токмак* 'булава'; каб. *аркъэн* 'аркан'; кар.-балк., кум.,

ног., общетюрк. *аркан*; каб. *нэшанэ* 'мишень'; Кар.-балк., ног., тат. *лишан//илишан* 'мишень'; каб. *бэракъ* 'знамя'; кар.-балк., кум., ног., каз., баш., тат., *байрак* 'знамя'; каб. *къэрэгъул* 'караул, охрана, стража'; общетюрк. *караул* в том же значении; каб. *сэнджакъ* 'знамя'; тур., турк., крым.-тат. *санджакъ* 'знамя'; каб. *Батыр* 'храбрец, богатырь'; общетюрк. *батыр* 'герой, богатырь'; каб. *къулыкъу* 'служба'; общетюрк. *къулыкъ* 'служба'; каб. *къару* 'сила'; общетюрк. *къару* 'сила, мощь'; каб. *къарууфэ, пелуан* 'силач', оба слова заимствованы с карачаево-балкарского языка; каб. *тон* 'пушка'; общетюрк. *тон* 'пушка'; каб. *къамыш* 'плеть, ногайка'; общетюрк. *камчи, камши* в том же значении; каб. *пашэ* 'атаман' заимствовано с турецкого *паша/баша* 'атаман, главарь, главнокомандующий'; каб. *ченджэц* 'совет'; общетюрк. *кенгеш* 'совет'. К сожалению, рамки данной работы не позволяют нам охватить весь материал касающийся тюркизов в кабардинском языке. Заимствованные тюркизмы, вращаясь в лексической системе кабардинского языка, образуют новые языковые единицы путем «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения. Образование деривационных структур происходит с помощью исконных формальных средств. Причем создание морфологических структур подчинено определенным закономерностям, характерным для кабардинского языка. К примеру тюрк. *къулыкъ* ~ каб. *къулыкъу* 'служба', *къулыкъуниэ* 'неработающий', *къулыкъуцланлэ* 'место службы' *къулыкъуцлэн* 'служить, работать'; это относится к словам *къулай~къулайсыз, толъкъун~толъкъунышхуэ, тэмакъ~тэмакъклецл* и т.д. При освоении иноязычного слова языком-реципиентом часто происходят изменения смыслового объема заимствующих слов: сужение, расширение, переосмысление. Но есть исключение из этого правила, в некоторых случаях усвоенное слово сохраняется в древнем формате. Обычно, устойчивые в речевом обиходе термины способны сохраняться в «закостенелой» форме «беречет берсин, базар болсун». Б.Х. Балкаров отметил каб. *гын* – 'яд, порох, трава, лекарство', лексема заимствована в калькированной форме, в которой не хватает только главного значения «огонь» [31, с. 103]. Ср. Кар.-балк. *от* – огонь, порох, трава, (*ёлор от* 'яд, отрав'). В кабардинском яз. *мафлэ*

‘огонь’, название пороха сконструировано по тюркской модели словообразования, или ср. каб. *кэшиэн* ‘невеста’, *кэшиэ* ‘привозить, привести’ ~ тюрк. *келин/гелин* ‘невеста’, *кельген/гельген* ‘привести’. Любопытный пример приводит Х.Х. Яхтанигов: «По словам Хан-Гирея, адыгам было известно несколько видов доспехов, один назвался *дълан кубе*» [241, с. 7]. Примечательно это слово тем, что данный тюркский термин сохранил фонетические особенности древнеболгарского языка. Ближайшим эквивалентом кабардинскому

дълан является болгарское *дъилан* ‘змея’, замена звонкой аффрикаты *дж* на *д* – известное явление в древнеболгарском языке (ср. адыг. *дакъ* ‘масло’; др.-болг. *дагъ* ‘масло’, при кып. *джау/джагъ*). Как известно, звонкая аффриката была представлена в языке волжских болгар: *джил* ‘год’, *джирум* ‘двадцать’ [39, с. 234], как и в современном карачаево-балкарском языке: кар.-балк., ног., кум., общетюрк. *джилян/илан* ‘змея’, *кубе* ‘доспехи, латы, кольчуга’ – эти слова являются общетюркскими.

Ил. 44. Тюркские изваяния VIII–X вв. из верховьев Кубани (Карачай)

Джилян кубе – это вид кольчато-пластинчатого доспеха тюрков средневековья. Доспехи этого типа действительно напоминали змеиную чешую, и встречаются они в захоронениях кочевников степей Евразии, запечатлены также в китайских, персидских и арабских миниатюрах. Это отмечает Ю.С. Худяков в своей работе «Вооружение центрально-азиатских кочевников». Адыгские народы контактировали с несколькими представителями тюркского этноса, и частые заимствования

иногда сохраняют диалектные особенности тюркских языков, не утратив оригинальных фонетических черт. Например, у башкир сохранилось название этой одежды: «халатообразный кафтан *жилян*, непременно носившийся с поясом» [213, с. 189]. В древности на этот кафтан закрепляли металлические пластины, пристегивая их конским волосом. У некоторых тюркских народов Поволжья и Южной Сибири в женском наряде присутствует *кёбулдург/кёмулдург/кубулдург* ‘нагруд-

ник' [РС. 11, с. 1322]. Эти нагрудники с нашитыми бляхами и монетами закрывали всю грудь [213, с. 179]. Как известно, многие виды мужской одежды были заимствованы женщинами, это продолжается и в наше время. К примеру, кар.-балк. *кюбетюн/кюбетун* '1. кафтанчик (типа корсажа), 2. бюстгалтер, 3. душегрейка, 4. подкольчужник', довольно редкий случай, когда наименование женской одежды имеет связь с военной экипировкой. К сожалению, Х. Яхтанигов заблуждается, считая слово *кубе* 'кубачинским'. Во-первых, многие представители тюркского этноса и представления не имеют о кубачинцах, во-вторых, в адыгских языках данное слово должно было иметь форму *губешаф*, а не «*кобешаф*», в-третьих, как быть с кар.-балк., ног., кирг., каз. и остальными тюркскими народами, у которых *кубе/кюбе* 'латы, доспехи, кольчуга'

[СР. 11, с. 1338]. Данное слово встречается в кум. *кюбе*, тат. *кёбе*, ног. *кюбе*, кирг. *кюбё* 'панцирь, непроницаемый для стрел халат'. В том же значении он упоминается в древнетюркских источниках (МК, ТАС, СС, САХ). Кстати, само название населенного пункта *Кубачи* – тюркское и означает 'кольчужники, латники'; ср. *сандыкь* 'сундук', но обитый железом кар.-балк., кум. ног., караим. *кюбюр/кюбур/губур*. Слово *кубе* часто упоминается в карачаево-балкарском эпосе, важно отметить, в фольклоре сохранились упоминания о том, что на лошадей одевали специальные защитные доспехи: «*Кузнец Дебет для (коня) Генжетай выковал броню (кубе), Пустив стрелу, испытал ее. Испытал (броню), ударив коня мечом. Но мечь и стрела ее не взяли*» [99, с. 304].

Ил. 45. Бой римлян с сарматами. Изображение на колонне Траяна. Сарматы одеты в чешуйчатую кольчугу «*джилян кюбе*» («змеинная кольчуга»)

Большой интерес вызывает название боевого шлема. Кар.-балк., кум. *такья* 'боевой шлем' (КБРС, КРС); лак. *тIакья* 1) 'шлем'; 2) 'металлический колпак в форме тюбетейки с прикрепленной железной сеткой (из колец) для защиты затылка и шеи'; надевался обычно под шлем. Ав. *такья* 'шлем'; дарг. *тяхья* 'шлем'; каб. *таг/таж* 'шлем'.

В уйгурском языке *такья* сузила семантику значения 'тюбетейка, шапка' (подшлемник); турк., каз. *тахья/тартакья* 'тюбетейка' [217, с. 123–120]. Крым.-тат. *такийя* 'нижняя шапочка-тюбетейка' [215, с. 270]. У башкир, чувашей, татар и у удмуртов *тухья* – обозначает 'старинный головной убор замужней женщины' [213, с. 166].

Гебох 'длинное, массивное копьё'. Древний вид оружия с литым наконечником, который встречается в карачаево-балкарском эпосе в цикле Рачикау: «*Он въехал во двор, слез с лошади и вошел в кунацкую, где двое слуг сняли с него стрелу и повесили на железный гвоздь. Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился, и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох в землю и повесил на него стрелу*» [99, с. 515]. Данное тюркское слово – огузизм в карачаево-балкарском языке, о чем говорит начальное *г/к*, где *геб/кеб* 'шаблон, форма' – общетюрк.; *ок/ук/ох* 'стрела, пуля', кар.-балк., каз., ног., тат.; *окъ топ* 'вооружение' [КБРС, с. 493–494]. Этот вид оружия известен и другим народам Кавказа: «осет. *джебог* 'штык'; бесл. *гъэбэгъу*; убых. *керагъ* 'копье'; чечн. *getog, giebiag* 'копье'» [31, с. 33]. Как мы видим, исследование языкового материала выявляет наличие значительного слоя тюркской лексики в предметах, связанных с вооружением, у народов Северного Кавказа. В то же время, в карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках не обнаруживаются инородные слова, имеющие отношение к данной тематике. Между тем, до сих пор наблюдается недооценка в изучении этой темы, когда существует прямая связь между оружием ее терминологией и формой заимствования. Более основательное изучение этого вопроса представляет большой интерес, и является очень важным источником, свидетельствующим о тесных культурно-экономических связях в древности.

Бичак. Карачаево-балкарский традиционный нож, который не считался холодным оружием, но его носили поголовно все взрослые мужчины, причем даже старики и молодежь. Обычно его носили на поясе с правой стороны, под черкесской. Эксклюзивность этого ножа заключается в его простоте и удобст-

ве, ножны изготовлялись таким способом, что практически нож не мог выпасть из ножен. Эстетическому оформлению мало уделяли внимания, но сама форма создавалась в течение многих веков. Уникальный инструмент для разделывания туши и внутренностей животного. Вообще, нож – один из редких инструментов, который неизменно сопровождал человека с древнейших времен и до наших дней. При этом, не потеряв своей первичной значимости. Что характерно, национальный нож одной формы лезвия, роговой ручки, способа крепления клинка, а также ножен, известен только у тюркских народов Северного Кавказа. По своей конструкции он близок к ножам киргизов, казахов и якутов, но клинки их ножей чуть длиннее. Старые экземпляры есть в коллекции северо-кавказской экспедиции ГРМ (1932 г.), которые они приобрели в Балкарии. Экспонат 5519–23 а-в, «*Бичак – ножик односторонний (кар.-балк. яз.) с роговой ручкой, медным креплением клинка с ручкой. Состоит из оструганной чинаровой палочки по размеру ножа, вложенный в узкий замшевый мешочек из замшевой кожи, с продольным швом. Тесемкой привешивается к поясу. Варьирует по величине клинка. Такой нож служит и для еды, для убоя скотины, для бритья, резьбы деревянной посуды. Ножны делаются из телячьей шкуры; куется нож местными кузницами. Размеры: длина ножа – 16,5 см, лезвие – 7,5 см*». Важно отметить, остатки ножей, найденных в курганных и катакомбных захоронениях Зарагигжского некрополя в Балкарии под руководством Б.Х. Атабиева, по форме клинков и способу крепления их к рукояти и технике исполнения совпадают с карачаево-балкарским ножом [280]. Любопытно отметить, что и в наше время в каждой карачаево-балкарской семье имеется традиционный нож «бичак», и только им режут скотину (см иллюстр. в конце).

8. Кожа, войлок

Кожа. Как мы ранее отмечали, наиболее древним материалом для изготовления одежды являлась кожа, все остальные материалы (ткани, войлок и т.д.) изобретены по ходу эволюционного процесса. Кожевенное дело относится к числу древнейших ремесел, ко-

торое не потеряло своего значения и в наше время. Балкарцы, карачаевцы, кумыки и ногайцы с давних пор занимались обработкой кожи. Из нее шили верхнюю одежду и обувь. «Все работы по выделке шкур, овчин, шедших на одежду и кожаные мешки, и мелкие

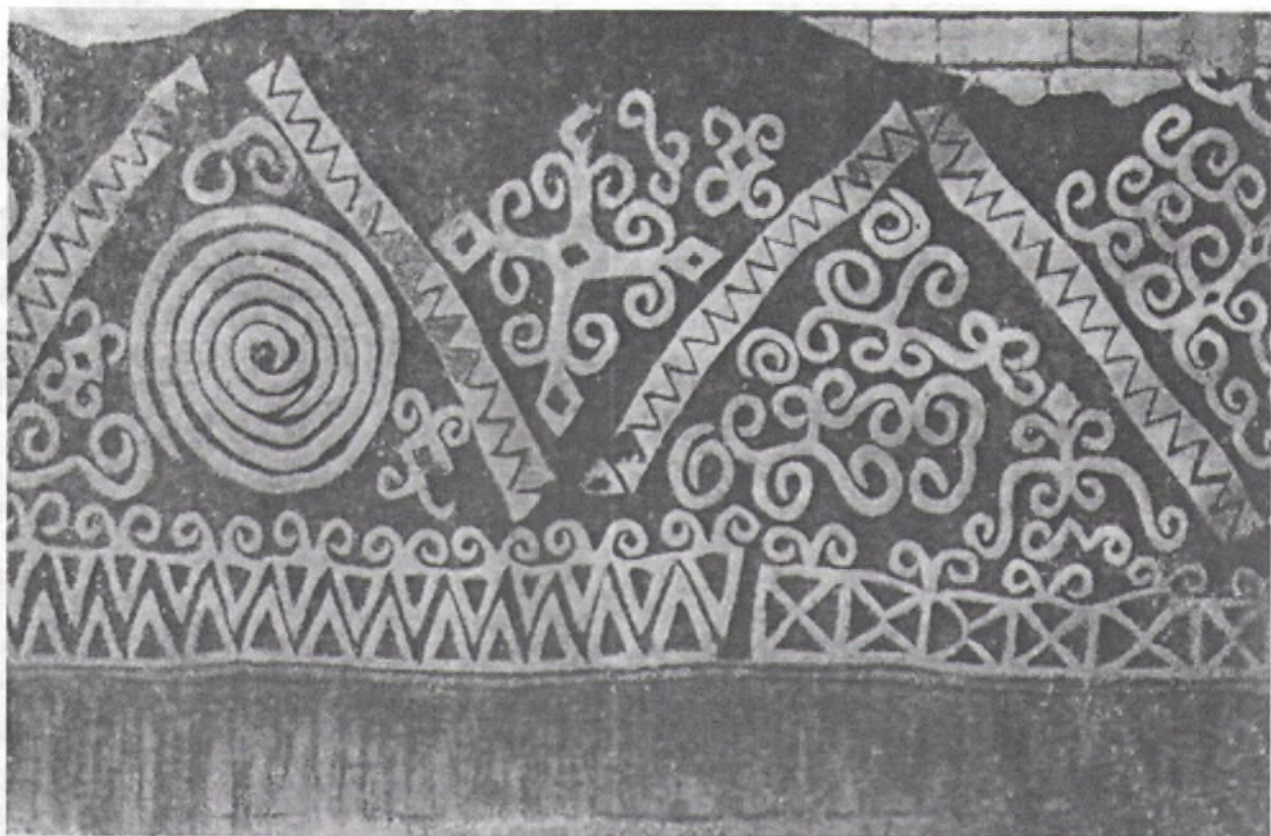
сосуды выполнялись руками женщин. Мужчины были заняты обработкой сыромятной кожи и скорняжным делом, изготовлением конского снаряжения, горской кожаной обуви» [136, с. 123]. Изготовлением сафьяна (*сахтиян*) традиционно на Северном Кавказе занимались горские евреи, которые в большом количестве скупали шкуры в Карачае и Балкарии. В тюркских языках бытует несколько слов для обозначения выделанной кожи: *кон/гон, кашш, сахтиян/сагри, болгар*.

В.Я. Тепцов в начале XIX в. писал: «В боках гребня вырыто несколько пещер; в одной из них копошились люди: они добывали *кёкташ* – камень, из которого готовится ими порошок для чернения козых кож – сафьяна. Промыслом этим занимаются исключительно балкарцы, обитающие в долине Черека; они же поставляют сафьян и во все горские общества». В другом месте отмечает: «Добрая половина всех горских татар одевается в балкарские сукна и обувается в балкарский сафьян. Затем балкарцы выделывают овчины и шьют шубы, которые развозят по горским аулам. Занимаются балкарцы и выделкой золотых, серебряных и медных украшений» [219, с. 74, 113].

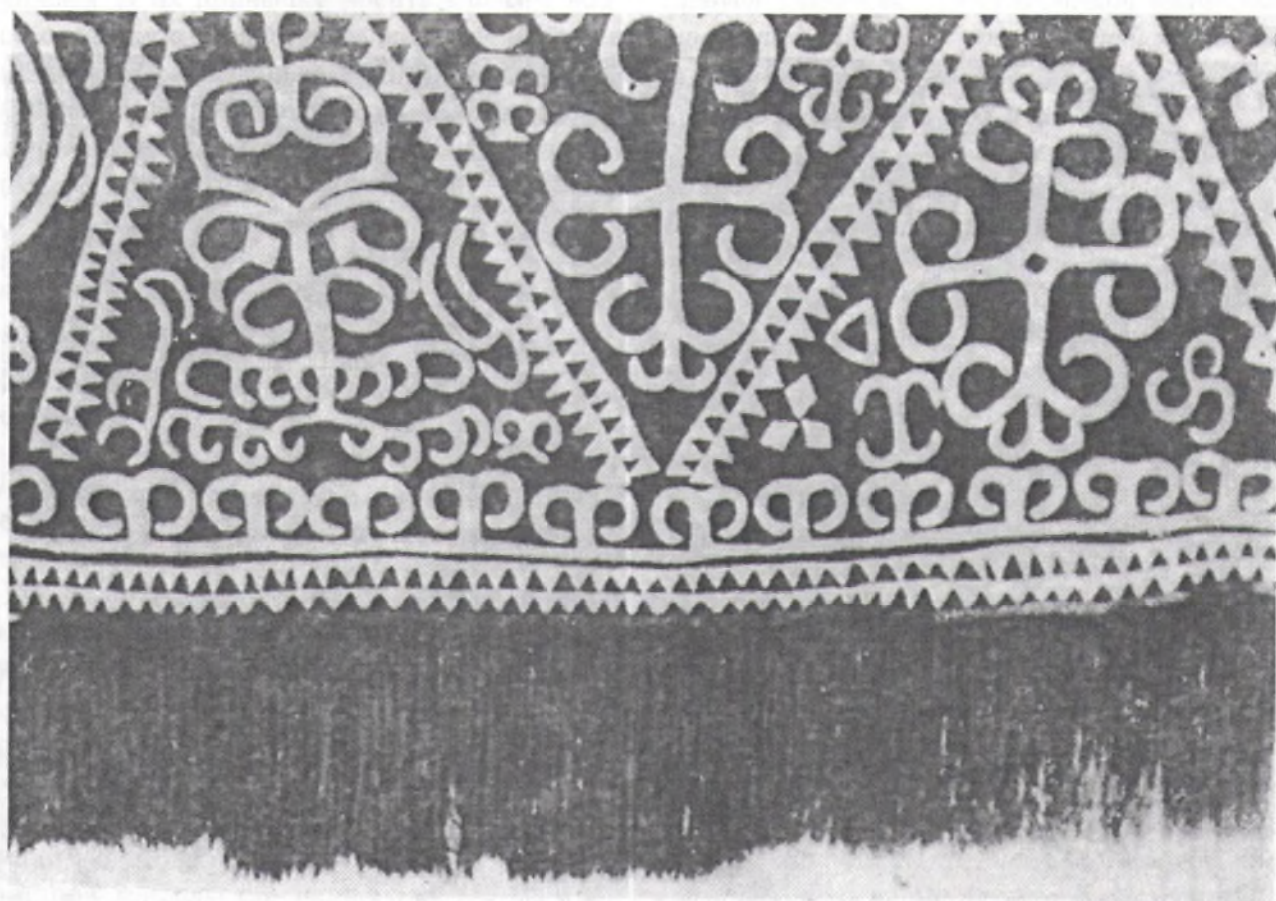
Кар.-балк., кум., ног. *тери* ‘шкура животного’, данное слово *teri // deri* является общетюркской лексемой и функционирует почти во всех языках. Любопытно отметить близость латинского слова *dermo* ‘кожа’ к тюркской форме *deri*. Трудно предположить, что оно является заимствованием из латыни, поскольку тюркские народы Южной Сибири вообще не имели контактов с Римом и Грецией. Да и возможно ли, чтобы скотоводческий народ основной продукт своей хозяйственной деятельности заимствовал у земледельцев.

Войлок. Наличие богатой сырьевой базы у балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев способствовало развитию ремесленного производства: обработки и выделки кож, ткачества и изготовление войлока и т.д. Выделкой сукна, войлока и обработкой шерсти на Северном Кавказе была занята женская часть населения (как и пошивом одежды). Еще в древние времена, согласно данным археологов, на Северном Кавказе изготавливались шерстяные ткани разного качества. «Из шерстяной ткани шились различные одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фабу-

лами и застежками, из шерсти шились женские головные уборы, вязались чулки, даже широкие пояса и пуговицы, и, наконец, делались всякие хозяйственные сумы и сумки (*хурджины*). Собственно, не считая кожи, шерсть и шерстяная ткань являлись основным материалом, идущим на изготовление одежды и, по-видимому, даже легкой обуви у местных племен Северного Кавказа того времени. О том, что изготовление шерстяных тканей было в то время самым распространенным домашним делом женской половины каждой большой семьи, каждого рода, можно судить по многочисленным находкам глиняных пряслиц» [128, с. 329]. Традиционное производство войлока уходит корнями в древнетюркский пласт. С древнейших времен войлочными изделиями (кийизами) устилали полы и кровати, покрывали стены, укрывали арбы. Ср. кум. *арбабаш* ‘орнаментированный войлочный ковер’, восходит к далекому прошлому ‘верх арбы’; кар.-балк. *ала кийиз* ‘войлочный ковер-занавес’. «Совпадения стиля, отдельных орнаментальных комплексов, техники и материала, а также терминов (*джора, кёз, кач, кийиз, кьочхар мюйюз, тамгъа оюу, ала терек, кьылыч* и др.) подтверждают наличие очень тесных связей не только с казахами, киргизами, каракалпаками, но и с башкирами, и тюркскими народами Южной Сибири» [120, с. 95]. Наиболее устойчивым этномаркирующим признаком народа является орнамент, который надолго сохраняет входящие в него мотивы. Тем удивительней идентичное сходство орнамента на пазырыкских (скифских) волочных коврах с Алтая с орнаментом карачаево-балкарских кизов. Эту общность орнаментальных и эстетических мотивов можно объяснить не только сходством техники производства, сколько особенностями этнокультурной истории Северного Кавказа и евразийских степей, которую, как считает А.Я. Кузнецова «*немыслимо рассматривать в отрыве от степного тюркского мира*» [120, с. 62]. Эти заимствованные орнаментальные этюды легко рассмотреть в народном творчестве народов Северного Кавказа. Важной продукцией войлочного производства выступали следующие виды одежды: *бурка, гебенек, габара, уйукъ, кьалпакъ*. Кроме того, из войлока в большом количестве на продажу изготавливались молитвенные коврики – *намазлыкъ*.

Ил. 46. Войлочный ковер-занавес, с. Верхний Чегем, балкарцы, нач. XX в. (А.Я. Кузнецова, 1982)

Ил. 47. Войлочный ковер-занавес, с. Верхний Чегем, балкарцы, нач. XX в. (А.Я. Кузнецова, 1982)

Ил. 48. Войлочный ковер-занавес, с. Карт-Джурт, карачаевцы, конец XIX в. (А.Я. Кузнецова, 1982)

Ил. 49. Войлочный ковер-занавес, с. Гунделен, балкарцы, нач. XX в. (А.Я. Кузнецова, 1982)

9. Обувь

Одним из элементов костюма народов Кавказа являются ноговицы. *«Нечто вроде гамаш, надеваемых поверх брюк. Они плотно обхватывают ногу, начинаясь от подъема и заканчиваясь выше колена (часто закругленным выступом) и доходя до бедра. Закреплялись ноговицы под ступней штрипками. Ноговицы обтягивали ногу поверх брюк, не давая последним болтаться. Они утепляли ногу и вообще играли роль голенищ высоких сапог. По материалу можно выделить ноговицы из ткани – дотоканого сукна, из войлока, из кожи»* [190, с. 96]. Карачаевцы и балкарцы изготавливали ноговицы из кожи, войлока и выделанной овчины, суконные ноговицы они не изготавливали. Ноговицы из войлока и овчины носили в сочетании с *гебенек* и *габарой*. В некоторых ущельях меховые ноговицы носили и ворсом наружу. Их делали высокими, почти до бедра, для лучшей защиты от снега и дождя. В этой комплектации одежды (*гебенек* + ноговицы) человек был полностью защищен от холода. Жителей Баксанского ущелья за их привычку носить *ышымы* ворсом наружу в карачаево-балкарском народе в шутку прозвали «волосатонogie баксанцы» – *тюкаякь бахсанчыла*. Как отмечает Е.Н. Студенечкая: *«Чаще всего ноговицы (из войлока и овчины) носили карачаевцы и балкарцы»*, но они были известны и кабардинцам. Кожаные и матерчатые ноговицы носили все народы Северного Кавказа.

Кар.-балк., ног. *ышымы/ысымы* ‘ноговицы’. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова *шым* ‘шаровары’ с пометкой (OT. Sart.) [СР, IV, с. 1091]. В словаре М. Кашгарского *jisim* ‘носки’ [МК, III, с. 27], в «Тюрко-арабском словаре XIII в.» *isijm* ‘штаны, нижнее белье’, в СС *ysut* ‘род панталон’. В киргизском и узбекском языках *шым* (*шим*) означает «штаны». Предметы одежды издавна возникали из отдельных элементов. Так, в древние времена рукава первоначально играли самостоятельную роль. Брюки надевались на каждую ногу отдельно и не сшивались. И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева полагают, что это одно из самых древних тюркских названий штанов [«Казахская национальная одежда», с. 41]. У карачаевцев, балкарцев и ногайцев этим словом называют ноговицы, напоми-

нающие отдельные штанины, которые бывают двух типов: длинные выше колена и короткие ниже колена. Любопытно отметить, что *«только у гуцулов женщины издавна носят подобие штанов, вернее ноговиц – две отдельные штанины «доколінниці», прикрепляемые завязками»* [213, с. 76].

Для закрепления ноговиц под коленом существовали подвязки из ремня, с пряжкой и наконечником *ышым бау*, высокие ноговицы иногда прикрепляли ремешками к поясу. Наколенные ремешки известны в традиционной одежде тюркских народов с давних пор, мы уже о них упоминали. Гораздо сложнее обстоит дело с термином *ышымы*, который трудно с чем-либо сравнить, это и не ботфорты, и не гетры, но и не носки, во всяком случае и ноговицы тоже не подходят. В русском языке трудно подобрать эквивалентное соответствие. З.В. Доде считает, что ноговицы берут свое начало от штанов-чулков: *«Аланы носили чулки на подвязках, крепившихся к поясу. Этот способ крепления чулок, вероятно, следует связывать с восточно-кочевнической традицией. На уже упоминавшейся китайской статуэтке азиатского воина эпохи Тан из собрания музея в Торонто можно видеть подобный способ крепления сапог к поясу с помощью пряжек и ремней (см. [Mahler, 1959]). Позднее точно так же закрепляли сапоги половцы, о чем свидетельствуют их каменные изваяния. В аланском костюме штаны-чулки не зафиксированы, но традиция использования такого элемента в мужском костюме ираноязычных народов прослеживается в более раннее время. Верхние штаны-чулки, пристегивавшиеся к поясу под рубахой, входили в костюм саргатиев – северо-западного иранского народа. В Пазырыкских курганах С.И. Руденко обнаружил очень длинные войлочные чулки, верхний край которых украшен художественной аппликацией из цветного войлока. Античные источники указывают на существование у скифов подобных штанов: несшитых, представляющих собой длинные ноговицы, прикреплявшиеся к поясу завязками. Высокие чулки, крепившиеся к поясу, отмечены и в костюме саков-тикрахауда»* [78, с. 89]. На наш взгляд, может оказаться, что от двух отдельных штанин берет свое начало

общеизвестные штаны. Это в некоторой степени подтверждается среднеазиатским названием древних штанов *шым//шим*. А у карачаевцев, балкарцев и ногайцев *ышым* 'высокие ноговицы' – сохранились как архаический элемент древнейшей одежды. Кавказская обувь очень разнообразна по покрою и функциям, но вся она шилась из кожи. Есть виды обуви, которые типичны для всех народов Кавказа, но существуют типы, которые присутствуют только некоторым народам (*чабыры*, *валенки (уюки)*, *катыки* и т.д.). При этом мужская и женская обувь у народов Северного Кавказа практически не различалась, женская обувь разве что украшалась вышивкой. К примеру, наиболее простой вид обуви, скроенный из одного куска кожи с ремешками, известный у кабардинцев, адыгейцев, осетин, чеченцев, грузин, в то же время не известен был у балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев. Однако карачаево-балкарские *чабыры//цабыры*, вид обуви из сыромятной кожи с плетеной подошвой, был широко распространен у других народов: терск. казак. «*цабуры*», сван. *чебер*, осет. *dzabur*, дарг. *dabri*. О.В. Маргграф об этой обуви писал: «Пререплет из ремня, заменяющий у горного поршня подошву, служит в горах хорошую службу, так как каждый ремешок цепляется за малейший выступ, причем нога не скользит на кручах» [139, с. 171]. Благодаря этой обуви 1829 г. проводник экспедиции генерала Эммануэля карачаевец Киллар (Хыйса) Хачиров, впервые покорил вершину Эльбруса. Вот что писал известный альпинист, журналист Е. Симонов: «Сквозь дымку люди, наблюдавшие за восхождением, увидели, как темная точка показалась на краях вершины и вскоре двинулась обратно. Генерал приказал бить в барабаны и салютовать. Эхо орудейных залпов покатило по ущелью. Через несколько часов победитель Эльбруса спустился в лагерь. Он заломил баранью шапку над обожженным лицом и поддержал старенький бешмет.

– Как звать? – спросил генерал, поморщившись от мысли, что победителем оказался кавказец.

– Киллар, – коротко ответил балкарец.

Он получил обещанный подарок и начал разуваться, окруженный казаками и своими земляками. Казаки с удивлением глядели на

обувь смельчака. Его грубые чуваки были набиты соломой, и только вместо стелек лежали кусочки кошмы» [«Школа мужества». Альпинист СССР. ОТУ ВЦСПС. № 9. 2 сентября. 1938 г.]. В данном случае требуется небольшой комментарий, карачаевцы и балкарцы – один народ, и внутреннего разделения между ними не существует. К примеру, карачаево-балкарские эмигранты, живущие в Турции, Сирии этих различий не имеют.

Чабыры/цабыры/цабуры – вид обуви, очень удобный для ходьбы в горах. Надо учитывать, что карачаевцы и балкарцы являются самыми высокогорными жителями Европы. Этим обстоятельством объясняются все их достижения в альпинизме и в горных видах спорта. Поэтому их обувь была наиболее приспособлена к высокогорью, о чем писал Давидович: «Но обувь их вполне целесообразна. Она состоит из штиблетов или поршиней из мягкой кожи с подошвой, сплетенной из мягкого ремня. Чулок или портянки заменяются альпийской травой; из нее же сделана стелька. Другими словами, эта обувь надевается на босую ногу, но зато нога, обутая таким образом, приобретает необыкновенную цепкость и устойчивость и не скользит даже на гладком льде. В руках у каждого у из них длинная палка с железным наконечником – муджура» [152, с. 96]. Подобные снегоступы с плетеной подошвой из ворсистой телячьей кожи, ворсом внутрь использовались балкарскими проводниками и в 30-е годы XX века. На крутых ледяных склонах обязательно надевали железные кошки. Эта обувь *чабыр* носилась на босой ноге, стелькой служила специальная трава *гелеу*. Технология изготовления этого вида сыромятной обуви и сегодня еще не забыта в Балкарии и Карачае. Во избежание попадания снега в обувь, на ноги одевали высокие меховые гетры *ышымла*, изготовленные из выделанной козьей кожи. Эта обувь являлась наиболее удобной, и была повседневной обувью чабанов, охотников и проводников. Что характерно, именно она упоминается в карачаево-балкарском эпосе: «*Нарт Сосрук из железных листов чабыры сделал, надевал*» [99, с. 366]. Это единственный вид обуви, который не носили женщины. Р.А. Юналиева пишет, что «*шобур* 'вид одежды' ~ 'одежда вообще' (калуж. гов.); *чоботы* 'вид обуви' ~

‘любая обувь’ (том. гов.) [СТ, № 2/84. с. 18]. Исследователи восточнославянской лексики возводят термин *чѣбот* к чув. *сапата*, тат. *чабата*, баш. *сабата*, каз., к.-калп. *шабата* – ‘лапоть, вид крестьянской обуви’. На наш взгляд, данное слово попало в кар.-балк. словосочетание *хабыр-чубур/хабур-чубур* (диал. *хабыр-чубур*) ‘барахло, хлам, скарб’. Сюда же примыкают лак. *аьпур-чупур* ‘хлам, утиль’; дарг. *аьпурчупур* (орфогр. *хланур-чупур*); ав. *хлану-чупур* ‘свалка’; кум. *гьанур-чупур* ‘хлам’; аз. *ханур-чупур* ‘хлам, барахло’, каб. *хьэбырышыбыр* ‘тряпье, барахло’. Ср. др.-тюрк. *чубур-чебир* ‘ненужные вещи, барахло, мусор’ (ДТС).

На Северном Кавказе наиболее распространенной обувью являлись *чарыки*. Это вид мягкой, без пришивной подошвы, с завязками у шиколотки обуви. Носились вместе с ноговицами. А.А. Миллер считает, что эта древняя обувь, судя по археологическим данным, некогда была распространена на всем Кавказе. Он ссылается на изображение человека на глиняном сосуде, найденном им у Кызыл-Ванка в 1925 г. (датируется Миллером VIII в. до н.э.). Человек одет в мягкую обувь с завязкой у подъема и ноговицей. «В настоящее время, – пишет Е.Н. Студенецкая – количество археологических материалов, подтверждающих мнение А.А. Миллера, значительно увеличилось» [190, с. 101].

Кум. *чарыкъ* ‘грубая обувь из сыромятной кожи’ (КРС); кар.-балк. *чарыкъ* ‘чувяк, тапочки; *чарыкъ-чурук* ‘обувь’; *гѣнчарыкъ* ‘чувяки из выделанной кожи (*гѣн* ‘выделанная крашенная кожа крупного рогатого скота’); *къумукъ чарыкъла* ‘мужская обувь на твердой подошве’ (КБРС); кирг. *шарык* ‘плохая обувь, кожаные лапти’ [СР, IV, с. 953]. Аз. *чарыг*, *гончарыг* ‘крестьянская обувь, лапти’ (АзРС); алт. *чарык* ‘чувяки’; гаг. *чарик* ‘наиболее старинный вид мужской обуви гагаузов’ [104, с. 91]. Кум. *гон чаруг*; ног. *шаруг*; караим. *чарык* ‘обувь, сшитая из одного куска кожи, с острыми носками, прошитая тонкими кожаными ремешками, которые затягивались, а свободные концы обматывались вокруг голени’ [215, с. 99]. Ав. *чарух* ‘чарыки, обувь из невыделанной кожи’; каб. *гончарук* ‘чарыки из выделанной кожи’; осет. *гонсарик* ‘крестьянская обувь’; калм. *чарг*; талыш. *чарух* ‘обувь из сыромятной кожи’.

Кар.-балк., *къумукъ чарыкъ* ‘обувь, имевшая вид туфель, которую носили с ноговицами’, судя по термину, эта обувь была заимствована у кумыков. Е.Н. Студенецкая отмечает: «Если сопоставить обувь подобного типа, принадлежащую чеченцам и карачаевцам и хранящуюся в ГМЭ, то она поражает своим сходством» [190, с. 107]. Об этой обуви пишет В. Бурнашов: «*Чарык – обувь, опостолы, сделанные из лошадиной кожи, употребляемые бедными татарами в Крыму* [28, с. 332]. Данное слово встречается в кар.-балк. эпосе: «*Карашауай сам пошел, ударил каблуком сапога (чурука)*» [99, с. 159, 447].

Азербайджанский лингвист К. Каракашлы пишет, что «*чарых – это обычная кавказская обувь крестьян, которую носили как мужчины и женщины, так и дети*». Мы считаем более предпочтительными аргументы Г. Каранфил. По нашему мнению, *чарык* вернее считать не кавказской обувью, а тюркской, так как она встречается как в древнетюркских памятниках: сагуг «чарыки, род обуви» [ДТС, 141], так и среди других «некавказских» тюрков. А «кавказской обувью» она стала благодаря тюркским народам, проживающим на Кавказе. Интересно, что в словаре М. Кашгарского вместе со значением обуви *чарык* означает и название одного из тюркских племен [МК, 1, с. 381]. В словаре В.В. Радлова *чарык/чарук* имеет три значения: 1) грубая обувь крестьян, 2) куски кожи, которыми обматывают ноги, 3) осм *тамазь* [СР, II, 1863]. Слово бытует во всех тюркских языках: тур., кирг., узб., тат., турк. *чарик*, баш. *sarik*, каз. *шарик*, уйгур. *чорук* «чарыки, постолы» [ТЛС, 116–117]. В древнетюркском словаре данное слово *sargi* обозначает еще «сафьяновую кожу» [МК, 1, 163]. Следует обратить внимание на кирг. слово *чарыт* ‘ковать лошадей’ [СР, 111, с. 1863]; Кар.-балк. *чурук* ‘сапоги’; адыг., каб. *шырыку // цырыку* ‘сапоги’; осет. *цырыхь/цурухх* в том же значении. По мнению В.И. Абаева *суриг* произошло от тюркского *чарук* [2, с. 326]. С этой этимологией согласен и М.А. Хабичев. Данное слово заимствовано русским языком в форме *чарки* «обычная сибирская обувь», *чарыки // чары* «сапоги с низкими голенищами из мягкой кожи [ФЭСРЯ, IV, 377]. Лак. *чакмачи* ‘сапожник’, главным образом ‘мастер по сапогам’. В лакском отдельно представле-

ны чакма 'сапог' (< аз. чакма 'сапог, ботинок' – отглагольное существительное от чекмек 'чертить, тянуть' и т.д.). Аз. чакмачи 'сапожник' и продуктивный словообразовательный суф. -чи (АзРС). В карачаево-балкарском языке значение слова сузилось: чакмак 'грязный, неопрятный человек', ср. рус. сапожник или лапотъ. В данном случае наблюдается определенная закономерность в формировании данной модели: оценочное осмысление приобретает название термина, вышедшего из практического употребления, с негативной оценкой.

Кар.-балк. башмакъ 'башмак, обувь с кожаной твердой подошвой' (КБРС); кум. башмакъ 'туфли без задников на каблуке' (КРС); аз. башмаг 'восточные туфли без задников' (АзРС); гаг. башмак, башмеки 'обувь'. В этом же значении слово представлено во многих языках народов Северного Кавказа и Азии. Тур., тат., баш., ног., уйгур. башмак; чуваш. пушмак. Встречается это слово в словаре В.В. Радлова, тур., каз. и др. башмак 'обувь, сандалия, башмак' [IV, 2:156]; словаре М. Кашгарского basak с пометкой чигилдже и basmak с пометкой Огуз. и Кыпч. [МК.1, 466]. По мнению Л. Будагова и М. Шанского этимология данного слова исходит от значения «годовалый теленок» лексико-семантическим путем [ШЭСРЯ, с. 63]. Д.С. Сатаров пишет, что значение «вид обуви» у слова башмак является первичным в тюркских языках..., а годовалый теленок мог получить такое название, потому что к этому времени у него вырастают, крепнут копыта» [104, с. 63] Следует отметить, что в древнетюркских письменных памятниках слово basmak имеет только одно значение – «обувь». Древнетюркский basmak с XVI века фиксируется в письменных памятниках древнерусского языка, «однако, вполне возможно, что тюркское слово проникло в русский язык намного раньше и тогда более вероятным источником заимствования становится половецкий язык» [ЭСТЯ, 11, с. 94]. Слово башмак глубоко вошло в лексико-семантическую систему русского языка и употребляется в значении «ботинок» или «полуботинок». Слово заимствовано и румынским языком basmakii 'домашние туфли' [МРС, с. 75]. Ав., лезг., дарг. башмакъ; лак. пашмакъ. Чечн., инг. пашмакxаш//башмак 'домашняя обувь

без задников'; осет. басмахъ; адыг., каб. башмак//бэшмакъ 'кожаная обувь с твердой подошвой без задников'. Как мы видим, слово башмак (как и сам предмет) был заимствован многими народами Северного Кавказа. Кар.-балк. мес, месле 'короткий кожаный чулок, ичиги; сафьяновые ноговицы'; кум. мячий 'чувяки'; аз. мес 'обувь'. Крым.-тат. мес, караим. мест 'мягкие сафьяновые сапожки, поверх которых одевались катыры' [215, с. 273, 96–97]. Аз. мешин 'мягкая кожа, юфть'; кум. мешим 'выделанная кожа, сафьян, юфть'. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова в нескольких значениях: мес (Кіг.) 'торсук из целой бараньей или козьей шкуры'; маса (Кіг., Таг.) 'татарские ичиниги с мягкими подметками'; мест (Осм.) 'сапоги носимые с галошами'; мест (Каг.) 'женские сапоги'; местан (Таг.) 'обувь' [СР. IV, с. 2107–2110]. В гагаузском языке mesin 'выделанная кожа//овчинные кожаные брюки' [ГРМС, с. 131]. Данное слово заимствовано многими народами Северного Кавказа. Лак. мяхси 'женская легкая кожаная обувь'; ав. масгью 'легкая сафьяновая обувь'; лезг. мясерар 'мягкие кавказские сапоги'; каб.-черк. мест 'мягкие кожаные чувяки'. Сюда же можно отнести чечн., инг. мача, мачеш 'общее название обуви'; махъсиеш 'женские мягкие сафьяновые сапоги'; арм. masxer 'сапожки из мягкой кожи, без подошв'. В кабардинском языке къатыр 'сапоги', данное слово заимствовано из крымско-татарского языка. Этот вид обуви был распространен у караимов, татар и крымчаков. «Уличные туфли, в которые надевались сапожки «мест» в Крыму назывались «катыр» (в пер. с тур. «трескучие»). Это была глубокая обувь из желтой кожи на плотной подошве» [215, с. 97, 273]. Слово встречается во многих тюркских языках в значении крепкий//прочный, затвердеть, жесткий; в этих значениях это слово отмечено в словаре В. Радлова. В кумыкском языке оно перешло в название 'калош' къаты калош. У адыгейцев встречался еще один вид обуви, по мнению Е.Н. Студенецкой «заимствованный из Крыма или Турции», которую называли папыш. Её надевали поверх кожаных носков, а иногда и сафьяновых мягких туфель. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова: папуч//папуш (Осм. Каг) 'туфли, башмаки' [СР, IV,

с. 1209–1210]. В гагаузском языке *пануч* означает ‘комнатные туфли, шлепанцы’ [ГРМС, с. 361]. В форме *паныш* ‘легкая домашняя обувь или обувь вообще’ слово отмечено в толковом словаре азербайджанского языка [104, с. 101]. Войлочная обувь в зимнее время употреблялась почти всеми народами. Материалом для изготовления этой обуви служил войлок, обычно их шили в виде сапог. Нижнюю часть обшивали кожей, иногда пришивали к ней подошву. У карачаевцев и балкарцев были в ходу и валенки *уюкъ*, у кабардинцев и осетин мы не обнаружили этот вид обуви. Во всяком случае, в их словарях данное слово отсутствует, есть заимствованное из русского языка слово *валенкэ*. Слово *цjug* исконно тюркское, оно встречается в ранних письменных источниках: *цjug* ‘нечто, подобное портянкам, наматывающееся на ичиги’ [МК 1, 425], ДТС *цjug* ‘войлочный чулок’, каз. *цjug* ‘носки’, ног. *цjug* ‘чулок’. Характерно, что валенки в других современных тюркских языках имеют иные названия: кирг. *kijiz otuk*, каз. *pima*, кум. *kijiz etik* и т.д. В словаре В.В. Радлова *цjug* выражает оба значения «чулок» и «валенок» [1, с. 1633]. Специальной женской обувью была деревянная обувь, известная в русской литературе как ходули. У всех народов Северного Кавказа названия их переводятся как «деревянная обувь». Кар.-балк., кум., ног. *агъач аякъ* ‘деревянная нога’; караим. *налых* ‘деревянные ходульки’; крым.-тат. *налын* ‘женские подставки-ходули, для ходьбы по улице в грязную погоду’ [215, с. 96, 273]. В словаре В. Радлова: *нал//налын* ‘толстая подошва, подкова, деревянный башмак’ с пометкой Ком. Кгм. Кас. Osm. [СР, 111, с. 651–652]. Эта обувь бытовала у адыгейцев и кабардинцев *пхъэ вакэ* ‘деревянная обувь’. Любопытный факт, в XVII–XVIII веке

эта мода была в Италии, особенно в Венеции, где их носили женщины легкого поведения. По мнению Р.Т. Хатуева и И.М. Шаманова, этот вид обуви был заимствован от крымско-татарской знати. «Они являлись отличительным признаком женщин княжеского сословия» [136, с. 328].

Чиндай – ‘вязанные шерстяные носки’, есть мнение, что данное слово заимствовано из грузинского языка – *чинда* ‘носок’ [64, с. 121]. Данное слово бытует и в осетинском языке в виде *чунда* ‘носок’. Считается, что русское слово *чулок* заимствовано из тюркского языка: «...представлено в письменных памятниках как апеллатив с середины XVI века. В основу русского слова *чулок* легла болгарская форма (без конечного гласного) типа чуваш. *чалха* ‘чулок’ при тат. *чолгау* ‘портянки, онучи’, кирг. *чулгоо* ‘портянка’, причем современная форма чулок возникла в результате обратного словообразования из воспринятой как двойственное число формы чулка (ср. марийск. *чулка*, заимствованное из того же чувашского источника, а не из русского, как считает А.А. Сваткова). В польском *czolka* ‘онучи’ сохранилось древнерусское слово без перемен, зато в формах *cula*, *czula* произошла «десуффиксация». Старобелорусские памятники знают слово *чулок* с 1585 года» [205, с. 35–36]. В отношении обуви Е.Н. Студенецкая пишет: «Среди названий обуви значительное количество терминов тюркского происхождения, вошедших в разные языки народов Северного Кавказа» [190, с. 274]. Вывод Е.Н. Студенецкой не вызывает сомнения, мы лишь добавим, что все перечисленные выше термины обуви бытуют во многих тюркских языках и в нынешнее время, что выявляет источник их заимствования.

10. Веретено, швейные инструменты

Отметим, что при существовании натурального хозяйства кустарные изделия изготавливались как для личного потребления, так и на продажу. Важнейшим звеном процесса ткачества является тонкая и длинная нить, равномерная по толщине. Как ранее мы отметили, веретено стало одним из величайших открытий неолитической эпохи. Техника

подготовки рунной шерсти для нитей была аналогичной, как и для изготовления бурок и кошм. Предварительно отсортированную и очищенную шерсть промывали, перебирали на отдельные клочки *устукку*, расчесывали на гребне-чесалке *джюн таракъ*, затем трепали и пушили на приспособлении в форме лука *садакъ*. В зависимости от качества шер-

сти выделялось несколько сортов. «Для изготовления нитей для тонкого сукна (белья, платков) предпочитали шерсть, снятую с годичной овцы. При выделке сукна высокого качества использовали нити из шерсти осенней стрижки. Для прядения шерсть вытягивали в ровницы *билезик*, и сворачивали в клубки *билезик кьыбба/кьыппа*. Пряли на ручном веретене *урчук* с пряслицей *урчукь баш*, которое было неотъемлемой принадлежностью горянки. Она носила с собой веретено даже в дорогу, чтобы не терять времени даром; пряла стоя, сидя, даже на ходу» [Карач., с. 114]. Ценный материал по этой теме содержится в работе В.Я. Тепцова «По истокам Кубани и Черка», где автор описывает изготовление шерстяной нити в Балкарии: «В балкарском ауле совсем не то. На крышах здесь стоят женщины с веретенами в руках: они перекликаются с соседками, не оставляя ни на минуту своей работы. Женщина-балкарка никогда не расстаётся со своим веретеном: оно у нее если не в руках, то за широким серебряным поясом... При спуске в долину на плоскогорье встретились нам еще две пожилые уже женщины и одна девушка. На них яркие праздничные костюмы. Медленно поднимаются они в гору по крутой тропинке и, весело болтая, ни на минуту не выпускают из рук веретена» [219, с. 108–109]. Этимология кар.-балк. слова *урчук* восходит к общетюрк. глаголу *бур-* ‘крутить, закручивать, заворачивать’, уменьшительный аффикс *-чук// -чик// -чык*. (ср. *бунчук*, *балтачук*); каз. *ур*, *ор* ‘плести, [РС. I, с. 1825]. Форма *урчук* образовалась при утери анлаутной фонемы «б» *бурчук*. В этимологическом словаре Э.В. Севортяна: *учук/исиг* кирг., алт., (тел., алт., шор., саг., ккир.); *учух* хак.; *ужук* тув., леб.; *уык* тат. диал.; *ушык* каз.; в большинстве языков ‘нитки, нитка, конец нитки, струна’ [ЭСТЯ, с. 615]. Данное слово является заимствованием в чеченском языке «*урчакх*» (*урчукь*) – ‘веретено’ [15, с. 61]. Н.С. Джидалаев считает лакское *зукка* – ‘веретено, прясть нитки’ тюркизмом. «Это слово не имеет этимологии на лакской почве и не имеет соответствий в родственных языках. На его тюркское происхождение указывают: др.-тюрк. *Jik- Jig-ig* ‘веретено’ [МК; ДТС], узб., уйгур. *джиг* – *жиг* – *жик* (УРС); представлено в персидском: *дук* (очевидно, из тюркского). В ряду

тюркских звукосоответствий *й : дж : ч : т : с(с) : з...* [Егоров: 158–161] эквивалентом лакского звонкого *з* является *ж*, который, по свидетельству М. Кашгарского, был представлен у некоторых суваров и болгар [Егоров: 160]. Интересно, что в одном из дагестанских языков – удинском – это слово представлено с анлаутным *ж*: *жук* ‘веретено’; оно, видимо, заимствовано из одного из болгарских диалектов [77, с. 24]. К этому же этимологическому гнезду восходит лак. *ккурдьанну* ‘делать нитки на веретене’, который является также полукалькой тюркской глагольной формы; ср., например, тур. *курдьан+макъ* ‘соединять, связывать’ [СР. II, 1: 916–918]. Впоследствии именная часть *ккурдьан* в лакском обособилась и стала обозначать: 1) процесс делания ниток на веретене, 2) шерстяные нитки [77, с. 150]. В кабардинском языке *Иудане топ* ‘моток ниток’, гибридное слово каб. *Иудане* ‘нитки’, общетюрк. *топ* ‘моток, клубок’. Слово *зука//зуку* в балкарском языке сохранилось в словосочетании *зуку чибин* ‘назойливая, вертящаяся вокруг муха’, как мы видим, в данном случае произошел семантический сдвиг в значении. Следует обратить внимание, что в лакский язык слово попало из «зокающего» тюркского диалекта, что характерно для балкарского говора Черекского ущелья.

Пошив одежды тесно связан с необходимыми для этого инструментами. В первую очередь это иголка, ножницы, наперсток и шило. Надо учитывать, что одежда шилась только вручную, в домашних условиях. Названия этих предметов в кар.-балк., кум., ног. языках имеют общетюркские основы. Наблюдаются небольшие частные расхождения, например, Н.К. Дмитриев и Ф.Г. Исхаков пишут: «Мы иногда неожиданно встречаемся с такими словами, которые обычно употребляются в наиболее далеких от него языках. Например, ножницы почти во всех тюркских языках называются словом ‘*кайчи*’, в соответствующих для того или иного языка фактических вариантах этого слова. В турецком языке ножницы называются «*макас*», в карачаево-балкарском «*кыпты*». И вдруг мы встречаем «*кыпты*» в хакасском, «*кыпты*» в шорском и «*кыптый*» в якутском. Какая может быть общность между карачаевским и этими сибирскими языками, непонятно» [87,

с. 22]. Большой лингвистический интерес представляет название иголки «ийне». Л.Г. Тимошина приводит следующие сопоставления: «Широкие соответствия имеют некоторые слова, относимые К. Боуда к тюркским заимствованиям. Кот. *in*. кет. *ien* 'игла' К. Боуда возводит к тюрк. *i:na*, *ijne*, *igne* [Боуда, 76], но они близки по форме к словам с этим же значением в языках непосредственных соседей енисейцев, например: алт. *и:не*, *ине*, тув. *ине*, як, *ине*, тат. *инэ* [Севоротян, 368], хак. *ине* [Рассадин, 74]. Енисейские формы находят широкие параллели в других языках. Ср. финск. *aite* 'штопольная игла'; тунг. *itga inite*; эвен. *инме*, *илме*, *илмэ*; уд. *инмэ*; нанай. *хурмэ* [Севоротян, 368–369]. В некоторых дагестанских языках встречается близкая форма со значением «шило»: хвар. *эму*, беж. *эмо*, цез. *иму*, ав. *гиебу*, анд. *гьему*» [208, с. 22]. По морфологическим признакам к этому гнезду близко рус. *игла* ~ тюрк. *igne*. Карачаево-

балкарское, кумыкское *оймак* 'наперсток'; ср. в.-мар. *ojmak* 'наперсток'; тат. *ijtag*, кирг. *ojtog*. Следует отметить, что у многих народов Северного Кавказа слово *утиог* заимствовано из тюркского языка. Чечн., инг. *иту//итив* 'утиог'; осет. *иту* 'утиог'; каб. *ету* 'утиог'; ср. кар.-балк., кум., ног. *иту* 'утиог'. В этимологическом словаре Э.В. Севоротяна отмечено «*утиог* – турк., тур., аз., гаг., ктат., кум., ДТС; железное орудие, которым опалют ворсинки материи, чтобы ее разгладить – Brockelmann. Существительное *Yt* является производным, образованным с помощью аффикса *-ы* от глагола *Yt* – 'опалить' и проч., к значениям которого можно еще присоединить турецкое диалектное 'утожить', 'гладить'. Г. Рамstedт сравнивал кор. *iti* – 'быть горячим', 'опаливать', с тюрк. *utu* – 'опаливать', 'обжигать', тюрк. *utug* 'утиог'» [ЭСТЯ, с. 641]. В.В. Радлов ошибочно считал *utug* заимствованием из русского языка [СР. I, с. 1865].

11. Ткачество

В карачаево-балкарских, кумыкских и ногайских аулах ткацкий станок стоял в каждом доме в специально отведенном для него помещении. Ткачество являлось сугубо женской профессией, девочки уже с 10 лет учились искусству ткачества и вязания. Кар.-балк., кум., ног. *чепкен агач//чепкен агъачлар* 'ткацкий станок'; *чепкен таракъ* 'деталь ткацкого станка' [КБРС, КРС]. В карачаево-балкарском эпосе считается, что мудрая Сатанай, жена Ёрюзмека, научила женщин страны нартов кроить и шить: «Не было дня, чтобы Сатанай не научила (жителей) страны Нартов чему-нибудь новому. Так, однажды, (говорят), Сатанай сделала ткацкий станок, (а также) веретено, шерстобитный лучок, чесалку и научила нартских женщин (обрабатывать шерсть)» [99, с. 347]. По мнению И. Маттиса, ткачество было не одинаково распространено на Кавказе: «По-видимому, адыги почти не использовали ткацкие станки до начала XIX в., не потому, что они с этим ремеслом не были знакомы или эта технология была непосильна для них в освоении, а вследствие других причин – ввиду сложившихся хозяйственных традиций, отсутствия острой экономической не-

обходимости в ткачестве, ориентацией князей и дворянства на совершенно иные занятия и др.» [143, с. 80]. Основным видом хозяйственной деятельности у тюркских народов Северного Кавказа было животноводство. Следует отметить, что в отличие от кар.-балк. и ног., у кумыков было сильно развито земледелие и садоводство. «У кумыков в рассматриваемый период производились также хлопчатобумажные и шелковые ткани. Эти ткани, несмотря на хорошее качество первичного сырья, были невысокого качества. Видимо, существовавшая тогда примитивная техника изготовления ткани не позволяла делать материи более высокого качества. Неслучайно кумыкская знать предпочитала привозные шелковые и хлопчатобумажные ткани» [4, с. 26]. Как отмечает О.В. Марграф: «В кумыкской плоскости, шелководством занимаются до половины населения, получая 3–5 фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне ежегодно производят шелку около 830 пудов, а на Кумыкской плоскости – 875 пудов. Главный сбыт здесь на местных рынках Хасавюрта и Грозного» [139, с. 86]. В сложении форм национальной одежды решающую роль всегда играл материал, сырье,

из которого она изготавливалась. У тюркских народов Северного Кавказа ведущей отраслью экономики являлось животноводство, которое в системе жизнеобеспечения с древнейших времен являлась ключевым звеном. Отгонная (яйлажная) система животноводства наилучшим образом была приспособлена к условиям местного климата, это связано с тремя природными зонами: горной (альпийской), предгорной и равнинной. О развитии в прошлом скотоводстве убедительно свидетельствуют археологические материалы средневековых городищ, где обнаруживают предметы хозяйственного быта – ножницы для стрижки овец, удила, псални, стремена, предметы сбруи, фрагменты одежды из шерстяных тканей местного производства.

Животноводство во все времена было более прибыльным способом производства. Неслучайно у многих земледельческих народов «скот» обозначает также и «деньги». К примеру, у древних римлян *pecunia* 'деньги', происходит от *pecus* 'скот', русское *товар* от тюркского *тувар//туар* 'скотина'. Как известно, с древнейших времен у тюркских народов деньги и скот – равнозначные понятия, им платили за труд, уплачивали штрафы, брачный выкуп «калым», цену крови. Обладание скотом всегда было основным мерилем богатства и престижа. Следует отметить, что мясомолочная пища являлась традиционной для тюркских народов. С продуктами животноводства были связаны все сферы хозяйственно-бытового уклада: жилье, одежда, посуда, доспехи и т.д. В дореволюционный период в развитии животноводства Балкария и Карачай опережали практически все регионы нагорной части Кавказа. И.М. Шаманов пишет: «Штабс-капитан Забудский (1851 г.) констатировал, что у карачаевцев скотоводство «составляет все их богатство» и, судя по его данным, накануне крестьянской реформы в Карачае в среднем на один двор приходилось 79 голов скота. К началу XX в., по данным т.н. Абрамовской аграрной комиссии, Карачай занимал первое место на Кавказе по количеству скота на душу населения (по 127 голов на двор)» [136, с. 92]. В рассматриваемый период Кумыкия являлась житницей Дагестана, снабжавшей горные районы пшеницей, ячменем и другими сельскохозяйственными продуктами. Кумыки

выращивали немалое количество хлопка. Особенно много хлопка собиралось во владении Аксаевском и в шамхальстве Тарковском, где он рос в «великом множестве». И. Гербер писал о шамхальских кумыках, что они «сеют хлопчатой бумаги, которая здесь наилучше растет». Интересная запись, сделанная Петром I в «Походном журнале»: «Пришли ночевать в урочище старого Буйнака, тут же дорогою видели бумагу хлопчатую, как растет». В России не выращивался хлопок, и, по-видимому, кумыкский хлопок заинтересовал Петра I. По словам Д.И. Тихонова, выращиванием хлопка занимались и кайтагские кумыки. С. Броневский писал, что жители Эндирея «нарочито разводят хлопчатую бумагу». Кумыки выращивали хлопок не только для своих нужд, но и в больших количествах продавали в Тарки, Астрахань а иногда и в Москву» [4, с. 18]. Следует отметить, что хлопчатобумажную ткань на Северном Кавказе кроме кумыков никто не изготавливал, поэтому название этих тканей в языках народов данного региона являются заимствованными с тюркского языка. Карачаевцы, балкарцы и ногайцы имели тесные этнокультурные и экономические связи с кумыками на протяжении всей своей истории. Из полёвых материалов известно, что для удовлетворения внутреннего рынка хлопчатобумажные ткани в основном завозились с Кумыкии и Закавказья.

Овцеводство являлось основной отраслью сельского хозяйства у кар.-балк., кум., ног. Карачай получил известность своим племенным скотоводством, который отражает многовековой опыт народной селекции. Овцы карачаевской породы широко известны были за пределами Кавказа. Э. Челеби в своем путешествии отметил, что у балкарцев и карачаевцев было сильно развито овцеводство: «В июле чабаны народа Тауистана выходят на пастбища у подножья этой горы Барс (Эльбрус, – Н.Б.) пасти свои сотысячные стада баранов. Эта местность относится к Султану Тауистана. Нынешних господ того селения, в которое мы пришли, зовут Кючукбий Шакман и Джсауханбий Шакман. Тауилистан является таким же большим государством, как Дагестан [216, с. 202]. Отмечая, что у карачаевцев «...главное богатство состоит в крупнорогатом скоте»,

Ил. 1. Тасмалы окъаберж - шапочка
(вышивка тесьмой)

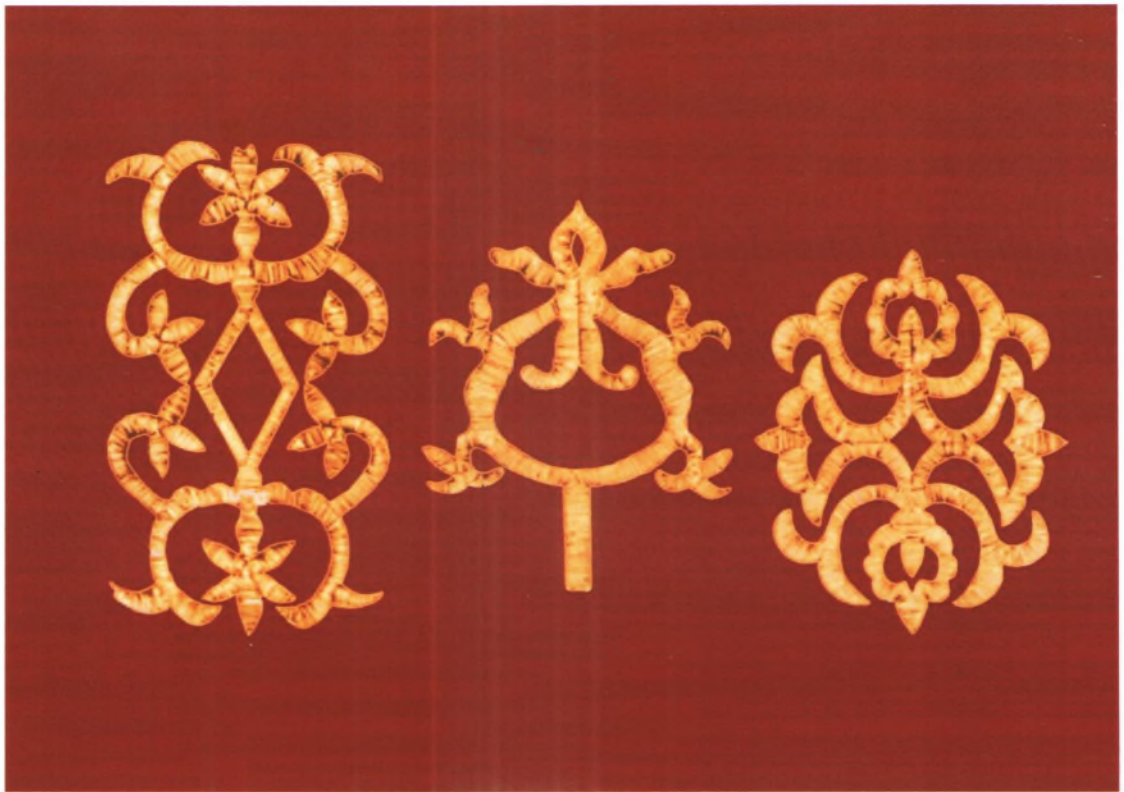
Ил. 2. Къолчапракълъжыйрыкъ платьє с
нарукавниками растительного мотива

Ил. 3. Типы золотых узоров на платьє

Ил. 4. Золоченые узоры на нарукавниках
женского платьє

Ил. 5. Типы золотых узоров на женской одежде

Ил. 6. "Агъач Аякъ" – обувь знатной карачаевской женщины: дерево, серебро, кожа, галун. XIX в. Из фондов РЭМ (Калашникова Н.М., 2010)

Ил. 7. Платье с золотым шитьем

Ил. 8. Мюйюзлю ёшонлюк – пояс с изображением рогов тура

Ил. 9. Жыйрыкъ – платье вышитое золотом

Ил. 10. Жыйрыкъ – платье вышитое золотом

Ил. 11. Серебряные застёжки в виде птиц с кинжалами

Ил. 12. Окъаберк – шапочка
(вышивка тесьмой)

Ил. 13. Окъаберк – шапочка
(вышивка тесьмой)

Ил. 14. Украшение углов платья
из серебра и золота

Ил. 15. Платье с серебряным поясом

Ил. 16. Платье с серебряным поясом

Ил. 17. Тип нагрудника – туюме

Ил. 18. Тип нагрудника – туюме

Ил. 19. Тип нагрудника – туюме

Ил. 20. Реконструкция костюма
Гуннской женщины V в.
(Чехия, Моравия)

Ил. 21. Графическая реконструкция
нижнего халата знатной золотоордынской
женщины XIII в. (Астрахань).
По материалам ГИМ

Ил. 22. Нижний парчовый халат
знатной золотоордынской женщины XIII в.
(Астрахань) после реставрации.
По материалам ГИМ

Ил. 23. Графическая реконструкция
орнамента ткани нижнего халата
знатной золотоордынской женщины XIII в.
(Астрахань). По материалам ГИМ

Ил. 24. Нагрудник под платье

Ил. 25. Праздничный женский головной убор (юрт) с золотым шитьем

Ил. 26. Снаряжение печенежского воина XI в.
Реконструкция О.Федорова

Ил. 27. Сымарлау – платье, расшитое галунами

Ил. 28. Шынжырлы айыл – пряжка к женскому поясу

Ил. 29. Узун илгик – нагрудник с длинными петлями

Ил. 30. Асилташлыешюнлюк – нагрудник с драгоценными камнями и гоккальёшонлюк – узорный нагрудник

Ил. 31. Женский серебряный пояс

Ил. 32. Серебряное украшение края рукава

князь И.В. Шаховский (1834 г.) добавляет: «...и баранах хорошей доброты». Данная порода, как отмечалось дорезолюционными авторами, была широко известна в тот период времени. «*Карачай может соперничать даже с известным островом Уайта, славящимся своими барашками, мясо которых составляет гордость королевского стола Англии*» (В. Потто). Шерсть овцы данной породы была черного, серого и бурого цветов. Она получила «похвальный отзыв» на Лондонской выставке (1852 г.), а сама порода на I-м Всероссийском съезде по овцеводству была «признана улучшающей для других местных пород (1912 г.)» [136, с. 93–94]. Приведем статистические данные 1899 г. «*Карачаевцы и балкарцы – 43748 лошадей, 184224 голов крупно рогатого скота, 739811 овец, 6834 ослов. Сравнивая скотоводство горских обществ с таковым в других округах Терской области, видим, что горцы имели больше крупного рогатого скота, чем Грозненский округ в 1,7 раза, Владикавказский – 3,4 раза, Хасавюртский – 1,8 раза и Кабардинский – 1,3 раза; относительно овец – соответственно в 8,3 раза, 6,6 раза, 3,3 раза и 3,5 раза*» [Н. Будаев. Коневодство на Северном Кавказе. 2006. с. 56]. Если в среднем считать настриг шерсти с одной овцы 2 кг, получается, что годовой настриг шерсти составлял 1480 т, поскольку стригли два раза в год – 2960 т. Для сравнения в КБР в лучшие времена постсоветского периода настриг шерсти не превышал 700 т (это вместе с заготовками в Ставропольском крае). Шерсть была высокого качества, и вся она перерабатывалась местными мастерицами в бурки, войлоки, вязанные изделия и домотканые сукна и т.д. Ю. Кларпот сообщает о том, что карачаевские женщины изготовляли башлыки для продажи в Имеретию и Абхазию [13, с. 251]. «*У потребителей особенно высоко ценились узорчатые войлоки и изящно, качественно выполненные сотканные из шерстяных нитей сукна светло-желтого и коричневого цвета. Горское сукно и сшитые из него черкески шли не только для внутреннего потребления, но и на продажу, в том числе на вывоз (так, в 1864 г. в Карачае было соткано 2932 локтя сукна, а продано – 1364)*». Сведения по Балкарии мы обнаружили у В.Я. Тепцова: «*Мы видели женщин и за ткацким*

станком, и что каждый балкарский аул – фабрика для сукна, что эта работа идет здесь беспрестанно, поспешно и составляет гордость для балкарок» [219, с. 113]. Н.П. Тульчинский дает более точные сведения о производстве сукна в Балкарии: «*Сильно развитое овцеводство обуславливает производство в горах в большом количестве сукна, которое выделывается самым примитивным способом. Самые лучшие сукна выделываются в Баксанском и Хуламском обществах, где они попадают, хотя очень мало, ценностью в 1 рубль ариин. Сукно изготовляется кусками длиной в 100 и более ариин и в ½ ариина ширины, цвета преимущественно темно-серого. Размер этого производства зависит от размеров овцеводства и в обществах распределяется так: Чегемское общество производит 114500 ариин, Баксанское – 108500 ариин, Балкарское – 100 тыс. ариин, Хуламское – 41 тыс. ариин и Безенгийское – 27 тыс. ариин; итого 390400 ариин, на двор приходится 170 ариин. Вся эта масса сукна сбывается за бесценнок*» [220, с. 38]. В этой связи следует отметить, что в Карачае сукна изготавливали гораздо больше чем в Балкарии, подобная статистика наглядно демонстрирует развитость ткачества у карачаевцев и балкарцев.

Довольно известным фактом является то, что балкарцы и карачаевцы успешно сбывали в больших количествах суконные изделия (черкески, бурки, войлочные шляпы, потники) в Сванетию и Кахетию. Это относится и к животноводству. Н.Ф. Грабовский писал: «*скот главным образом сбывается горцами сванетам*»; там же говорится относительно обработки шерсти у балкарцев и карачаевцев, о ее специальном назначении: «*Баранья шерсть в необработанном виде не идет в продажу, из нее приготавливают в горах бурки, туземное сукно и т.д. Излишек этих изделий от удовлетворения домашних потребностей поступает в продажу на плоскость, в Сванетию и преимущественно в Рачинский уезд Кутаисской губернии*» [Грабовский, с. 10]. Кумыки, судя по сообщениям А. Олария, Э. Челеби и Д.И. Тихонова, «*сукно красили в различные цвета: черный, серый, синий и белый. Центром по изготовлению различных шерстяных изделий был Тарки. Здесь, помимо сукна, ткали пала-*

сы, ковры, а также занимались окрашиванием сафьяна» [56, ссылка на сочин. И. Гербера. 1988. с. 108–109]. «Далеко за пределами Карачая и Балкарии, на Кавминводах, в казачьих станицах и даже в Ростове-на-Дону в большом количестве сбывались широкополые войлочные шляпы къанатлы кийиз бёркле» [136, с. 127]. Производство сукна в Карачае и Балкарии стало постепенно угасать в начале XX в., поскольку кустарное производство не в состоянии конкурировать с фабричным валом. Но остальные виды шерстяного рукоделия с успехом дошли до наших дней. Только в Карачае и Балкарии существуют ныне шерстяные рынки, где горянки торгуют шерстяными изделиями. Это притом, что в советский период страны устраивались всевозможные гонения, рынки то открывали, то закрывали. Например, при Т.К. Мальбахове (бывший первый секретарь КП КБР), балкарских женщин-рукодельниц, занимавшихся кустарным производством шерстяных изделий, штрафовали на огромные суммы. Несмотря на все репрессивные методы, техно-

логия переработки шерсти и вязание, никогда не угасало, народные промыслы сохранились и в наши дни. «Как бы материально не были обеспечены карачаевки, и в настоящее время «заложённая в генах» привычка к труду берет верх. С малолетства и до глубокой старости вяжут карачаевки для дома и продажи шерстяные изделия. Более трехсот видов одежды вяжут и сейчас мастерицы в каждом карачаевском ауле» [ИКНИИ, с. 27]. Надо воздать должное, только благодаря искусному умению вязать многие балкарские и карачаевские семьи сумели выжить в период депортации. В данное время на Северном Кавказе бурки изготавливают в основном только в Дагестане, Балкарии и в Карачае. В изготовлении войлочных ковров, шляп, а также вязанных изделий (шерст. свитеров, носков и т.д.) бесспорное лидерство принадлежит карачаевцам и балкарцам. Этот убедительный аргумент дает основание еще раз задуматься, насколько сильна привязанность к традициям народного промысла, которая корнями уходит вглубь веков.

12. Термины сукна

Кроме домотканого сукна на Северном Кавказе широко использовались привозные ткани для пошива одежды, что подтверждается богатой терминологией шелковых и хлопчатобумажных тканей. В средние века, через территорию Северного Кавказа пролегал «Великий шелковый путь» из Китая и Средней Азии в Византию. Здесь, на стыке Азии и Европы, пересекались многие торговые караваны, многие виды тканей оседали у местного населения. Богатый археологический материал позволяет заключить, что предки карачаевцев и балкарцев часто использовали для пошива одежды привозные ткани: шелка, бархат, парчу, камку в сочетании с домотканым шерстяным сукном. Кар.-балк., кум., ног. *къумач* 'материал, ткань'; аз. *гумаиш* 'ткань, плотный (о ткани). Лак., *къумаиш* 'кумач'; дарг. *къумач-кумаиш* 'ткань красного цвета, дорогостоящая, высшего качества'. Кар.-балк., кум., ног., *чилле*, *чилле къумач* 'шелк, шелковая ткань'. Кар.-балк. *дарий* 'вид шелковой ткани', *дарий джаурукъ* 'шелковый платок'. Чечн., инг., ав. *чилла*, *чиллай* 'шелк';

дари 'вид шелковой блестящей ткани'. В лак это слово представлено в сочетании *чилла къири* 'женский головной платок'; осет. *цылла хыз* 'шелковая сетка'. Н.С. Джидалаев пишет: «Может быть, сюда же относится джагтур. *чила* 'шнурок' *йай чиласи* 'тетива'» [СР 111, 2:2135]. Довольно известный факт, шнуры часто изготавливались из шелка. Кар.-балк. *парча*, *парча кумач*, 'парча, парчовая ткань'; кум. *хара* 'парча'; аз. *хара* 'шелковая материя, камка'. Гаг. *парча* 'ткань' [ГРМС, 362]. Составители «Словаря иностранных языков» считают, что слово *парча* заимствовано русским языком из персидского [СИЯ, 519]. Но в русско-персидском словаре это слово переводится на персидский язык как *зарбафт* (где перс. *зар* 'золото', а *бафт* 'ткань') [ПРС, с. 570]. С. Ибрагимов и М. Асамутдинова предполагают, что слово *парча* является видоизмененной формой древнетюркского *барчин*, которое, видимо, происходит от *бурчин* 'парча, шелковая материя' [МК, 1, 141, 168]. Г. Каранфил и Т. Турсунова также считают это слово тюркизмом. Видимо, стоит согла-

ситься с мнением М. Фасмера, который считал, что слово *парча* имеет тюркские корни [ФЭСРЯ, 111, с. 210]. Кар.-балк. *басма* 'ситец'; чечн., инг. *басма* 'ситец'; адыг. *басмэ*; осет. *джиппайфыст*, *басма* – в том же значении. Кар.-балк. *гетен* '1) лен, полотно, льняная ткань, холст; 2) брезент'; кум. *кетен* 'холст'; аз., тур. *катан* 'холст'; гаг. *keten* 'лен, льняная ткань'; чув. *уетен* 'льняная ткань'. Лак. *чатан* 'льняное полотно, холст'; лезг. *кетен* 'полотно, холст'; адыг., каб. *чэ-тэн* 'полотно, холст'; осет. *четан*, *кеттаг* – в том же значении; ав. *катан* 'марля, тюль'. Аз., тур., кар.-балк., кум., крым.-тат., ног. *чадыр*, *чатыр* 'шатер', в аз. *чадыра* 'миткаль, суровая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения; неотделанный ситец [СР. 111, 2:1903]; *чадырлыг* 'предназначенный для платка материал'. Лак. *чядря* – название плотной и грубой хлопчатобумажной материи, напоминающий бязь; дарг. *чядура* 'бязь'; лезг. *чадура* '1) покрывало, чадра; 2) палатка, шатер'. Кар.-балк., кум., ног. *къанават* – род шелковой ткани; Кар.-балк. *къаназар*, *къанават* 'шелковая ткань'; лак. *къанават* – в том

же значении; ав. *ханабат* – сорт персидской парчи. Составитель «Аварско-русского словаря» полагает, что этот термин связан с названием города *Ханабат*, откуда привозили этот шелк (АРС:510). Кар.-балк. *атлес джибек* 'атлас'; аз. *атлас* 'атлас'; каз. *адрас* 'пестрая бухарская полушелковая материя с бумажной основой' [Радлов 1, 1:861]; ав. *алатлас*; лак. *аьтлряс*; адыг. *атлэс*; каб. *альтес*; ост. *атлас*; чечн. *атлас*; инг. *дарьи алтаз* – в том же значении. Гаг. *Ирек* 'шелк', данное слово встречается в «Бада-и ал лугат» *ерек* 'шелк'. В словаре В.В.Радлова оно отмечено в форме *инак* 'шелк' [СР, 11, 223]. Это слово бытует во многих современных тюркских языках [TLS, 394–395]. Кар.-балк., ног. *дарий* 'шелк//шелковый; кум. *дарай* 'тафта'; аз. *дарайы* 'тонкая шелковая ткань'. Лак. *дарай*, ав., *дарай*, лезг. *дере* 'тафта, шелк'. Каб. *дарий* 'шелк//тафта'; чечн., инг. *дари*, *даьри* 'шелк'. Каб. *чесеч* 'лоскут, кусок ткани'; кар.-балк. *кесек* 'отрез, лоскут, кусок ткани', производное от глагольной основы *кес-* 'резать' ~ *кесек* 'отрезок', данное слово встречается во многих тюркских языках.

13. Хозяйственные и этнокультурные контакты

Хозяйственные связи народов всегда были важнейшей основой развития этнокультурных контактов. В первую очередь это меновая торговля. Большую роль в развитии контактов играло отходничество. Жители горных районов Кавказа совершали необходимый взаимный обмен необходимыми продуктами, производимый жителями равнин. Избыток изделий домашнего производства (шерстяные ткани, головные уборы, башлыки, бурки, войлочные ковры и т.д.), меняли на пшеницу, кукурузу, пшено, фрукты, соль и хлопчатобумажные ткани. В торговом обмене скот служил эквивалентом денежной единицы. Подобные торговые связи характерны для народов Северного Кавказа вплоть до середины XIX века. Торговля карачаевцев и балкарцев в XIX – начале XX в. в значительной мере велась с грузинами – рачинцами и сванами. С давних пор основным центром торговли для них был город Они (центр грузинской области Рача). Как отмечал Гюльденштендт, несмотря на трудности дорожно-

го сообщения, чегемцы, как и жители других обществ Балкарии и Карачая, еженедельно появлялись на местном базаре, они привозили свои изделия – сукна, войлоки, бурки, башлыки, меха – и получали в обмен на них соль, хлопчатобумажные и шелковые ткани, хозяйственные мелочи, золотые и серебряные нитки для отделки одежды, табак, трубки; на продажу пригоняли даже скот. Постоянные торговые связи с Карачаем и Балкарией имели и сваны. В Балкарии на свои продукты они выменивали шерстяные ткани домашнего производства, верхнюю одежду (черкески, бурки), войлоки (кийизы), деревянную утварь; закупали также скот. Реже на продажу его пригоняли в Сванетию сами балкарцы; скот сваны закупали также в Карачае. Постоянные торговые связи карачаевцы и балкарцы осуществляли и с жителями северокавказских равнин – с кумыками, кабардинцами и ногайцами. Балкарцы, например, на зиму перегонявшие скот на равнину в Кумыкию и в Кабарду, здесь же производили обмен своих то-

варов. Шерсть, грубое сукно, прялки, войлоки, меха, серу, порох – на соль, хлопчатобумажные ткани, полотно, сафьян. Наиболее ценным товаром для меновой торговли являлись лошади карачаевской породы.

О ранних успехах в коневодстве жителей Северного Кавказа пишет и академик В.А. Гордлевский: «В эпоху Сельджукидов в Малую Азию поставляли с Кавказа лошадей «тавлинских» пород» [63, т. I, с. 144]. Стоит обратить внимание и на то, что термин XI–XII вв. – «тавлинская порода», происходит от тюркского слова *тау/тав* – гора, одного из самоназваний балкарцев и карачаевцев *таулу* – «горец». Да и в дореволюционных российских изданиях эта порода (современная карачаевская) часто именовались «горской породой», т.е. «таулинской». Исторически известно, что в средневековье с Северного Кавказа экспортировали в большом количестве лошадей в страны Востока. У балкарцев, по словам Н.А. Караулова, «коневодство стояло довольно высоко». Далее он пишет: «Недостаток земли, удобной для пахоты, суровость климата, не всегда позволяющая рассчитывать на удачный урожай, и отличная питательная низкорослая трава способствовали развитию скотоводства в самых широких размерах. Коневодство стоит довольно высоко. Сорт балкарской лошади очень хороший, она неприхотлива и вынослива, невысокого роста, крепкое небольшое копыто очень цепко, и лошади эти незаменимы в горах. Однако влечение к кровным производителям немного испортило уже эту породу». Слова эти относятся к началу XX века, поэтому можно заключить, что в это время балкарцы разводили в основном свою породу лошадей. При этом практически не улучшали ее другими породами. [105, с. 142]. Б.А. Калоев отмечает: «По данным многих авторов, относящимся к этому же времени, у балкарцев было довольно много лошадей, по видимому, преимущественно местной породы, во всех пяти обществах: в Баксанском – 1302 головы, Чегемском – 2096, Хуламском – 871, Безенгиевском – 422, Балкарском – 1209. (итого 4900). Балкарская лошадь имела большое сходство с осетинской, эта порода, несомненно, была создана общими усилиями обеих народов» [109, с. 73]. Возможно, Калоев прав, если иметь в виду родство карачаев-

цев, балкарцев и дигорцев, но в остальной части Осетии коневодством практически не занимались. Это относится и к мулам: «Мулов разводили по этнографическим данным, только в Балкарии, отчасти в Западной Осетии – Дигории» [109, с. 85]. Этот факт отметил в свое время и выдающийся осетинский поэт Коста Хетагуров в этнографическом очерке «Особа»: «Лошадь (в Осетии – Н.Б.) была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков». В Осетии середины XIX века владелец, имеющий 2–3 лошадей, считался богатым [газета «Терские ведомости», 1874 г., № 28].

Следует сказать, что для климата и рельефа горной Осетии и Чечни наиболее подходила горная карачаево-балкарская порода лошади, поэтому ближайшие соседи и закупали их в Балкарии и Карачае. Даже в мифологии осетин коневодческий термин *аласа* – мелкая порода горных лошадей (*осет.*), свидетельствует как о карачаево-балкарском происхождении самого термина, так и о факте приобретения лошадей в Карачае и Балкарии. Указанный термин *алаша* означает в карачаево-балкарском языке «низкорослый; порода лошади; мерин». Вот что пишет В. Пфаф об этой «созданной общими усилиями» лошади: «Можно только удивляться необыкновенному проворству, силе и ловкости этих прекрасных горских лошадей. Сидя на такой лошади, можно поручить себя ее инстинкту и, закрывши глаза, переезжать через самые страшные пропасти. Я даже советую закрывать в подобных случаях глаза, потому что тогда голова не кружится и ездок не может терять сознание, что очень возможно при непривычке к подобным ощущениям» [169, с. 152]. Карачаевские и балкарские лошади закупались в Осетию, Ингушетию, Чечню, Грузию и Кабарду, и перепродавалась оттуда далее. Но транзит любого товара не говорит о его собственном производстве, иначе надо предположить, что средневековая Византия или Хазария, торговавшие в Европе китайским шелком, сами же его и производили. Об этом в 1913 году упоминает А.А. Атаманских – известный ветеринарный врач, один из ведущих специалистов Баталпашинского отдела: «Карачай, в данном случае, играет очень значительную роль, снабжая строевыми лошадьми большинство ка-

зачьих полков Кубанского и Терского войска и сбывая вообще до 10.000 лошадей ежегодно, и свыше 100 тыс. овец. Карачай заслуживает особенно серьезного внимания потому, что эта отрасль сельского хозяйства в этом чисто скотоводческом районе служит не только источником существования самого населения, но этот район является солидным поставщиком всех видов сельскохозяйственных животных и может служить обширным рассадником улучшенных пород» [18, с. 49]. Лошадей продавали главным образом на местных рынках Баталпашинского отдела, часть лошадей шла и в Терское казачье войско, и в Закавказье. Значительное количество карачаевских лошадей шло и для пополнения казачьих кавалерийских полков, эти лошади должны были отвечать строго определенным требованиям экстерьера, в частности, рост в холке 2 аршина 2 вершка. К.Ф. Ганн писал, что в Карачае и Балкарии: «...у богачей имеются табуны в 1000 и более лошадей. Они высокого роста и крепкие, на них навьючиваются тяжести до 30 пудов». К числу таких владельцев в Карачае относились, например, Байчоровы, Карабашевы, имевшие табуны по 1500 голов, Кубановы – 500, Текеевы – 300 и т.д.» [К.Ф. Ганн «В верховьях Кубани и Теберды» // К. 1894 г. № 3]. О качестве местных лошадей горного типа можно судить по описанию карачаевской породы, которую в 1855 году дал наблюдательный русский офицер В.В. Шевцов, долгое время проживший среди горцев: «Лошади их (карачаевцев) считаются из лучших Кавказских пород, они более ценны смелостью своею в езде по скалистым и крутым тропам; шаг их верен и спокоен – вы, давши свободу своему коню, можете двигаться безбоязненно по такому неприступному пути, где только может уместиться копыто лошади вашей и где ни одна из других пород не может сделать ни одного шага» [Очерк о кавказских горских племенах//Москвитянин. М., 1855 г. № 23–24 (кн. 1–2), декабрь]. Известный русский путешественник Александр Соборнов в 1898 году опубликовал очерк в журнале «Родина», (в приложении «Всемирный путешественник») о своем пребывании в горах Балкарии. А. Соборнова очень заинтересовали лошади «горских татар», он дал точную характеристику этой породе: «В моем путеше-

ствии по горам Кавказа я много раз был свидетелем, как эта лошадь проходила по горным кручам, где с большим трудом мог пройти пеший путник». Далее он описывает, как эта лошадь двигалась над краем пропасти: «На опасных участках она двигалась очень осторожно, вначале подымает переднюю ногу, ощупывает грунт, и, убедившись в надежности, подносит другую ногу. Если спуск очень крутой, она подгибает задние ноги и скользит по склону. На очень опасных участках пути следует отпустить поводья, лошадь сама благополучно доставит вас к месту. При переправе через бурные реки нужно полностью положиться на чутье лошади, она сама знает, где ей удобней переходить». Подобную характеристику горной породы лошадей приводит И. Мердер: «Горские лошади по свойству климата или от смешивания двух пород: настоящих черкесских с лошадьми арабскими; (они) сильны, резвы, полны огня, внимательны, в ногах крепки – качество, необходимое при путешествии по горам; они также весьма чутки, т.е. хорошо слышат, так что в самую темную ночь можно положиться на лошадь, что она, по каким бы скалам ни пробивалась, не спотыкается и проберется по узкой тропинке осторожно. Сбившийся в пути ездок вполне может вручить ей себя; она доведет по данному ей направлению к знакомому уже ей месту, и в это время, она бывает неизменно осторожна, беспрестанно водит ушами, прислушиваясь ко всему; если что-нибудь малейшее покажется ей сомнительным, она остановится для удостоверения, и если ошиблась, то без понуждения ее седоком тотчас сама тронется с места с такою же осторожностью, как и прежде. Горские лошади имеют необыкновенно тонкий слух и обоняние; если поверить в ее чуткость и принудить идти в то место, куда она обратила внимание и упорствовала идти, наверное окажется, что осторожность ее была не напрасна и что она не обманулась и чувствовала или хищного зверя, или притаившегося врага. Горские лошади могут переносить различный климат так хорошо, что едва ли порода других лошадей может в этом случае выдержать с ними сравнение. По сродности же с местностью гор, состоящих преимущественно из камней, эта лошадь без

подков несется во весь карьер по твердому грунту, не жалуется на ноги, в которых не чувствует от того боли... Горские лошади очень послушны; они скоро привыкают к ездокам и приноравливаются удобнее к желаниям и правилам их хозяев; они не имеют капризов, обыкновенных в породах других лошадей; выносят крайнюю нужду в продовольствии и кик будто понимают невозможность доставления им оногo, так что при самом крайнем недостатке в продовольствии горская лошадь нисколько не изменит своей ретивости, остается такою же доброю, как и при хорошем корме, каждый день будет исполнять свое дело... разве только несколько спадет ее игривая веселость» [148, с. 102–104]. Еще арабский географ IX–X вв. ал-Джахиз отмечал, что «тюрок сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли» [122, с. 90]. Поэтому при изучении традиционной одежды тюркских народов Кавказа очень важное место имеет коневодство, поскольку эта одежда изначально предназначалась для всадника, все остальные функции вторичны, и поэтому мы более подробно коснулись коневодства. Несколько слов следует сказать и о тамгах, которыми клеймили лошадей. Приведем следующие этимологии: аз. *дамгъа* 'тавро, клеймо'; кар.-балк., кум., ног., тат., баш. *дамгъа* – *тамгъа* 'тавро, клеймо, пятно, клякса, знак', *тамчи*//*дамчи* 'капля', *тамгъалы* 'клейменный, тавренный, меченный'; джаг. *тамгъа* 'красная печать; пошрины взимаемые с купцов' [СР. III, 1: 1004–1005]; перс. *тамгъа* 1) большая печать татаро-монгольских ханов; 2) грамота, снабженная печатью; *тамгачи* 'сборщик податей' (ПРС) (Из этого корня образовалось русское слово *таможня*), ав. *дамгъа-дангъва* 'тавро, клеймо, метка, знак'. Дарг. *дамгъа* 'метка, пятно, родинка'. Лезг. *тамгъа* 'клеймо, тавро'. Чечн., инг. *таммага, дамгъа* 'пятно'. Адыг., каб. *дамыга* 'клеймо, тавро'; осет. *дамга* 'буква'. Встречается это слово у болгар *дамга* 'пятно' [207, с. 18]. Таврирование животных тюрками отмечено китайцами ещё в V в.: «На домашнем скоте вообще кладут метки» [118, с. 20]. К. Гюнер пишет о сходстве тамг разных горских народов Северного Кавказа, в особенности тюркских – кумыков, карачаевцев, балкарцев, ногайцев. Сравнивая тамги кумыков и карачаево-балкарцев, он пишет об их едином

этногенетическом корне и нынешнем родстве этих народов. В заключении своей статьи он приходит к следующему выводу: «Проведенный сопоставительный анализ показывает глубокое родство тамгзнаков кумыков, карачаево-балкарцев с тамгами сарматов, древнетюркских (гунно-булгарских и хазарских) племен, древних венгров и болгар, а также крымских татар, кабардинцев, ногайцев. К аналогичному выводу приходят и другие исследователи» [66, с. 72]. «Поскольку слова «тамга», «байрак», «санджак» являются тюркскими, – пишет Х. Яхтанигов, – то следует полагать, что и в символике горцев Северного Кавказа они носили ту же политико-сословную функцию, что и у крымцев, турок и ногайцев» [241, с. 57]. Это отмечает исследователь Б.А. Калоев: «Однако вот вопрос: если появление этих знаков связано с сарматами и аланами, то почему они повсюду имеют тюркские наименования – тамга и тавро, причем последнее только у русских» [109, с. 84]. Но нельзя сомневаться, что родовые тамги тюркок-скотоводов существовали в несравненно более отдалённые времена, и имеют связь с эпохой сарматов. Иначе и быть не может: при интенсивном развитии животноводства без системы таврирования и обозначения пастбищ содержание скота невозможно. Общеизвестно, что на многих менгирах, курганных камнях и скалах Хакасо-Минусинской котловины в Туве, Монголии, Казахстане, Киргизии встречаются тамги тюркских народов. Так, в Улугхемском районе Тувинской АССР, в долине реки Демир-Суг найдено на стелах более 30 тамг. Везде, где были тюркские племена, тамги обнаруживаются археологами до сих пор. [130]. Археологам и этнографам хорошо известно бесчисленное количество тамг, высеченных на камнях, которые встречаются по всей огромной территории Евразии. Говоря о тамгах в целом, необходимо отметить, что многие формы их напоминают буквы древнетюркской руники.

На военных, траурных и свадебных знаменах балкарцы, карачаевцы, ногайцы и кумыки также изображали родовые тамги. Это отметил В.В. Милорадович и описал этот факт у карачаевцев, когда участники «брачного поезда везли флаги – байракъ, на которых изображались родовое тавро жениха над тавром невесты. [241, с. 57]. Выдаю-

шийся этнограф-кавказовед Л.И. Лавров отметил: «...Кавказские тамги могли появиться лишь по возникновению потребности отличать табуны лошадей, принадлежавших разным хозяевам. Это произошло не ранее II тыс. до н.э., когда впервые на Кавказе начали широко использовать лошадей и когда родовое хозяйство, судя по всему, уже распалось» [131, с. 104]. Как бы мы ни старались, но возникающие вопросы требуют совмещения известных данных лингвистики и этнографии. Во всех известных академических изданиях считается, что тюркские племена появились в Европе в начале IV века. Возникает вопрос, а как метили свой скот скифы, сарматы, и почему у их потомков осетин отсутствует аналог иранского слова *тамга*. Мы уж не говорим об остальных народах региона, с кем долгое время контактировали скифы, а без системы таврирования невозможно интенсивное развитие животноводства. Н.С. Джидалаев пишет: «Во многих дагестанских языках для понятия 'жеребец', 'жеребенок', 'иноходец', 'скакун', 'боевой конь', 'рабочая лошадь', 'кляча', и др. использованы тюркские термины *айгъыр*, *тай*, *йорга*, *дулпар*, *алаша*, *ябу* [77, с. 31]. Как видим, свод заимствованной лексики, относящейся к терминам животноводства, в языках народов Дагестана

в основном имеет тюркское происхождение. С нашей стороны отметим, аналогичная ситуация сложилась и в других языках региона. Согласно исторической логике, эти заимствованные термины коневодства и животноводства должны были быть «иранизмами». В данном случае, это относится и к русскому языку. Вопрос в том, как объяснить тождество многих черт культуры народов Кавказа и тюрков сходством их географического положения или близким соседством. Старые шаблоны далеко не отвечает современным требованиям науки. Причем эта тема не ограничивается вышеприведенными аргументами. Совершенно очевидно, что система таврирования лошадей, крупного рогатого скота и т.д. заимствован дагестанцами, кабардинцами, адыгейцами, чеченцами, осетинами и ингушами у тюркских народов. Это подтверждается данными лингвистики: *дамыг* – 'тамга', наличием генетической связи и территориального распространения *тамг* от Кавказа до отрогов Алтая и Тянь-Шаня. При подобном массовом сходстве *тамг* народов Кавказа с тамгами тюрков, наверное, нетрудно установить первоисточник. В противном случае мы должны признать, что Великое переселение народов было направлено из Европы в Азию.

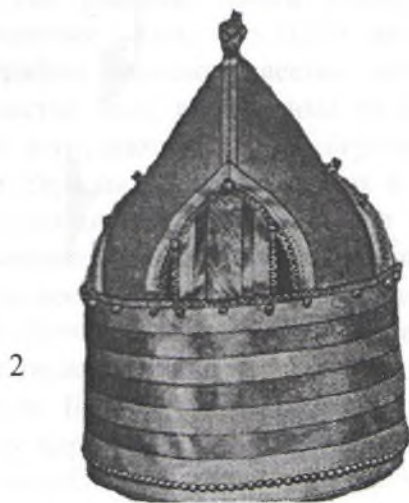

III. ПРЕДМЕТЫ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

1. Головные уборы

У большинства народов Северного Кавказа женский головной убор представлял сложный комплекс, несущий в себе значительную информацию. По головному убору можно было определить возраст, сословное, имущественное и семейное положение и т.д. Е.Н. Студенецкая выявила несколько типов головных уборов: «1) шали и платки с различными способами повязывания, надеваемые непосредственно на голову; 2) шарфы; 3) сочетания платка, шарфа, шали с шапочкой; 4) шапочка носившаяся без платка» [190, с. 185]. Шапочки имеют давнюю традицию у многих тюркских народов, что прослеживается по археологическим данным, иллюстративному материалу («каменные бабы») и нарративным источникам. У карачаевцев, балкарцев и ногайцев известно три вида шапочек: 1) высокая, с конусообразным верхом; 2) высокая цилиндрическая, с плоским верхом; 3) невысоким цилиндром с плоским верхом. Их богато украшали золотым и серебряным шитьем с галунами, длинной кистью. Шапочка считалась принадлежностью праздничного девичьего костюма и надевалась на свадьбу и всякие торжества. К примеру, у тюркских на-

родов форма шапочки позволяла определить не только к какому народу принадлежал ее обладатель, но и к какой локальной группе. Только у одних туркмен известно шесть форм: 1) *тахья*, *борик* 'полусферическим верхом'; 2) *культе* – *пешек* 'полусферическая с наконником'; 3) *ич-топбы* 'коническая' а) цилиндрическая плоским верхом, б) сферическим и куполообразным верхом, в) расширяющим верху. «В более ранний период в некоторых районах на западе Туркмении бытовали высокие шапочки (25–30 см) конусовидной формы. Они состояли из высокого околыша (6,5–8,5 см) и высокого верха, который представлял целый круг, пришитый к околышу или круг с вырезанной частью. Делались они из красного сукна или шелка. Характер узора почти всегда был одинаков. Околыши орнаментально разделялся на четыре части, а верх, соответственно, на четыре сектора, в которые вшивались композиции из рогов или веток, отходящие от ствола. Свадебные головные уборы туркменок были всегда высокими, на твердом каркасе или кошемной основе. Конусовидные шапочки носили девушки западных районов Туркмении» [217, с. 68].

Ил. 50. 1. Токмакълы бёрк – шапочка с бубончиками; 2. Шапочка – юрт.

1

2

3

4

5

6

Ил. 51. 1. Мартинкъл шапочка с узлами; 2. Ындырка – шапка купол;
3. Алтынбаш – золотой купол-шапочка; 4. Келинлик – шапочка засватанной девушки;
5. Бий кыз бёрк – шапочка девушки княгини; 6. Кюмошбаш берк – куполообразная шапочка.

Сравним это описание с карачаево-балкарской шапкой. А.Я. Кузнецова пишет: «Высокая цилиндрическая шапка с небольшим сферическим навершием была одной из распространенных форм. Если судить по характеру украшения ее верхушки галунами, радиально направленными к центру, то можно сделать предположение о происхождении этой формы из куполообразной шапки, разбитой на дольки, бытовавшей в XVIII в. как у мужчин, так и у женщин. Цилиндрическое основание женского головного убора, сплошь покрывалось золотыми позументами. Но наиболее часто они покрывались золотым шитьем и, вероятно, неслучайно в декоре шапочек главным мотивом становятся пресловутые «кьочхар мюйюз» – «бараньи рога» – одна из основных тем тюркского орнамента. Археологический материал Кавказа представляет нам еще одну форму древних женских головных уборов – с нашитыми на войлочную основу бронзовыми и металлическими пластинками в виде желобчатых полос. Они прогибались в три параллельные ряда, связанные между собой проволочными узкими скребками» [223, с. 208]. Подобные металлические налобные пластины встречаются в более поздних захоронениях и на территории Карачая и Балкарии (архив КБНИИ). Невольно напрашивается предположение о совмещении в карачаево-балкарском женском го-

ловном уборе этих двух форм. На войлочную основу плотную нашиваются металлические пластинки. С течением времени они заменяются более дешевыми, но не менее красивыми узорными галунами, вытканными из золотых нитей. Положенные впритык одна к другой, эти ленты галуна на войлочной основе создают имитацию металлической поверхности. Это стремление воссоздать при помощи лент имитацию металла говорит о подражании более древним металлическим формам. На наш взгляд, женские шапочки ведут свое происхождение от мужских боевых шлемов (в подражательной форме). С подобным явлением мы уже встречались, это касается кафтанчика (*кюбе туп* – подкольчужник). Как отмечает А.С. Морозова, женские конусообразные шапочки туркменок по крою не отличались от мужских уборов *тахья* [213, с. 69]. Важно отметить одну деталь, типы головных уборов туркмен, каракалпаков и казахов очень близки к формам шапок тюркских народов Кавказа. Это касается не только форм, но и самих способов изготовления женских шапочек народами Северного Кавказа, которые во многом дублируют тюркские аналоги. Обратите внимание, у кумыков данный вид головного убора в силу каких-то причин не сохранился, возможно, этим объясняется отсутствие этого предмета одежды у народов Западного Кавказа.

Ил. 52. Халфтауын – парадная шапочка для невесты.

Е.Н. Студенецкая пишет: «Характерно, что в Кабарде шапочки этого типа называли *тэтэр пыІэ* ‘татарская шапка’, *крым пыІэ* ‘крымская шапка’, *кьуццхьэ пыІэ* ‘балкарская шапка’. Возможно, что подобные наименования, бытовавшие у адыгейцев и у кубанских ногайцев, указывают на источник их появления на Кавказе. Можно вспомнить свидетельство К. Пейсонеля о ввозе из Крыма на Западный Кавказ в XVIII в. большого количества шапочек «тарпош». Вероятно, *тарпош* – искаженное название *тэтэр пыІэ*. И. Маттис по этому поводу пишет: «Удивляет невероятное количество этих изделий, покупаемых адыгами – около 150–200 тысяч в год. Даже в наше время вряд ли какая-либо фирма может оперировать таким объемом продаж, одно преимущество перед одеждой: он имеет лишь один «присоединительный» размер – окружность головы. Да и те размеры в те времена не были как-то регламентированы» [143, с. 78]. А.Я. Кузнецова считала: «Сейчас, трудно определить, с какими именно верованиями и ритуальными обрядами были связаны женские головные уборы, изображенные на половецких «каменных бабах». Это были высокие остроконечные шапки с характерными украшениями на висках в виде спиральных рогообразных колец, нашитых на валики из войлока. По мнению С. Плетневой, такое украшение должно было символически обозначать девушку, олицетворяемую со священным бараном. Эта символика расшифровывается в существующей и у ряда современных тюркских народов свадебной игрой в барана и волка [94, с. 211]. Вместе с тем высокий конусообразный головной убор Байрымского захоронения принадлежал пожилой женщине. Он был сделан из плотного войлока и обтянут шер-

стяной тканью» [120, с. 113]. Если первые два вида кар.-балк. и ног. женских шапок имеют аналоги у туркмен и казахов, то третий вид с низким цилиндром был широко распространен у крымских татар и караимов, а также у тюркских народов Поволжья. Любопытные сведения мы обнаружили у Д. Фрешвильда, который пешком обошел весь Центральный Кавказ в середине XIX века. Он обратил внимание на один головной убор у балкарок. «*Их одеяние состояло из малинового цвета халата свободного покроя и шапочек, с которых низка монет свисала нодо лбом»* [227, с. 64]. Этот тип шапочек он упоминает и при поездке в Безенги «*Они были одеты в просторные халаты с низками монет, свисающих с их шапочек»* [227, с. 83]. Сведения Д. Фрешвильда дополняет русский исследователь В.Я. Тепцов: «*Всего же замечательнее парадный головной убор. На голову надевается высокий (иногда в ½ ари.) цилиндр, украшенный спереди рядами монет, побрякушек и расшитый золотом и серебром полосками, а также галунами; полоски иногда украшаются еще драгоценными камнями»* [219, с. 46] К сожалению, данный вид шапочек не попал в исследование Е.Н. Студенецкой и А.Я. Кузнецовой. Подобный способ украшать шапочки серебряными и золотыми монетами известен у многих тюркских народов, в частности у башкир, татар, чувашей и туркмен. Скорее всего, истоки декоративного украшения серебряными пластинами уходят вглубь веков, когда эти народы проживали на сопредельных территориях. Украшения, орнаменты народы способны сохранять долгое время, поскольку их мотивы были вплетены в их быт и уклад жизни, они существовало как составная часть их хозяйственной жизнедеятельности.

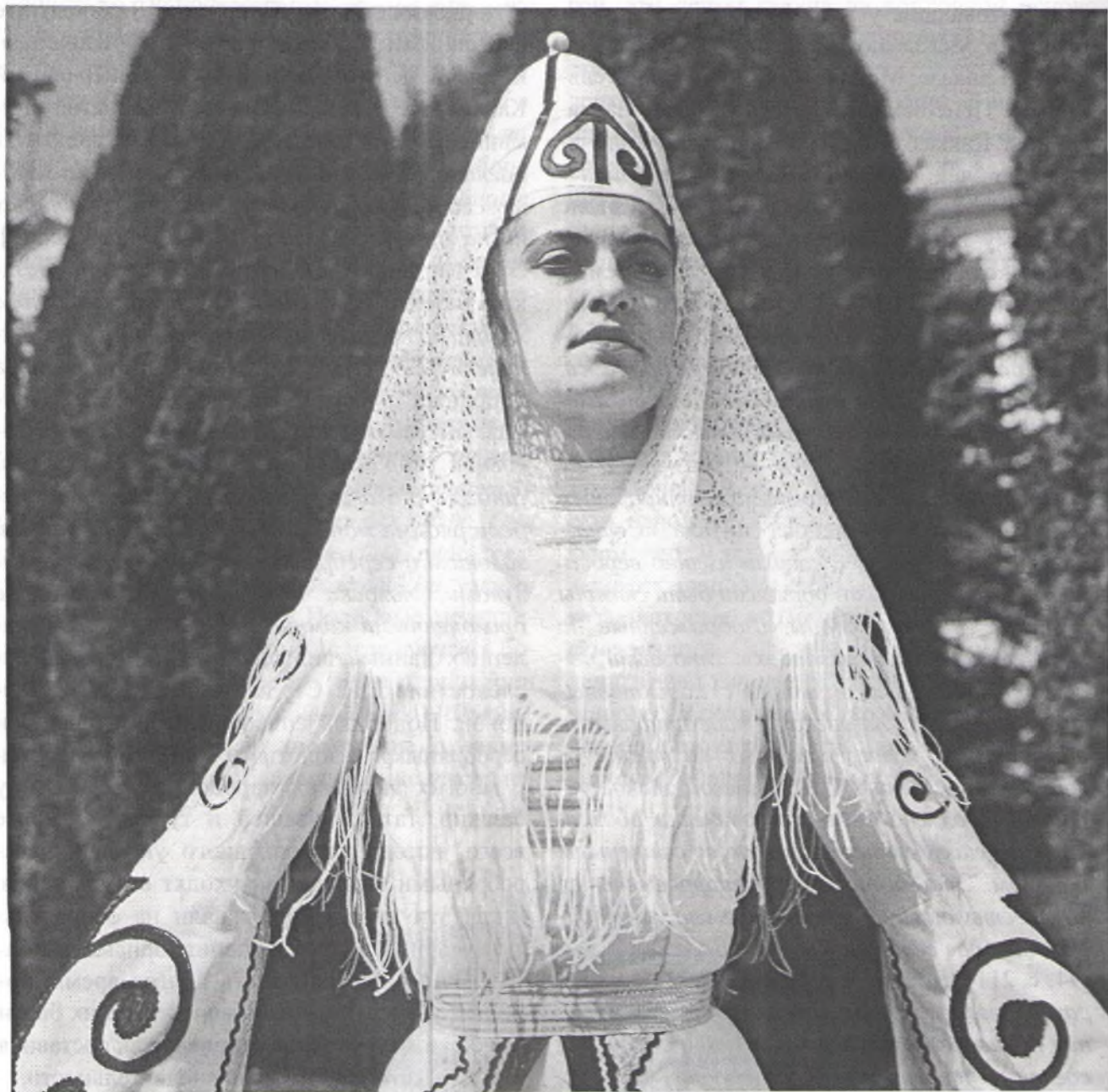
2. Платки, шали

Поверх шапочки кар.-балк. и ног., как правило, одевали платок или шарф, концы которых заматывали вокруг шеи. Этот способ ношения платка поверх или сверху шапки был распространен в Казахстане, Крыму, Поволжье и в Туркмении. «Наиболее часто его

называли *жаулык*, но в прошлом, очевидно, термин *жаулык* применялся ко всему комплексу головного убора замужних женщин, и многие пожилые казахи помнят именно его общее значение» [217, с. 220]. Молодые женщины-казашки еще в начале XX в. носи-

ли *саулама* или *саукеле жаулык*, который недаром носит второе название, поскольку по форме он восходит к *саукеле*. Основу его составлял плотный каркас из войлока в виде довольно высокого усеченного конуса, обши-

того тканью. Внизу его обрамляли нашивками из позумента, расшивали бусами, а с боков прикрепляли серебряные украшения. К примеру, караимы поверх шапочки тоже накидывали шелковую шаль [215, с. 95–97].

Ил. 53. Чачаклы жаулык – платок с бахромой

Манера носить платок поверх шапки отражает общие элементы укоренившейся традиционной культуры тюркских народов, удаленных друг от друга на большие расстояния. Вплоть до середины XX в. самым распространенным головным убором женщин на Кавказе являлся платок. Тюркские народы

Кавказа придавали большое значение этому женскому головному убору. Снятие белого платка с головы невесты являлся одним из главных актов свадебной церемоний *баш ау алган*, а снявшему платок дарили ценные подарки. У многих народов смена головного убора девушки на убор замужней женщины

приурочивался к свадьбе. *Джаурукъ* – это не всякий платок, только головной убор замужней женщины и почти эмблема замужества. Важность этого головного убора связана с еще одним древним обычаем: женщина, снявшая платок с головы, могла остановить кровопролитие. Разнообразие названия платков (*джаурук*, *явлук*) зависело от материала, из которого он изготавливался: *чилле*, *дарий*, *джибек*, *лаудан*, *чесуча*, *герхана*, *бухар*, *схарла* и т.д. Большинство платков изготавливались в домашних условиях из купленного материала, в Карачае и Балкарии это ремесло не забыто и в наше время. На отрезанный по размеру кусок материи мастерицы по четырем краям плели бахрому из золотых и серебряных ниток. Вначале делались кружева, а их продолжение переходило в бахрому (от 10 до 25 см). Платки входили в приданое невесты, особенно ценились *бухар джаурукъ*, *лаудан джаурукъ*, *гранча*, *гюльменди* и *гинадур*. Пожилые женщины в холодную пору накидывали сверху теплую шерстяную шаль *улуу бота*, *ауат бота*, *суу бота* (черек. диал. *фота*). К престижным головным уборам у карачаевок и балкарок относились также *джун джаурукъ* и *керне джаурукъ* – шерстяные пледы, которые носили, накинув на плечи. Это было одеждой женщин, девушки носили их довольно редко. Эти платки были в основном двух цветов: зеленый и бордо. Следует согласиться с мнением Р.Т. Хатуева, который считает, что «мусульманская мода» сыграла большую роль на комплекс женской одежды горянок. Выполнялись предписания шариата прикрывать при публике разрезы на женской одежде, обнажающие «запретные» части тела (грудь, ноги выше щиколоток и др.) [136, с. 236]. Женский платок часто упоминается в карачаево-балкарском эпосе в описании эмегенши: «*Башина джюз бла джарым къарыдан кендираш халыдан джаурукъ кысып*» – «на голове у нее был платок, связанный из полутора сотни «карыдан» (какая-то мера конопляной нити [99, с. 153]. В «Диване» М.

Кашгарского слово со значением «платок» образуется с помощью аффикса *-luk*, но от основы *suв* ‘вода’ – *suвluk*, но семантически оба значения близки, слово *джаурук* образовано от основы *джаун* ‘дождь’ (ср. *суу бота*).

В буднее время кар., балк., кум., и ног. женщины носили простые платки, которые входили в повседневный комплект одежды. При выходе замуж женщина обязана была прятать свои волосы. Для этого на голову одевали *чикилия* ‘небольшой платок с короткой бахромой из серебряного галуна, под который убирались спереди волосы’. Концы платка завязывали на темени особым узлом *чох*. Для скрывания волос существовали еще два приспособления. Первое из них *чач бау* – полоса белой ткани, которую складывали пополам и в каждый из концов заматывали прядь волос, а потом обвивали их одну вокруг другой. Наиболее интересной и древней формой являлся третий способ *чач салган* – продолговатый мешочек, украшенный вышивкой, а по низу кисточками, в который прятали косы. Любопытно отметить, что *чикилия* был известен далеко за пределами Карачая и Балкарии. К примеру, у донских казачек *чикилия* – обязательный элемент женского головного убора. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова: *чигача* ‘височник из серебряных монет’ (Kas.); *чиг*, *чигил* ‘сделать узел, завязать узлом’ (Tag.) [СР. 111, с. 2113–2114]; кум., ног., кар.-балк. *явлукъ*, *джаурукъ*; *къол джаурукъ* ‘женский головной платок; носовой платок’; ав. *явлухъ* ‘женский платок’; лезг. *ягълух* ‘носовой платок’; кар.-балк. *чох* ‘гребень; 1) бахрома, связанная в пучки; 2) кисти, пучки ниток; 3) шаль с кистями; 4) завязать платок на темени; 5) собираться в кучу; *ока чохла башлыкъ* ‘башлык с мишурой и кистью’. Кум. *чуткъу* ‘головная повязка в виде мешочка, куда женщины прячут волосы’; аз. *чутгу* ‘чепец, чепчик’; ав. *чохту* (*чотху*) ‘волосник, головной убор’; лезг. *шутку*, *чотху* в том же значении.

Ил. 54. Дочери Балкарца – горца Мисоста Абаева.

3. Женские украшения

У большинства народов Северного Кавказа весь декоративный наряд женской верхней одежды завершал металлический серебряный пояс. В какой-то мере исключение составляют карачаево-балкарский женский костюм, который имел дополнительные серебряные украшения (бляхи, пластинки) на углах подола кафтана. В.Я. Тепцов отмечает три вида украшений у карачаевских женщин: *«Пояс – необходимая принадлежность костюма как богатого, так и бедного. С поясом девица расстаётся только на ночь. Он дорог ей не только как любимое отношение, но и как подарок ближайшего родственника. Из других украшений девицы носят кольца и браслеты»* [219,

с. 79]. «Карачаевки и балкарки пришивали к разрезам одежды на груди серебряные футлярчики (*кюмюш дууа*), в которых хранились мусульманские письменные талисманы (*дууа*). С наименованием такого талисмана связано и название треугольника в золотошвейном шитье (кар.-балк. *дууа тухтой*). Иногда носились пластинки прямоугольной формы, которые у горянок назывались «серебряная книга». В этом видится указание на Коран, «для которого богатые люди иногда делали шитый золотом, а то и серебряный футляр. По мнению специалистов по традиционной одежде, подвеска «серебряная книга», видимо, была имитация такого футляра» [136, с. 238].

Ил. 55. Куршакъ – женский пояс.

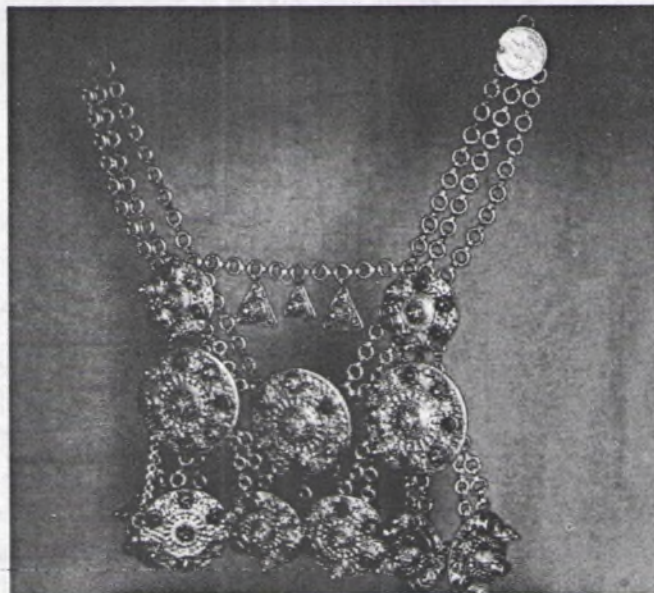
Как отмечает И.М. Каракетова: «Не только эстетические идеалы, но и сложное восприятие полного противоречий и загадок мира лежат в основе использования для украшения из серебра, сердолика, бирюзы, золота, рубина и других материалов, которые выполняли в costume, помимо декоративной, охранную функцию, играли роль оберегов» [сыл. на С.Н. Шитова. Башкирская народная одежда. Уфа. 1995, с. 9]. Стоит отметить также серебряные браслеты, которые являлись обязательным элементом в женском наряде кар.-балк., кум., и ногайском народе *блезик//билезик//буунлукъ* ‘браслет’. У карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев женские украшения передавались от матери к дочери, к ним относились очень бережно. Женские украшения, как и другие элементы культуры, тесно связаны с историей народа и отражают исторические взаимосвязи. В этнографических исследованиях наименования украшений делятся на четыре группы: головные *окъа берк* ‘шапочка’, *сырга* ‘серьги’; шейные украшения *мынчак//мунчак* ‘бусы’, *шынджыр* ‘цепочка’; украшения рук *джюзукъ//юзукъ* ‘кольцо’, украшения одежды *кямар//белибау* ‘пояс’. Все эти термины зафиксированы в древнетюркском словаре. Украшения подобного типа были распространены далеко не у всех народов. К примеру, в академическом издании «Истории Кабарды» написано: «Кольца и серьги у кабардинских женщин не получили распространения, а ожерелья и другие шейные украшения в XVIII в., видимо, вообще

отсутствовали. Исключение составляли цепочки из серебра, золота или золотых ниток, которые, впрочем, носили лишь немногие» [95, с. 91–92]. Мы должны констатировать еще один факт, серебряные пояса отсутствуют на всех ранних изображениях кабардинок, черкешенок и осетинок. Серебряный пояс слишком яркий элемент, контурно выделяемый на женской одежде, и его невозможно было не заметить. Скорее всего, это связано с их поздним распространением на Северном Кавказе. Ранние пояса имели матерчатую и кожаную основу, на которую прикреплялись серебряные бляшки, позже пояса стали изготавливать из отдельно соединенных серебряных пластинок. При этом следует отметить, женские пояса были очень разнообразны, кроме вышеупомянутых встречаются образцы, состоящие из двух массивных серебряных полудуг, скрепленные между собой матерчатой основой, наборные состоящие из множества отсеков, нанизанных на кожаную основу. Е.Н. Студенецкая полагает, что: «Из Закавказья к осетинам, карачаевцам и балкарцам проник широко распространенный персидский термин *кямар//камари*, относимый к женскому серебряному поясу» [190, с. 274].

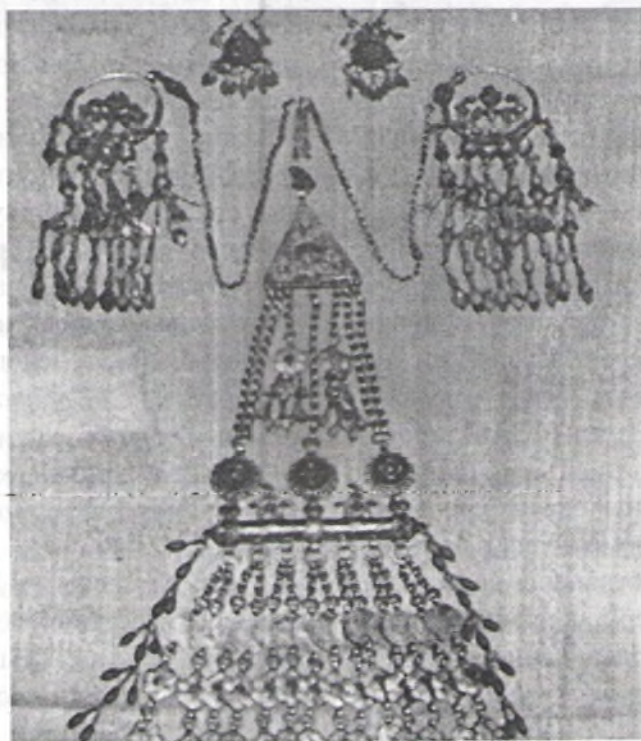
Мы согласны с Е.Н. Студенецкой, поскольку известны пояса, изготовленные в Тифлисе, Баку и Крыму. Но на наш взгляд, все же основными поставщиками ювелирных изделий на Северном Кавказе являлись дагестанские мастера. Отходничество было ши-

роко развито в регионе, причем мастера брали заказы на вкусы заказчиков, а через некоторое время привозили уже готовые изделия. Это подтверждается орнаментальными элементами, характерными для тюркских народов. Многие из этих мастеров оседали и открывали свои мастерские в Осетии, Карачае, Балкарии и на Западном Кавказе. На наш взгляд, широкий серебряный пояс – это еще один случай заимствования мужского эле-

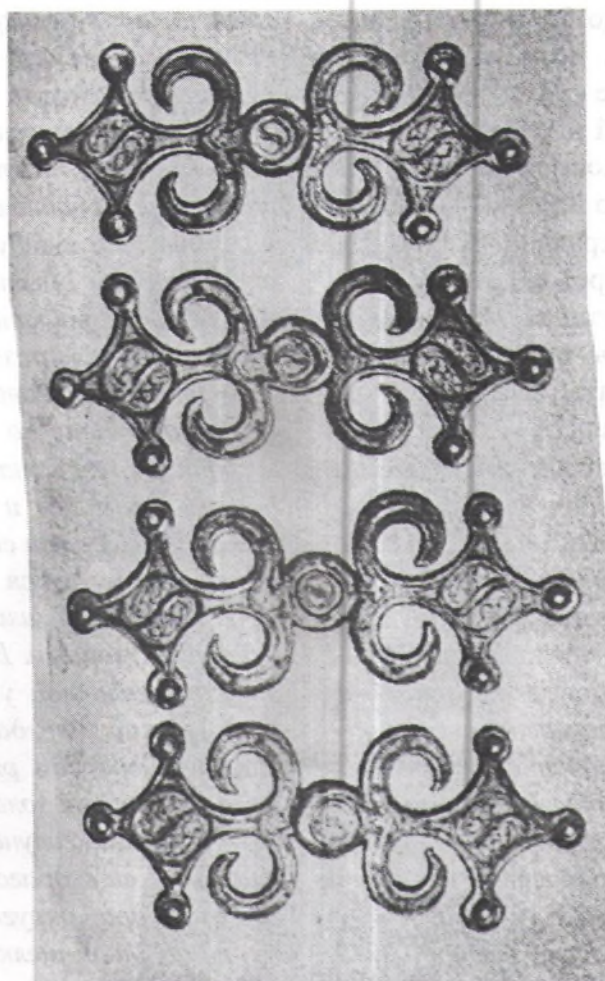
мента одежды женщинами. Наиболее ранние северокавказские женские пояса были наборные, но в отличие от мужских, они были более широкие. Этот тип поясов *кямар* у гагаузов считается мужским охотничьим поясом, грузины также считали его мужским поясом. В этом плане казахские и киргизские национальные мужские пояса по своей форме практически не отличаются от ранних женских поясов народов Кавказа.

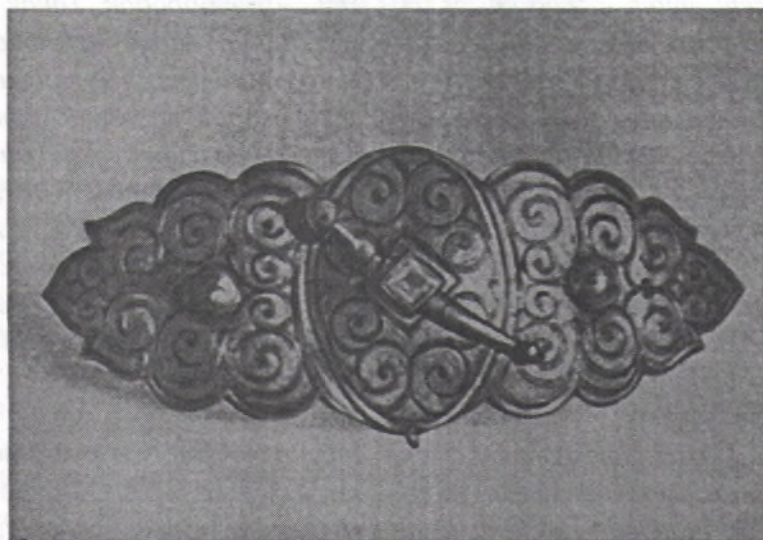
Ил. 56. Къалкъанлы боюнлукъ – ожерелье с изображением щитов.

Ил. 57. Ёшюнлук – нагрудное украшение.

Ил. 58. Мюйюзлю ёшонлюк – нагрудное украшение с изображением рогов тура.

Ил. 59. Къамалы айыл – пряжка женского пояса с кинжалом.

4. Женская рубашка

В своей основе женская одежда и по наименованиям, и по покрою почти не отличается от мужской одежды, но благодаря харак-

теру тканей, орнаментной отделке и украшениям кажется столь непохожей на нее. Женские костюмы народов Северного Кавказа

сохраняют в себе гораздо больше черт самобытности, чем мужские. Возможно, это связано в большей степени с замкнутым образом жизни горянок. При всей идентичности мужской одежды, женский костюм, особенно на горной части Восточного Кавказа, сильно отличался от аналогов центральной части. Даже у близкородственных народов балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев название платья различны *джыйрыкъ*, *чепкен*, *къавалай*, *шыба* при одинаковом крое, фасоне и украшениях. В состав кар.-балк., кум., ног. женского костюма вошли те же элементы, что и в мужской: рубашка нательная, штаны с ромбовидным клином, бешмет и платье. Нательная рубашка одинакова с рубашками народов Средней Азии (туникообразная форма).

Приведем описание одежды карачаевской женщины В.Я. Тепцовым: «Карачаевская красавица может похвастаться тонкой, красивой, точно выточенной талией. В телосложении ее замечается большой изъём — это плоская, как доска, грудь. Для девушек, по старым обычаям, считается большим неприличием иметь развитые груди, рост их поэтому задерживается искусственно. С 12 лет, т.е. с периода, когда начинают развиваться грудные железы у женщин, девушкам надевают кожаный корсет и снимают его в день свадьбы. Корсет этот вырабатывает талию, но искажает грудь. Нарядный костюм горской девицы состоит в следующем: обыкновенного покроя платье с пришитым лифом, который застегивается на груди наподобие мужского чекменя; рукава у платья узкие и оканчиваются у запястья; платье из шелковой материи розового или голубого цвета; оно по длине достигает только; из-под платья видны узкие, обыкновенно синего или красного цвета штаны, заправленные в желтые сафьяновые чукьяки с узким, загнутым кверху носками. Талия перехватывается богатым широким поясом с коваными украшениями с красивой резьбой, пряжками и бляхами. На поясе от 2 до 5 фунт. серебра; стоимость его от 100 до 500 рублей и дороже, когда к украшениям прибавляются драгоценные камни и золото. Сверх платья надевается еще одна одежда, покроем своим напоминающая мужскую черкеску или бешмет. Полы женского бешмета открывают под углом перед платья, а лиф его застегива-

ется на один-два крючка выше пояса и открывает далее всю грудь. Довольно широкие рукава женского бешмета оканчиваются громадным разрезным, округленным на концах обшлагом, достигающим до пола. Рука теряется в обшлаге, потому что приличная поза девушки требует опущенных рук. Женский бешмет обыкновенно пестрит красками. Обшлаг делается обыкновенно из желтых, голубых и розовых полос атласа; сам бешмет из шелковой материи белого или желтого цвета; по бокам бешмета иногда делаются узкие вставки из цветного атласа. Обшлаг бешмета и края его обшиваются часто золотым или серебряным галуном. Под бешмет надевается нередко ярко-красного цвета шелковый или атласный нагрудник, расшитый узорами. Всего же замечательнее парадный головной убор. На голову надевается высокий (иногда в $\frac{1}{2}$ арш.) цилиндр, украшенный спереди рядами монет, побрякушек и расшитый золотом и серебром полосками, а также галунами; полоски иногда украшаются еще драгоценными камнями. Поверх цилиндра, округленного сверху, повязывается большой шелковый платок таким образом, чтобы передняя сторона его была открыта. Платок иногда заменяется белым газом. Как платок, так и газ скрывают часть лица и подбородок. Таков парадный костюм. Домашний наряд исключает бешмет и цилиндр и шьется из простых ситцев. Карачаевки особой повязкой скрывают подбородок и щеки. Девушки в Урусбии и в Чегеме ходят с открытым лицом» [219, с. 79–80]. «Все горянки в XIX в. и в начале XX в. носили рубаху туникообразного покроя с разрезом на груди и маленьким стоячим воротником, застегивавшимся на пуговицу» [190, с. 154]. У карачаевцев и балкарцев она называлась *тиширюу келёк/огъары джан* ‘женская рубаха’// ‘верхняя часть’. В отличие от мужской рубахи, женская была длиннее и спускалась ниже колен. Их старались шить из нарядных тканей, так как воротник, передний разрез выглядывал из-под платья. Поверх рубахи обязательно надевали еще платье или кафтанчик. Без платья, в одной рубахе, могли находиться только пожилые женщины у себя дома. Название штанов и рубашки совпадает с терминами мужских аналогов, поэтому мы не будем затрагивать эту тему.

Ил. 60. Оюу кёлек – рубашка с длинными манжетами.

А.Я. Кузнецова полагает, что формы покроя карачаево-балкарской распашной женской одежды каптал «имеют сходство в покрое с башкирскими бешметами или «камзулами» казанских татар, но по системе украшения металлическими застежками они гораздо ближе связываются с чисто местными, древнекавказскими корнями» [120, с. 111]. Поверх кафтанчика надевалась верхняя распашная одежда чепкен//джыйрыкъ – платье. Женское платье в отличие от чепкена, было очень длинным и отличалось покроем рукавов. Шилось платье из более тонкой материи, чем кафтанчик, форма платья повторяла формы кафтанчика. Праздничные функции платье-чепкена выявлялись за счет нарядной ткани и богатой отделки вышивкой. Как отмечал Л.И. Лавров: «Карачаевские и

балкарские платья выделялись монументальностью и массивностью вышивки, преобладанием золотых нитей в шитье над серебряными. Нарядные платья шили чаще всего из бархата – темно-красного, реже зеленого, синего цветов или из плотного шелка – гладкого или с жаккардовым узором» [132, с. 168]. По мнению А.Я. Кузнецовой, обычай ношения штанов женщинами, укрепившийся у всех мусульманских народов, своим появлением связывается с древним кочевым бытом тюркских народов. Это можно рассмотреть на половецких женских статуях, наличие шаровар и обычай их ношения [120, с. 110]. По описанию Я. Стрейса (XVII в.), женщины у «черкесских татар, те которые хотят показать, что они не из протонародья, носят узкие штаны, доходящие до икр или до кос-

точки, поверх они надевают две одежды без рукавов, плотно обтягивающие тело» [188, с. 215]. Распашную, длиннополую верхнюю одежду носили печенежские и половецкие женщины. Это довольно четко изображается на каменных стелах. Подолы и рукава украшались различным орнаментом. Многие этнографы, в том числе П.С. Уварова, А.Я. Кузнецова, Е.Н. Студенецкая, З.В. Доде, отмечают преемственную связь женской кавказской одежды XIX в. с формами женского костюма тюркских народов средневековья (XIV в.). «Горский женский костюм, в котором прослеживаются различные древние следы, в основе своей глубоко традиционен, сохраняет свои элементы почти без изменений. Довольно длинная распашная верхняя одежда

(прототип беешмета) надевалась поверх рубашки и шаровар, как видно по рисункам XVIII века. По изображениям черкесских и ногойских девушек можно определить, что кафтан носился без пояса» [78, с. 110]. Не отражают основных элементов женского костюма народов Северного Кавказа рисунки А. Олеария «типы черкесов» (XVII в.). В более поздних изображениях кабардинки в книге Иогана-Готтлиба Георгия (конец XVIII века), распашная одежда и вовсе отсутствует, нет шаровар, нагрудника и пояса. Только в XIX в. на гравюрах черкесов стали появляться нагрудники и пояса. Наиболее убедительно аргументировал происхождение нагрудных украшений в женском костюме народов Северного Кавказа Л.И. Лавров.

Ил. 61. Типы черкесов. Гравюра XVII в. (Из книги Адама Олеария).

Ил. 62. 1.Аба тон – женская шуба с накидкой; 2.Аба жыйрыкь – рубашка с накидкой

Ил. 63. Сымарлау – платье, расшитое галунами.

Ил. 64. Кабардинка и кабардинец. Гравюры XVIII в.
 (Из книги И.-Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», СПб., 1799)
 Головной убор типичный тюркский.

«С 10–12 лет на девушку поверх рубахи надевали кафтанчик (*кар.-балк.*, – *Б.Н.*), по покрою повторяющий мужской бешмет. Очень интересно его наименование *кюбетюб*. Кюбе – кольчуга, тюб – низ. Перевод звучит как «подкольчужник», что явно указывает на мужское назначение подобного кафтанчика. Возможно, мужской бешмет имел в прошлом варианты, носившие подобное название, но забытое после выхода с обихода кольчуг. Женский кафтанчик, прежде именовавшийся так только по аналогии, сохранил старое название. У балкарцев эта часть одежды называлась просто *чубур*, т.е. «короткий», или *чуба*. Кафтанчик надевали под платье, которое было распашным от талии книзу и открытым на груди, как черкеска. В разрезе платья были видны полы кафтанчика. На груди кафтанчика нашивались серебряные застёжки (*тюйме*), располагавшиеся параллельными рядами от ворот до талии. Об этом пишет Э. Челеби: «*Девушки Тауистана одевают разные и разноцветные кафтаны, которые чуть затянуты*» [216, с. 206]. Из-под рукавов платья проглядывали нижние части рукавов кафта-

на. Поэтому полы кафтанчика и низ рукавов украшались галуном и вышивкой золотыми или серебряными нитками. Нарядные кафтанчики шили из бархата или плотного шелка, обычно из темно-красного или черного цвета. Постепенно те части кафтанчика, которые не были видны из-под платья (спину, верхнюю часть рукавов), стали делать из более дешевой ткани, а потом кафтанчик распался на отдельные части: воротник (*джага*), нагрудник (*тюйме* – бук.: «застежка»), полочки, висящие на пояске, и нарукавники от локтя до кисти. Таким образом, остались те части, которые были видны из-под платья. Все части украшались вышивкой. Однако у карачаевцев распадение кафтанчика наблюдалось реже» [132, с. 166–167].

На наш взгляд, распадания вовсе не было, во всяком случае у балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев, поскольку существуют факты, которые противоречат данной гипотезе. Нагрудник *ёшонлик* и *тюйме* имели разное предназначение. Нагрудник – это украшение, которое бытует у многих тюркских народов. Например, по форме нагрудни-

ки башкир, татар, туркмен и караимов не отличаются от кавказских аналогов, разница в их украшениях. По мере выхода женского кафтанчика из моды, его пуговицы перешли в ук-

рашение нагрудника. Это подтверждается этнографическими материалами, в нагрудниках более позднего периода элементы застежки отсутствуют, они просто имитируют пуговицы.

5. Нагрудник

Считается, что появление нагрудника как украшения связано с параллельными пуговицами кафтанчика, где они туго стягивали верхнюю часть кафтанчика и просматривались через открытый вырез платья. Этот тип продольных пуговиц отчетливо виден на некоторых половецких изваяниях (иллюстрации в конце книги), в более позднее время изображен в книге А. Олеария. Есть предположение, что через осевших в Венгрии асов и половцев эта форма пуговиц отразилась и в гусарском костюме. Как считает Л.И. Лавров, распадение кафтанчика повлекло за собой и изменения формы застежек – *тюйме*. Когда же они не стали отвечать своим функциям, стали появляться нагрудники, в конце XIX в., и особенно в начале XX в., вместо кафтанчика стали носить нагрудник. У народов Северного Кавказа нагрудник и его формы только имитировали нагрудную часть кафтанчика. Однако у карачаевцев и балкарцев этот тип застежек больше применялся по их прямому назначению, хотя были в быту и отдельно нагрудники *ёшонлюк*. Например, у татар Поволжья женщины тоже носили нагрудники: «Под платье замужние женщины надевали особый нагрудник «кюкрекчи», с вышивкой в средней части, видной через разрез ворота» [213, с. 176]. Происходит от общетюркского слова *кекрек*, *кюкрек* – «грудь». Есть описание этих предметов, собранных З.П. Валаевым по поручению Императора Александра III в 1907 году в горах Балкарии.

8029-ба-б. «Тюйме – застежка нагрудная (карачаево-балкарский язык) состоит из двух половин:

а) половина с петлей. Вытянутая, суженная книзу, серебряная литая пластинка, треугольная в сечении. На узком конце – полушаровидный выступ, на широком – овальная петля. Лицевая сторона украшена зернью и чернью. Петли пропускались через ткань и с левой стороны закреплялись шнурком;

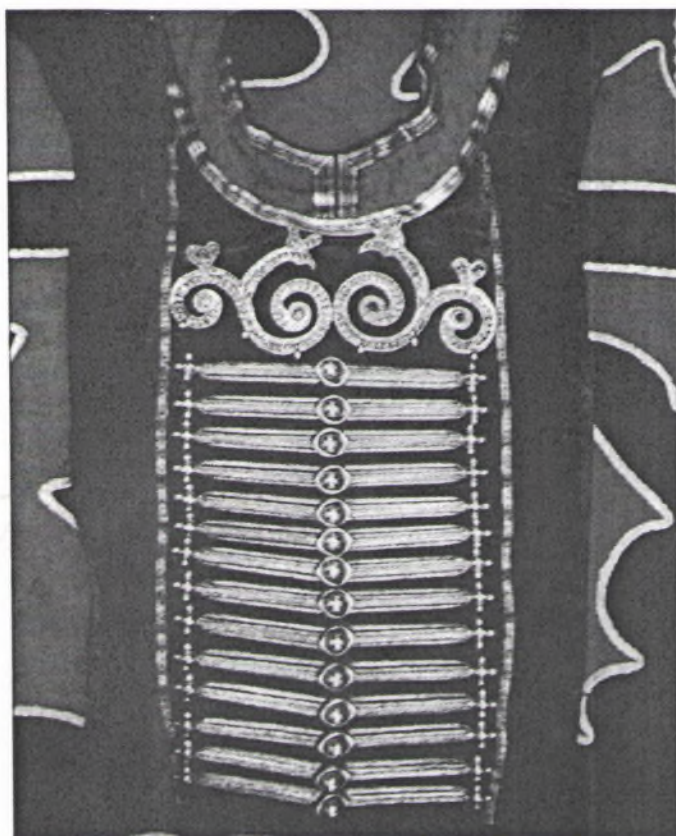
б) вторая половина тождественна первой, только вместо петли полушаровидный вы-

ступ, на который надевалась петля. Подобная система застегивания кафтанчика, но при нашивании на нагрудник они быстро расстегиваются. Петли нашивались параллельными рядами, количество которых доходило до 16 рядов. Сделана в XIX в.»

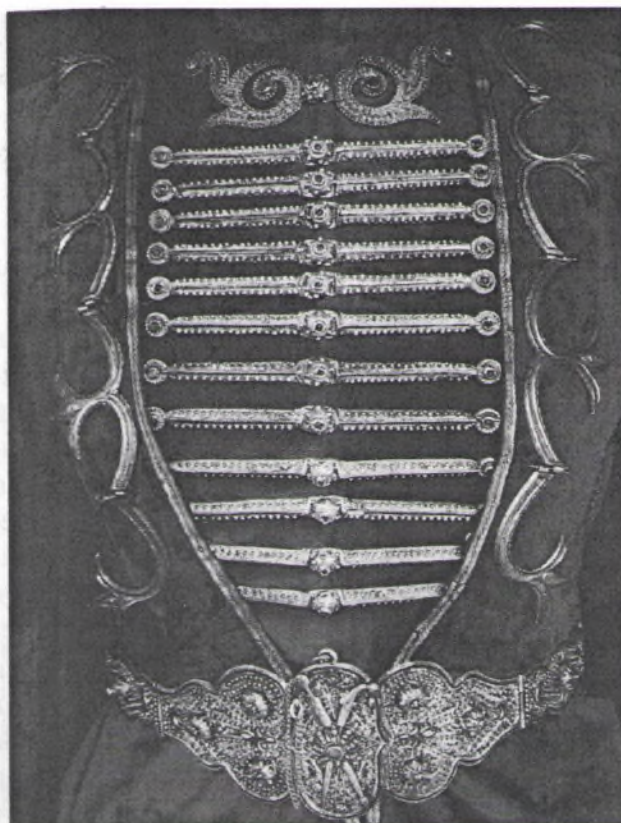
Большую коллекцию собрала во время экспедиции в 1970 г. по Балкарии Е.Н. Студенецкая, которая описывает как настоящие, так и имитационные экземпляры нагрудников (ценная коллекция была собрана в Балкарии Гардановым и Добрускиным в 1936 г., но после депортации балкарцев в 1944 г. судьба ее неизвестна).

«Тюйме – застежка нагрудная (кар.-балк. яз.) серебряная, цельная. Представляет собой имитацию застежки 8029-7аб. Цельная, литая пластина, суживающаяся к концам, с кружками, на узких концах украшенными красными стеклами, позолочена, украшена филигранью. Посередине – полушаровидный выступ с красным стеклом, имитирует застежку. С оборотной стороны четыре петли для пришивания. Подобные имитации появились в 1910 г., когда функция застежки была полностью утрачена».

Тюйме ‘пуговица’. Образовано от глагольной формы *туй-* ‘завязывать в узел’, *туйюмчек* ‘узелок’. Данное слово встречается в словаре М. Кашгарского *тюгди* ‘завязал в узел’. Как считает И.М. Отаров: «Название свидетельствует о том, что пуговицы делали из ниток и тонкой тесьмы. Последние назывались *тартма тюйме*, и употреблялись для застегивания бешметов и черкесок. Термин *туйме* в значении «пуговица» встречаем как в древнетюркских источниках, так и в современных тюркских языках: МК (II, 406) *тюгме* ‘пуговица, петля, завязка’, ТАС *тюгме*, СС *туйме*; к.-калп., каз., кирг. *туйме*, аз. *дуйме*, чуваш. *туйме*, якут. *тумех* ‘пуговица’» [98, с. 113–114]. Любопытно отметить, что термин *туйме* бытует в иранских языках, например перс. *догма* ‘пуговица’ [РПС, с. 742].

Ил. 65. Тюйме – нагрудник.

Ил. 66. Узун ильгик – нагрудник с длинными петлями.

Ил. 67. Токьмакьлы ёшюнлюк – нагрудник с шариками и гоша – узорный пояс.

Гон чуба 'кожаный корсет с деревянными планками', **чуба** 'матерчатый корсет' – своеобразный вид женской нательной одежды народов Северного Кавказа, который был распространен у балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин-дигорцев и адыгских народов. Большинство свидетельств указывает, что корсет носили в основном девушки высших сословий. Как известно, у каждого народа складывается свой идеал красоты. На Северном Кавказе эталоном женской красоты считалась стройная фигура, плоская грудь, тонкая талия. Например, в карачаево-балкарском эпосе, когда хотят подчеркнуть уродливость эмегенов, то их описывают следующим образом: «*Смотрит Алауган на одну эмегениу, которая перекинула за спину (огромные) груди, держа сито... Дочь ее была немного симпатичнее других эмегени: глаза ее были огромные, талия подобна стогу сена, живот – как огромный казан для варки бузы; руки и ноги как столбы и т.д.*» [99, с. 402]. Аналогичное сравнение мы находим в фольклоре башкир в цикле «Тулуайцы-ганийцы»: «*Была она очень безобразна: волосатая, с обвисшими грудями. Одну грудь она закинула за плечо, другой опоясала себя*»; у алтайцев и казахов: «*Повелитель царства мертвых – боже-ство Эрлик-бий у алтайцев напоминает казахскую албасты с длинными и большими грудями, которые она перекидывает через плечи*» [204, с. 40]. Следует отметить, сам крой и фасон традиционной кавказской одежды рассчитан на стройных, неполных людей. При этом, надо учитывать, что идеалом женской фигуры на Северном Кавказе считалась тонкая талия и плоская грудь. Поэтому, корсеты надевали девочкам в 10–13 лет, и носили они их до замужества. Н.А. Караулов в 1908 году писал о балкарцах: «*Груды девушек с 10 лет забинтовываются и не растут. Бинты, прочно зашитые, разрезаются женихом после свадьбы, но груди на всю жизнь остаются слабыми... Последнее время у крестьян замечается пренебрежение этим обычаем*» [105, с. 139]. Ф.К. Грове после поездки в Балкарию и Карачай написал следующее: «*Сначала меня поразило почти полное отсутствие на Кавказе полных людей; но когда я ознакомился с образом кавказской жизни, удивление мое исчезло*» [71, с. 60].

Е.Н. Студенецкая пишет: «Происхождение корсета остается пока неясным. Термин *кузшыбэ* в одной из кабардинских песен XIX в. сопровождается определением «андольская» (т.е. анатолийская – турецкая). Возможно он был занесен адыгами из Турции. Косвенным подтверждением этого служит то, что корсет существовал и у абхазов. Позднее у них появился тугой лиф с застежкой спереди. Его название *айлак* означает, что эта одежда «*трудно одеваемая и неудобноносимая*». Это название, видимо, относится к предшественнику такого лифа – корсету» [190, с. 45]. Слово *айлак* тюркского происхождения, встречается в словаре Э.В. Севортына «*айлак* – кбал., каз., кир., ккал., тат., баш., уз., уйг., алт., хак. и т.д. Вторичное значение, которого обрамляться» [ЭСТ, с. 110]. Г. Вамбери слово *айла* сопоставлял со значением 'гнуть, сжимать'. Карачаево-балкарское *гон чуба* сложное слово, состоит из двух лексем *гон/кон* 'кожа' + глагол *чу-* 'пеленать' (ср. *чулга-* 'пеленать, обертывать'), но второе значение *чубур* название любой короткой одежды; ног. *шыба* 'женское платье'. Данное слово встречается в словаре В.В. Радлова *чу* 'пеленка, обертка' (Tel.); *чубрак* 'полотенце' [III, с. 2164, 2203]. Важным аргументом, доказывающим древность карачаево-балкарского слова *чуба*, является гагаузская лексема, обозначающая бюстгальтер *чупак* 'верхняя часть платья, бюстгальтер' [ГРСМС, с. 697]. По мнению Г. Каранфил, в гагаузском языке название ранее бытовавшего корсета перешло на бюстгальтер и верхнюю часть платья.

Интерес представляет адыгейская терминология этого вида одежды *шьокаптан* 'корсет', в данном слове содержится тюркское слово *каптан* и адыг. *шьо*, которое не поддается этимологии. В кабардино-русском словаре с начальным «*шо*» всего девять слов, из них восемь русских, и одно тюркское – *шордакъ* 'балкон'. Очевидно, что начальное «*шо*» не свойственно адыгским языкам. Кабардинское *кузшыбэ* 'корсет', в адыгских языках этимология слова отсутствует, данное слово является тюркским заимствованием. Этот термин прозрачно примыкает к тюркской форме *куз/кон* 'выделанная кожа' + *шуба/чуба/шыбэ* 'корсет' ~ 'кожаный корсет'. При

заимствовании тюркских слов в кабардинском языке «ч» в начале слова переходит в «ш», ср. бал. *Чегем*, каб. *Шеджем*.

Осетинское название корсета *халын карц* 'кожаная шуба'. Данное слово встречается и у других тюркских народов: кирг. *чуба* 'шуба'; алт. *чуба* 'особая одежда вдовы'; уйг. *джуба* 'шуба'; тат. (диал) *чува* 'женская одежда из белого домотканого сукна'; перс. *джуба* 'широкий накидной халат'. На наш взгляд, это слово в осетинский язык попала в калькированной форме. В своем исследовании Г. Каранфил отмечает: «Слово в данной семантике и в данном фонетическом оформлении мы не обнаружили в турецком и туркменском языках. Предполагаем, что форма слова *чупак/чубак* является кыпчакским элементом, употребляющимся в гагаузском языке. Интересно отметить, что в чувашском языке *шубор* – «кафтанообразный верхний костюм женщин» [213, с. 166]. Как нам представляется, русское *шуба*, которое возводится М. Фасмером, М.Г. Рабиновичем, В.В. Радловым к арабскому [jubba] «верхняя одежда с длинными рукавами» [ФЭСРЯ, IV, 482], является неубедительным, ибо данное слово в иных фонетических оболочках встречается в тюркских языках. Для более полной убедительности монг. *цуув* 'накидка'; калм. *цуув* 'шуба', стар.-калм. *цууба* 'шинель, плащ'; бурят. *суба* 'плащ'. Приведем мнение М.Г. Ра-

биновича, где он пишет об одежде русских XIII–XVIII в.: «Сами названия дорогих материй, из которых шили эти туалеты, то западного, то восточного происхождения. Названия же подавляющего большинства предметов верхней одежды восточные: тюркские /турецкие, татарские/, иранские, арабские [178, с. 109]. Думается, что в славянские языки слово перешло посредством болгарского языка, ср. *чипак* 'короткое платье без рукавов' [БРС, 775]. Здесь становится ясно, что заимствованное в ряд славянских языков слово *чпак* является семантически сходным с гаг. *чупак* «бюстгальтер» и кар.-балк. *чуба* «кожаный корсет, лиф с деревянными косточками»; чув. *шубор* 'короткий кафтан'. Семантическую связь между славянскими значениями слова *чпак* «сумка, карман», а также гагаузского *чупак* «бюстгальтер», кар.-балк. *чуба* «кожаный корсет» и тюркскими значениями «шуба, халат, накидка, покрывало» следует считать расширением семантики данного слова. Все вышеприведенные значения объединяются под общим значением 'покрывало' [с. 63–65]. Анализ лексического материала выявляет, что все термины для обозначения корсета в адыго-абхазских языках являются ранними заимствованиями с тюркских языков, это дает нам основание считать, что данный вид одежды был ими заимствован у карачаевцев и балкарцев.

6. Орнамент

Орнаментальное искусство тюркских народов Северного Кавказа очень разнообразно – оно слагалось из разных орнаментов: геометрических (*ромб, треугольник*), растительных (*лепесток, дерево жизни*), животных (*бараны и олени рога*) и космологических (*солярные знаки, тамги и амулеты*). При этом, исходными мотивами для узоров являлись осмысленные и переработанные формы фауны и флоры, окружавшей их, но в стилизованной форме. В композиционном решении важную роль играло ритмическое соответствие силуэтов самих орнаментов и их фона. Характерной чертой является симметричное распределение силуэтов самих орнаментов по отношению к вертикальным осям. В вопросе эстетического решения костюма народ исхо-

дил из природной красоты материала, его формы и конструкции вещи. «Верхняя одежда из сукна (войлока) или овчины декорировалась в основном аппликациями из цветной кожи, сукна или нашивками из шерстяных шнуров, кистей. Одежда из тонких тканей украшалась, как правило, вышивкой, которая располагалась по линиям швов, краям, соединяя отдельные части в единое целое, подчеркивая красоту формы костюма и тела человека» [ИКНИИ, с. 19].

Вышивка производилась золотыми и серебряными нитками. Карачаево-балкарский орнамент, монументальный, крупный по формам; встречается редко и мелкомасштабный, который и в этом случае не измельчен до мелкой вязи, как это бывает в арабских

или персидских узорах. Большинство орнаментов построено на комбинации различных выпуклых и вогнутых линий, симметрически расположенных стилизованных изображений бараньего и оленьего рога. Этот орнамент присутствует на бляшках из Белореченских курганах. На средневековых женских статуях верхняя одежда украшена орнаментом – особенно выразительно на обеих болах вниз от пояса и на рукавах. С.А. Плетнева считала, что половецкие статуи украшены вышивкой [172, с. 211]. Декоративная вышивка золотыми и серебряными нитками берет свое начало от аппликаций кожей, войлоком и т.д. На кожаную аппликацию, свойственную одежде пастушеских племен, указывает К.А. Берладина [34, с. 124]. Украшения в виде золотого шитья, а также золоченной кожи, позолоченных бляшек, имели распространение в аланской одежде, на что указывают в своих работах Т.Д. Равдоникас и З.В. Доде.

Орнаментально-декоративное искусство всегда возникает на национальной почве, имеет свою родину и паспортизацию, поскольку является выражением художественного чувства народа, и язык его понятен народу, который создал его. Если языковые заимствования определяются созвучием слов, то заимствованный орнамент выявляется по его изображению (составляющих элементов). Стоит обратить внимание на основные элементы орнаментов народов Северного Кавказа и сравнить их с аналогами тюркских народов Евразии. Столь масштабных случайных сплетений в декоративно-художественном искусстве не бывает. Возникает вопрос, кто является «донором». Дело в том, что традиционный орнамент этноса имеет очень устойчивую форму, он сохраняется без изменений веками. К примеру, греческий или арабский, разве их можно спутать с орнаментами других народов. Так и тюркский канонический орнамент выделяется из любого фона. В связи с этим приведем авторитетное мнение А.Я. Кузнецовой: «Вывод о том, что техника золотого шитья «вприкреп» произошла от аппликации, высказалась еще Е. Студенецкая в работе об украшении кабардинской одежды» [108, с. 172]. Правда, подтвердить это положение фактическим материалом из адыгского народного искусства оказалось весьма затруднительно, поэтому за примерами

ей приходилось обращаться к соседним народам – к балкарцам и карачаевцам.

В самом деле, в народном декоративно-прикладном искусстве именно этих народов обнаруживается гораздо больше данных, свидетельствующих о генетической преемственности золотого шитья от техники аппликации. Именно у тюркоязычных карачаевцев и балкарцев аппликация до сих пор имеет такое широкое распространение в войлочном ковровом производстве. Нет ничего удивительного и в том, что в карачаево-балкарском женском костюме сохранился древнейший способ украшения платьев металлическими бляхами, и во многом определил развитие стиля и декоративного убранства их одежды.

По характеру орнаментики золотого шитья карачаевской и балкарской женской одежды можно легко угадывать в его первоисточках две техники – аппликацию и металлические пластинки, разные как по художественно-стилевым особенностям, так и по времени их зарождения. На этой основе и зарождалась характерная для национальной вышивки техника золотого шитья «вприкреп». Эта техника шитья создавалась путем накладывания металлических нитей на высокую нитяную основу – подкладку. Полученная таким способом вышивка имела почти объемную рельефность, сохраняла сходство с литыми металлическими фигурками. Золотые нити в шитье накладывались плотными рядами, скреплялись тонкой шелковой ниточкой. Готовая деталь, срезанная с ткани, на которую она вшивалась, еще приклеивалась с изнанки клеем, что придавало ей не только прочность, но и монолитность. Для выявления металлического блеска вышитой фигуры ее специально приглаживали костяным скребком. И только после этого вышивку пришивали на назначенное в одежде ей место и обшивали ее сутажом» [с. 125, 126].

На наш взгляд Е.Н. Студенецкая прекрасно знала, откуда эта технология была заимствована, как и основные мотивы кабардинских орнаментов, но в выводах точно Я.А. Кузнецова. *«Общий характер украшений женской одежды вытекает из тех же художественных истоков, что и формы других видов народного искусства Балкарии и Карачая, например, ковроделия и резьбы по камню, где также наглядно просматриваются*

две главные культурные струи – степная кочевническая и местная кавказская. Они слились воедино в формах костюма, но сохранили свои отличительные особенности в его украшениях. Если металлическими украшениями, например, нагрудным застежкам и подвесным «погремушками» и т.д. находят аналогии в древних кавказских культурах, то в элементах золотого шитья, в тесной преемственности аппликационной техники, истинно степной в своей основе, угадываются традиции кочевых культур. Многие орнаментальные образы золотого шитья под-

тверждают тюркскую линию влияний: часто повторяются многие мотивы войлочных ковров, которые наиболее полно отражают общие принципы развития национального орнамента» [120, с. 132]. Дж. М. Роджерс отмечает: «Обзор XI–XIII был бы не полным без упоминания так называемого «звериного стиля», который, по общепринятому мнению, распространился на запад главным образом в результате больших тюркских вторжений. Конечно, не может быть сомнений в том, что «звериный стиль» играл важную роль в декоре при тюркских династиях [158, с. 257].

Ил. 68. Балкарки на танцах в с. Тёбенэль (Бизинги, Балкария). Фото Н.А. Буша. Нач. XX в. (Печатается по кн.: Женщины Кавказа. М., 2008)

Ил. 69. Балкарки, с. Верхняя Балкария. Конец XIX в.

Ил. 70. Балкарки. Первая пол. XX в.

7. Распашное платье

Терминология, связанная с верхней женской одеждой типа платье-чепкен, в основном исконная у народов Северного Кавказа, но имеются и исключения. Кум. *к̄авалай* 'вид праздничной национальной одежды, разновидность женского платья'. В кар.-балк. яз. этот термин отсутствует, но есть производное слово *к̄абларык̄ кийим* 'одежда'; *к̄аблау*, *каплау* 'набросить, одеть, накинуть на себя одежду'; лак. *к̄авалай* 'название верхней одежды – шубы, овчинки, пальто и т.д.'; лезг. *кавал* 'тулуп с длинными суженными книзу рукавами'; ав. *х̄абалау* 'верхняя женская одежда' [77, с. 116]. В фонетике тюркских языков кипчакской группы буква «в» вообще отсутствует, кум. *к̄авалай* должно было иметь форму *к̄абалай*, звук «в» связано с влиянием огузских диалектов тюркского языка на кумыкский. В этой связи следует сравнить грузинское название платья *каба*; осет. *к̄аба*, чеч. *Габали*. Учитывая тюркский корень *каб/кан/кен* (как и с огузским «г») сказывается кумыкское влияние на название этой одежды. В балкарском языке женское платье *жыйрык̄*, *джыйрык̄*, *зыйрык̄*. В древнетюркском *ji* 'шов, сцепление'; *ton jigi tik* 'шей одежду частным швом'

(ДТС). Карачаево-балкарское название, скорее всего, образовалось глагольной формы *джий* 'сборка, гофре', 'сжимать', 'собирать', эквивалентное слово сохранилась в кумыкском разговорном языке в форме *жыйрылмак̄* 'сморщиться (об одежде); ног. *йыйрык̄* 'морщина, складка'. В кумыкском языке *бюрюшме капот* 'платье с оборками'. Данное слово представлено в лакском языке как заимствование из тюркских языков *жиг*, *жигу* 'складка, морщина, сборка, наметанная ниткой, шов на одежде со сборкой' [77, с. 52]. К этой основе примыкает каз. *джыйыр* 'сжимать, сморщивать', *джий*, *джи* 'собираться' [СР. IV, 1, 115]. В аз. языке существует синоним этого слова *бузма(а)* 'сборка, гофре на одежде'. В лак. *бузма* 'платье', 'женская парчовая (или из другого материала) одежда, надеваемая поверх платья'; лезг. *бузьме* 'складки одежды, гофрировка' [77, с. 114]. Любопытно отметить, что в лакском языке сохранился синоним тюркского слова сборка – *zigi* 'сборка на платье, юбке', ср. кар.-балк. *угу джугу* (диал. *зугу*) 'сморщенный, помятый'. В заключение, отметим, что многие виды традиционного женского платья башкир, казахов, каракалпаков и киргизов имеет оборки.

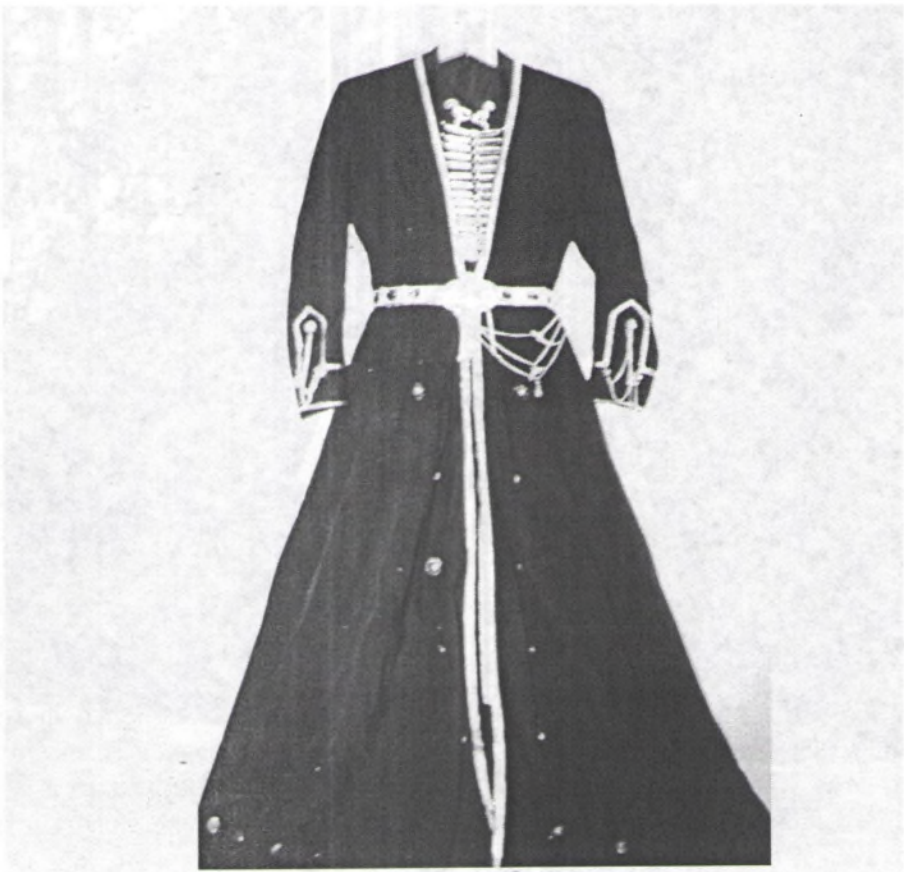
Ил. 71. Герхана – парчовое платье.

Ил. 72. Кюбе жыйрыкъ – платье-«кольчуга».

Ил. 73. Шештан жыйрыкъ – короткое платье.

Ил. 74. Платье карачаевки из Турции.

Ил. 75. Къол чапракълы жыйрыкъ – платье с нарукавниками.

Ил. 76. Балкарки. Конец XIX–нач. XX вв.

Ил. 77. Узун чапракълы жыйрыкъ – платье с длинными рукавниками.

Ил. 78. Къысха чапракълы жыйрыкъ – платье с короткими рукавниками.

Ил. 79. Сууичмез – обрядовое пестрое платье.

Ил. 80. Къбатапа жыйрыкъ – бархатное платье.

Ил. 81. Чепкенли жыйрыкъ – шерстяное платье.

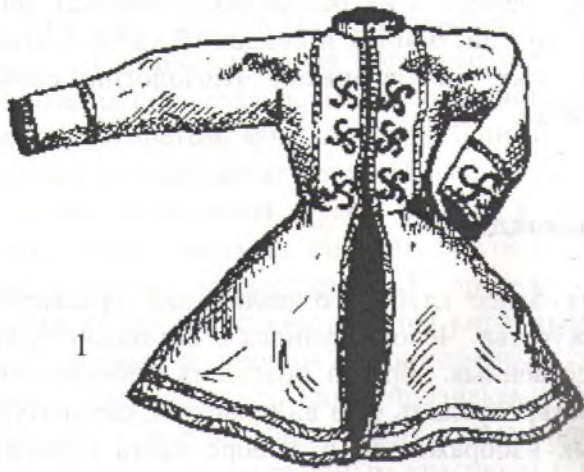

Ил. 82. Деталь платья – рукава «чапракъла».

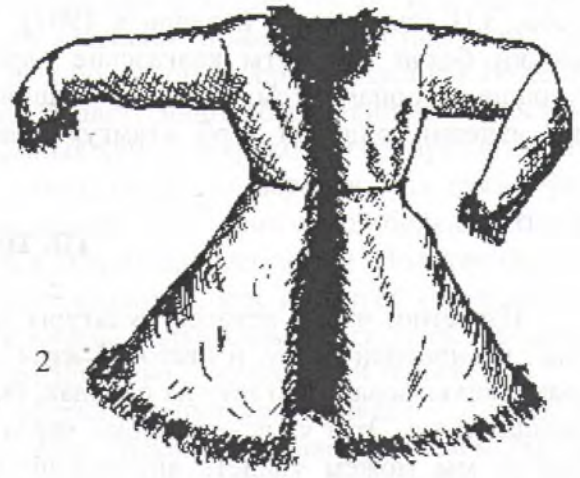
8. Каптал

Следующим комплектом верхней распашной одежды женщин, в особенности характерной для кар., балк., кум., ног. является *каптал*, стеганный на вате. Он также повторял покрой черкески, но довольно часто шился с коротким до локтя рукавом. Л.И. Лавров пишет: «Каптал шили чаще всего из плотной шелковой или бумажной ткани, на ситцевой подкладке, он подстегивался вертикальными полосами на расстоянии двух-трех сантиметров друг от друга. Капталы такого типа имелись и у кабардинцев, но, видимо, из-за более сурового климата горных районов, в Карачае, как и в Балкарии, они были распространены гораздо шире. Девушки капталов не носили. Каптал молодых замужних женщин был довольно ярких цветов, чаще всего

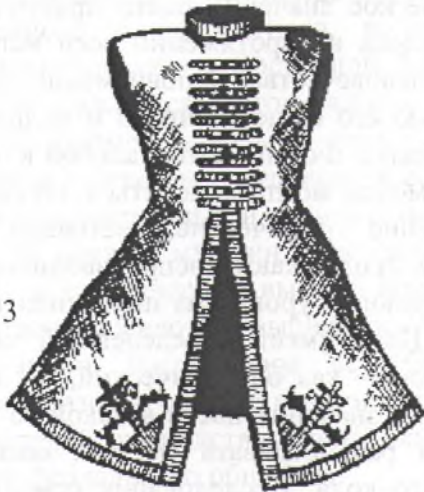
красного разных оттенков, украшали галуном и вышивками. Надевали поверх платья или вместо платья. Каптал молодой женщины делался открытым на груди, и из-под него видны были застежки – *тюйме*. Женщины среднего возраста носили каптал черного цвета с длинными рукавами, закрытой грудью, вырезом на шее. От ворот до талии шла застежка на круглые серебряные пуговицы» [132, с. 168–169]. Кавказский каптал отличался от среднеазиатских женских, стеганых халатов лишь формой кроя и фасоном. Края подола и рукавов у стеганых капталов подбивались шкурками диких животных: белки или куницы. Название этого вида распашной одежды присутствует у всех народов Северного Кавказа в тюркской транскрипции – *каптал*.

1

2

3

4

Ил. 83. 1. Кюнлю к'аптал – солнечный бешмет (знак солнца); 2. Тонлу к'аптал – бешмет шуба; 3. Умай бийче – (покровительница материнства) безрукавка умай; 4. Гомалар – бешмет дочери Апсаты.

9. Сумочка, кисет

Кум. *бок'ча* 1) матерчатая сумочка (для ножниц, ниток, иголок и т.д.); 2) 'конверт' (КРС). Кар.-балк., ног. *бохча/бочха* 'матерчатая сумочка, кожаный кошелек'; аз. *бог'ча* 'сверток' (АЗРС); каз. *букча//бокча* 'кожаная сумка' [СР, IV, с. 1804]; чечн., инг. *бохча* 'сумка для принадлежностей, бумажник'; каб. *бохча* 'кошелек'. Ав. *бухча* 1) женская сумочка из ткани; 2) шкатулка; 3) конверт; дарг. *мухча* 'чехол, конверт'; лезг. *бухча* 'одежда покойника, оставшаяся после его смерти'; кум. *кисе* 'карман, кисет'; кар.-балк. *кисе* 'кисет'; аз. *киса* 'карман'. В словаре В.В. Радлова встречается с пометкой Кгм., осм. *кёсё* 'мешок, кошелек, кисет, футляр для

часов или гребня', каз. *киса, кисмек* 'карман, кадка, кадушка' [СР. 11, с. 1413–1414]. Лак. *киса* 'кошелек, кисет, карман'; ав., дарг., *киса* 'карман'; лезг. *кисе* 'кисет, кошелек' [77, с. 121]. Экспонат 1256–52. «Кисет, сшитый из вырезанных фигур мягкой замши малинового и зеленого цвета и шагреновой кожи темно-зеленого цвета; швы украшены узкой серебряной тесемочкой; с наружной стороны дна вышита серебряной нитью квадратная фигурка с четырьмя чашечками из серебряной нити на углах; верхний край обшит полосой лилового канауса; сдергивается черным шелковым шнурочком с серебряными кисточками на концах; размер 15/12 см»

(соб. З.П. Валеевым в Балкари в 1907). Сумочки *бохча* и кисеты кавказские народы украшали орнаментом, обычно, вышивали на изделии родовой герб «тамгу». Тамги

вышивались и на башлыках, ставились они на оружии, ремнях и седлах. В связи с этим мы уже рассматривали этимологию слова тамга.

10. Цвет и одежда

Известно, что у истоков культуры цвет был равноценен слову, и цветовой язык широко использовался во многих обрядах, быту, войнах и т.д. Этот язык – «глазок», через который мы можем увидеть внутренний мир человека, его мысли и чувства. Если для современного человека не всегда актуально соблюдение и знание цветовых канонов, в явной или скрытой форме, то в прежние времена были целые эпохи, когда цветовая символика считалась едва ли ни вторым языком общества. Один из древних внеязыковых способов общения имел чрезвычайно своеобразную область применения. К примеру, «сигналы флагами» известны были еще в глубокой древности – *«греческие, римские и карфагенские флотоводцы давали знать о своих намерениях судам своего флота, подымая в различных местах корабля флаги того или другого цвета»* [33, т. 58, с. 834]. Это условный способ выражать различные понятия и чувства посредством цветовой символики. Предметная символика была предысторией письма. Это наглядно представлено в таких видах индейского письма, как *вампум* и *кипу*. Раковинные бусы алкогинских и ирокезских племен представляли собой предметные цветные «записи». Специально изготовленные цветные шнуры и бусы выступали как зрительные средства общения. Особенно важна была символика цвета: *«белый цвет означал мир, здоровье, благополучие; черные бусы извещали о смерти вождя; низка красных бус извещала о войне»*. Пояса или перевязи были своеобразной летописью, договором и верительной грамотой. Историческим обществом Пенсильвании до сих пор сохраняется *вампум*, содержащий запись договора о земле Уильяма Пена с индейцами *лени* и *ленепе*, заключенный в 1682 году.

Цвет являлся одной из форм (естественного) языка, с помощью которого народы выражают философские и религиозные доктрины, в нем передается информация (подсказка)

для более глубокого понимания предметов искусства. Человек учился с помощью художественных образов познавать действительность, отражать ее в виде картин, скульптурных изображений, в выборе цвета одежды. Эти познания позволяют проникнуть в скрытые и существенные связи вещей и понятий. Символическое значения цвета практически не изменялось на протяжении всей истории развития человечества, одновременно становясь частью его общественного и индивидуального опыта. Формы материальной культуры со временем могли изменяться, но символы (особенно графические, цветовые) продолжали и продолжают воспроизводиться на подсознательном уровне из поколения в поколение. Цвет имеет определенный смысл для человека – как биологический, так и социальный, а значения цвета в какой-то мере позволяют рассматривать его как носителя этнического кода. Исследования семантических пространств на базе различных национальных языков показывают универсальность этого глубинного синтетического кода для представителей различных культур и народов. В процессе этногенеза человек усваивает выработанные культурой формы проявления восприятия цвета. Существует связь между феноменом предпочтения и отвержения цвета, в зависимости от психологического состояния человека. Следует отметить также взаимосвязь эмоции и цвета. Согласно колористике, начало которой положил немецкий поэт и ученый И.В. Гете, цветовая среда оказывает влияние на человеческий характер. Цвет обладает огромной смысловой насыщенностью, поэтому существует даже цветовая диагностика, по результатам которой можно узнать очень многое о народе.

Историкам известно, что этносы по-разному оценивают (смысл и значение) цвета, что отражает опыт индивидуума языка в системе выражаемых им значений, в разном видении «картины мира». Это различие наблю-

дается по оси север-юг, как и по широте восток-запад, причем число различаемых цветов у различных народов часто неодинаково. Самые общие смысловые ассоциации, связанные с цветом, обусловлены общими (для разных языков) артикуляционными и акустическими свойствами звуков. Однако в более конкретных, частных оценках наблюдаются значительные расхождения. К примеру, те цвета, которые русским кажутся «мрачными» или «теплыми», японцы воспринимают в связи с совершенно другими признаками. Например, у западноафриканских племен *панге* белый цвет считается самым красивым и одновременно «демоническим» цветом. Черный цвет для них является олицетворением всего страшного и неприятного, напротив, для племени *атхуабо* в Восточной Африке черный цвет является цветом радости. Приведем другой пример, «черный» цвет у тюркских народов – «*къара*» – включает в себя множество положительных и отрицательных значений. В одежде мужчин преобладал черный цвет, за исключением высшей аристократии. Жертвенное животное выбиралось только черного цвета. Эпитет «кара» встречается главным образом в составе имен и титулов представителей господствующего класса тюркского феодального общества.

Къара жер – земля, подземный мир, *къара чунгур* – могила, *къара ниет* – держать дурные мысли, *къара жюрекли* – завистник, *къара кийим* – траурная одежда (насл. христианства), *къара жыл* – тяжелые годы, *къара багана* – позорный столб. В то же время карачаево-балкарском народе походное знамя *кёнчекликъ* было черного цвета, *къара къазут* – священная война, *къара къама* – боевой кижал, *къара кюч* – физическая сила, *къара суу* – родник, *къара сыра* – пиво, *гара суу* (*огузизм*) – нарзан, *Къара Тенгиз* – великое море, *къара таныгъан* – грамотный и т.д.

«Белый» цвет у тюркских народов имеет положительное значение. Чистота белого цвета отождествлялась с человеческой душой «*ах*»; *ахым кетти* – душа ушла. В то же время являлась показателем социального статуса. На белой кошке провозглашали ханов, и белую одежду могли носить только знатные феодалы и незамужние девушки. В первом случае это означало знатность и избранность, а во втором – чистоту и непорочность.

«Золотой» (желтый) цвет у тюркских народов считался принадлежностью всех солярных богов, он воспринимался как божественный цвет. Золото было принадлежностью и земных ханов, широко фигурирует в мифах и в эпосе тюркских народов. Эта связь прослеживается в названии самой большой тюркской империи средневековья «Золотая Орда». Эпитет «золотой, как и эпитет «железный», в карачаево-балкарском эпосе является средством эпической идеализации героев.

«Красный, пурпурный цвет» – это любимый цвет греков и римлян, почитаем был и у древнерусских князей. Характерно, что в XVI–XVII вв. в одежде знати и простонародья было очень много красного цвета. Он широко распространен в украшении интерьеров. Красный воспринимался как прекрасный, веселый, радостный цвет, символ жизни, цвет молодости. Поэтому и название первого праздника воскресшей весны – «Красная горка» – связан с этим цветом. У русских «красный» приобрел значение цвета крови с XV–XVI вв. Он был унаследован от древнерусского слова «червленьный», так как красную краску добывали из насекомых-червенцов». Однако, такие слова как *краснобай*, *красно-речие*, *красно девица*, *долг платежом красен*, *ради красного словца* и т.д., указывают на старое, когда-то бывшее у слова *красный* значение «хороший», «красивый».

В балкаро-карачаевском героическом эпосе «Нарты» *Къызыл Фук* – «Красный Фук» или «краснобородый» – враг нартов-богатырей. Когда батыр Ёрюзбек убивает Красного Фука в его небесном жилище, на землю выпадает «*красный, кровавый дождь*». Далее встречается при описании внешности женщины-богатырки «*на красной, как медь, голове не было волос*». Красный цвет – цвет войны, гнева. Эпитет, употребляемый при описании врагов нартов. Однако наблюдаются и противоречия, в магии цвета есть поверье, что *красный цвет спасает от злых сил, болезни, дурного глаза, бед и несчастий*. Как и все живое на свете, народы тоже имеют возраст, и цвет имеет возрастную дифференциацию. В пору своей первобытной дикости люди уже могли распознавать цвета. Еще на заре человеческой цивилизации «гомо сапиенс» рисовали на скалах и посыпали умерших охрой. Первая попытка письма была ни чем

иным, как простым рисованием, эти изображения относятся к эпохе палеолита (примерно шестнадцать тыс. лет до нашей эры). В культуре ранних цивилизаций сложилась более устойчивая символика цветов, которая позволяла древнему человеку ориентироваться в реальности и являлась своеобразной «цветовой моделью» мироздания. Поскольку для древнего человека характерно было мифологическое мышление, цвет исполнял роль слова, обеспечивающего возможность его общения с богами. Возможно, живопись обязана своим возникновением необходимости запечатлеть наши мысли. Иногда цветовые вкусы народов менялись и дополнялись в связи процессами этнической ассимиляции, межэтнических контактов, миграций, сменой религии и ландшафтов. В этом случае наблюдается перенасыщенность цветовой гаммы у народа. В эпосе и древних эпических песнях тюркских народов наблюдается ярко контрастное сопоставление *белый – черный*. Наблюдается это и в тюркской ономастике, где имеется масса топонимов с компонентом *ак – кара*: *кара суу, кара чай, кара даг, караганда, кара кум, кара кобан, кара тенгиз, каракент* и т.д.; *аксуу, аксай, акмола; ак тенгиз, актюбинск, ахтуба* и т.д. Наряду с этим эта контрастность представлена в этнонимах тюркских народов: *белые хазары – черные хазары; белые гунны, черные болгары; черная Кумания; белая орда; ак ногай – кара ногай; карлуки, каракалпаки, карапапахы, каракиргизы, карачай, караимы, карабулаки* и т.д. В тюркской эстетической системе весь мир делится на два начала – черное и белое, как и стороны света – на север и юг, в то же время понятия «черный» и «белый» могут употребляются без прямой связи с традиционной символикой, как бытовая характеристика любого предмета. Столь же важно отметить, что эти два цвета присутствуют в личных именах *Каррабатыр, Карашауай, Карабуга, Кара* и т.д.; *Аксонкур, Акай, Аккуш, Акболат* и т.д. Сразу отметим, это вовсе не означает, что тюркские народы были дальтониками, находившимися на начальной стадии освоения цветовой действительности, на самом деле это есть ни что иное, как сложный синтез многих составных частей многообразной палитры для обозначения большого числа цветов, оттенков и метафор. Например, слово *кара* имеет более

пятидесяти различных значений, это является одним из опорных критериев совершенствования средств мировосприятия и мироведения.

Эпос является концентрированным отражением мировосприятия народом своего исторического прошлого. Многие сюжеты этого жанра – расплывчатые тени прошедших эпох. Однако по ним можно судить о традиционных вкусах и особенностях цветового восприятия его народом. В данном плане представляется весьма интересным рассмотреть колористику в карачаево-балкарском эпосе, где в основном доминируют два цвета *черный – белый*, эпизодически *золотой – серебряный*, и враждебный *красный*. Это характерная черта в видении мира многими тюркскими народами, связана с дуальностью восприятия мира, черно-белое, зло – добро, жадность – доброта, любовь – ненависть, честность – ложь, война – мир и т.д. В устнопоэтических произведениях тюркских народов представлены не все цвета, встречаемые в природе, но эффект достигается контрастом и множеством оттенков этих двух основных цветов. Мы согласны с В.А. Алафаевой которая пишет: «Если принять во внимание, что «черное-белое» восприятие – это только начальная ступень цветового освоения действительности, а сами эти 2 цвета есть ни что иное, как сложнейший синтез многих составных частей многообразной палитры, то введение обозначения большого числа цветов и оттенков способно стать одним из опорных критериев совершенствования средств мировосприятия и мироведения. Здесь уже есть основание говорить о цветовом восприятии как о показателе интеллектуального состояния всего общества» [Вестник. ИГИ № 13, Нальчик. 2006, с. 127]. Народная традиция обозначения цвета и его использование являются одной из частей общей культуры народа, тесно связана с историей, географической средой и эстетическими вкусами ее создателей. Например, в горном ландшафте Северного Кавказа доминируют два цвета – белый и черный, но с многочисленными оттенками, чего нельзя сказать о Западном Кавказе с его субтропическим климатом. Цветовая культура любого народа многофункциональна, по цвету одежды могли определить сословную принадлежность, статус, возраст,

профессию, какого он рода и племени. Для низших слоев всегда существовали строгие ограничения в выборе цвета сукна для пошива одежды. К примеру, арабы отдают предпочтение *белому, зеленому и черному* цвету; русские – *красному, белому, золотистому*; турки – *белому, черному и серому*; китайцы – *красному и желтому*; цыгане, индийские народы, как и латиноамериканцы, предпочитают яркие, пестрые цвета и т.д. Естественно, мы считаем некорректным признавать цветовые пристрастия какой-либо одной этнической группы более цивилизованными, нежели вкусы другой, поскольку разнообразие вкусов и традиционных предпочтений всегда исторически или ситуативно мотивированно. Исследователи достаточно хорошо объясняют восприятие цвета, проявляющее у разных народов, которые связаны с визуально воспринимаемыми объектами реального мира. Восприятие цветов национально окрашено, они неодинаковы у немца и венгра, англичанина и араба, у русского и китайца. Но у носителей языков, которые долгое время находились в тесном контакте, это согласие более сопоставимо.

Существует прямая связь с одеждой в предпочтении выбора цвета тем или иным народом. Традиционная мужская одежда народов Кавказа во многом однотипна, но имеются только цветовые приоритеты. В отличие от женской одежды, мужская имеет более строгое и регламентированное отношение к цвету и подбора колера, заключенного в систему строгого чувства меры и сдержанности. Однако вопреки этому мнению, есть и несоответствия этому правилу. Этико-эстетическая система у некоторых народов Кавказа в мужском костюме построена на приоритете яркого внешнего эффекта. Е.Н. Студенецкая в своих исследованиях отметила, что адыги в XVIII–XIX вв. делали черкески из покупного сукна разных цветов, «в том числе *желтого, голубого, красного, и украшали галунами, а иногда и вышивкой*» [190, с. 28]. В сведениях Р. Хатуев дополняет этот материал: «В карачаево-балкарской песне «Княгиня Даум», посвященной драматическим событиям первой половины XVIII в., говорится, что у убитого кабардинского князя Алисултана Шогенукова «*намekli кровью красные шелковые одежды*». В песне о кабардинском

князе Джамболате Атажукине, который был воспитанником карачаевца Чотчаева из Учкулана, имеются такие строки: «*У Джамбулата одежды из красного шелка*». [Известия КНИИ. № 5. Черкесск. 2009. с. 44]. Доминированию красного цвета у адыгов выявляется в рисунках Г. Гагарина, где часто встречаются красные черкески и ноговицы. По мнению Е.Н. Студенецкой, это относится и к осетинам: «*У осетин, как и у адыгов, черкески шили не только из серой и черной ткани, но из красной, синей, зеленой, золотисто-желтой, фиолетовой*» [190, с. 29]. У карачаевцев и балкарцев «*черкеска была, в основном, выходной и праздничной одеждой. Ее шили из домотканого сукна естественных цветов шерсти – черного, серого, белого и темно-коричневого, которые считались у них самыми любимыми цветами*» [132, с. 163]. Кумыки «*для изготовления верхней одежды употребляли домотканое шерстяное сукно черного, белого, серого и темно-синего цвета*» [4, с. 24]. Казаки предпочитали «*темно-синий, темно-бордовый и черный цвет*» [92]. Ногайцы – «*белый, черный, серый и темно-синий*». Чеченцы и ингуши – «*серый, черный и коричневый*». В отношении женской одежды И.Ю. Алироев отметил: «*Бешимет по преимуществу ярких цветов, ситцевые или бумажные красные, кожаные чукьяки*» [15, с. 122]. Е.Н. Студенецкая: «*Авторы отмечают, что одежда чеченских и ингушских женщин имела довольно яркую расцветку. Если рубаха и штаны чаще всего были красными, то платье могло быть голубым, зеленым, желтым*» [190, с. 51]. Это относится и к одежде карачаево-балкарских девушек, что отметил Грабовский после своей поездки к «горским татарам»: «*...что бросилось мне в глаза – это были пестрые костюмы девушек, состоявшие из цветных рубашек и шалвар, подвязанные внизу, у чукьяк; все это покрывал длинный бешимет с серебряными застежками на груди, а талию охватывал широкий пояс с массивными серебряными бляхами...*» [Грабовский, с. 76]. З.В. Доде пишет: «*Более сложная цветовая гамма характерна для женского костюма. У адыгских, карачаевских и балкарских женщин в одежде преобладали красный и черный цвета. Осетинки предпочитали пастельные тона (розовый, голубой, салатный, желтый), при*

этом красный как бы уходил на второй план. Вайнахские женщины носили одежду из пестрых тканей, отдавая предпочтение зеленой и коричневой гамме. Зеленый, синий, фиолетовый и коричневый цвета, наряду с яркими набивными тканями, свойственны костюму дагестанок. Кавказский костюм в разной степени вобрал в себя почти все составляющие цветового спектра. Традиционно преобладающие цвета мужской черкески – черный и коричневый – оживляли оранжевый, синий, зеленый и белый цвета деталей бешимета, ноговиц и башлыка». Интересно, что у многих народов Северного Кавказа слово «пестрый» в применении к одежде служило синонимом безвкусицы [191, с. 216]. В частности в карачаево-балкарском языке слово *къолан* – пестрый, синоним слова «помешанный» (заимст. каб. *колян* – пестрый). Следует отметить, что у многих народов цвет имеет возрастную и половую дифференциацию.

Женские национальные костюмы у народов Северного Кавказа, в отличие от мужского костюма, имели более существенные отличия, особенно это проявляется у народов Дагестана: аварцев, андийцев, табасаранцев и лезгин. Причем, это касается не только форм модели костюма, но и серебряных украшений, способов ношения платка и цветовой расцветки применяемых тканей. В целом материал, из которого изготавливалась одежда, и его расцветка у народов Северного Кавказа имели выраженные знаковые черты. Противопоставление белого и черного в карачаево-балкарском народе представляло идею изначального дуализма мира, состояние начального зарождения жизни на земле. Это наблюдается и в орхоно-тюркской версии сотворения мира: «Вначале было вверху голубое небо (*кёк Тенгри*), а внизу темная земля, а между ними появились сыны человеческие». В науке существует мнение, что ни в одном народе устные предания не способны сохраняться в течение 2 тыс. лет. Сравним теперь рунический текст с карачаево-балкарским эпосом «Нарты». Разница во времени 1,4 тысячи лет: «Когда Тейри сотворил голубое небо и черную землю, между ними появились нарты» [99, с. 51].

У тюркских народов понятие красоты связано с водой *суу* (что ближе к синему цвету);

суу сурат – писаная красавица; *суу уста* – знаток, умелец; *субай* – красивый, стройный, изящный. В то же время наблюдается связь с красным цветом в тюрк. слове «*къыз*» – сущ. «дева, молодая девушка, дочь» – отсюда и «красные половецкие девы», *къызыл* – красный/золото, *къыз* – «гнепись, гневаться, накаляться». Во многих языках зеленый цвет ассоциируется с юностью (ср. рус. «молодо зелено», «зеленый юнец», у немцев «зеленые овощи» – молодежь, у англичан «зеленая рука» – означает неопытного молодого человека, «зеленая лошадь» – означает молодую необъезженную лошадь). В тюркских языках существует прямая связь: *жаш* – сын, юноша, *жашчикъ* – мальчик, *жашиль* – зеленый, *жашлык* – молодость. Значение и смысл слова не утратили свою связь. Возможно, этот пример объясняет общность мышления человека, которое проявляется, несмотря на различия, существующие между языками. Хотя в индоевропейских языках наблюдается частичная или полная утрата этимологических связей у прилагательных, обозначающих различные цвета. В исторических хрониках половцев нередко именовали «голубыми всадниками», подобная форма упоминается и китайских источниках в более раннюю эпоху «голубые тюрки», «Синяя Орда», но в обоих случаях допущена синонимическая ошибка в переводе, правильно – «небесные всадники», «небесные тюрки». Синонимическая калька произошла с аристократической «голубой кровью». В большинстве тюркских народов высшей аристократической элите приписывалось небесное царственное происхождение «*кёк кан*» – небесный правитель, *кёк* – небо, *кан* (*хан*) – правитель. Но это слово имеет и другое значение – «голубая кровь», *кёк* – голубой, *кан* (*хан*) – кровь. Стоит ли объяснять, что голубой крови у людей не бывает, это результат ошибочного калькированного заимствования. В дальнейшем данная тюркская лексема проникла во многие языки народов мира. Изложенные нами материалы не исчерпывают всю тему, которую мы затронули. Цвет, вышивки, аппликации, украшения прошлых столетий, веками создававшиеся многими поколениями, доносят до нас первозданный колорит национального мировидения народов Кавказа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ лексического материала, связанного с одеждой народов Северного Кавказа говорит во-первых о том, что длительное общение этносов не проходит бесследно. Результаты контактов фиксируются в разных областях культуры, в языке, психике, менталитете, несомненно, оказывают влияние на культурные традиции взаимодействующих народов. В одних случаях такие влияния осуществляются как прямые заимствования компонентов культуры, которые со временем становятся стабильной традицией у заимствующего этноса. Одним из таких ярких заимствований оказалась именно эта лексика, связанная с традиционной одеждой и вооружением народов Кавказа. Во-вторых, оказывается, что тюркские племена оставили заметный след в этой лексике. Ряд названий одежды и обуви относится к древней эпохе этнолингвистических контактов. В результате нашего исследования мы приходим к выводу о том, что абсолютное большинство терминов (как и предметов) традиционной кавказской одежды тюркского происхождения. Тюркское влияние проникло и в духовную культуру народов Кавказа, например, в фольклор. Так, «горные рачинцы, ходившие на сезонные работы в Карачай, знали и исполняли карачаевские песни и сказки» [127, с. 203]. У балкарцев есть пословица: *«Песня пишется в Карачае, а поется в Балкарии»*, в начале XX в. у балкарцев и карачаевцев были популярны кумыкские песни. Особого внимания заслуживает «Нартский эпос» народов Северного Кавказа, хотя бы потому, что представляет собой распространенную устойчивую традицию. Большие совпадения можно наблюдать в вариантах, циклах почти каждого сказания, собранных у многих народов на Кавказе. К примеру, у различных народов Европы зарегистрировано около 20 вариантов сюжетов об ослеплении циклопа, причём 10 из них записаны на Кавказе. А в тюркском фольклоре зарегистрировано 38 вариантов, абсолютно схожих с сюжетом «Одиссеи», и 25 – связанных с великанами и циклопами в жанрах сказки и героического эпоса, (4 в монгольских мифах). Сохранились эти ска-

зания и у тюркских народов Кавказа (азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногайцев). Карачаево-балкарские варианты сохранились в более архаичной форме по причине позднего принятия их предками мусульманской религии (конец XVIII в.). В.Ф. Миллер подчёркивал: *«Тюркские народности играли значительную роль при распространении одних и тех же сказочных сюжетов на Кавказе»* («Экскурсы в область русского народного эпоса»). Он же делает обзор кавказских преданий о прикованных великанах и приходит к выводу, что из них вырос миф о Прометее. Х.Г. Короглы пишет: *«Следует особо заметить, в самом сказании «Шахнаме», касающемся героев-тюрков (так называет их сам Фирдоуси), многое заимствовано из древнетюркских сказаний, отголоски которых мы находим в ранних памятниках тюрков»*. В.М. Жирмунский отмечал: *«Эпос живой, еще поющийся и даже развивающийся в устной народной традиции, может служить ключом к пониманию эпоса античного и западноевропейского, дошедшего до нас только в классических письменных памятниках в большей или меньшей степени литературно обработанных»* [ЭТСН, с. 3]. Тюркские народы еще в глубокой древности создали два жанра сказаний: эпос и богатырскую сказку. И то, и другое ближе к мифологии, нежели к литературе, но именно так они воспринимали действительность и выражали свои чувства. Для тюркских народов мифология несла ту же функцию, что и литература. Эпос передавался из поколения в поколение, а песенно-повествовательная форма эпоса способствовала консервации содержания этого литературного жанра. *«Отголоски древних песен, создававшихся совместными творческими усилиями тюркских племен, отложились в памятниках древнетюркской енисейско-орхонской письменности»* [ЛВСВ, с. 321]. Это касается и «Нартского эпоса», где большинство личных имен персонажей имеют тюркское происхождение, что не отрицал даже И.В. Абаев. При этом, если полагаться на веские аргументы фольклористов: «Нартовские ска-

зания народов Кавказа восходят к скифской эпохе (на два тысячелетия более поздней, чем время ямной культуры)» [94, с. 42–48]. В выводах Ж. Дюмезиля и В.Ф. Миллера имеется один серьезный недостаток, нарисованная ими картина слишком статична. Между тем, всякое историческое явление можно правильно понять и описать, только изучая ее в динамике. Увлеченные поиском исторического следа индоевропейских народов на Кавказе, они часто желаемое выдавали за действительное. А между тем, суть астрологических легенд скифов, изложенных в легенде Геродота о происхождении царской власти в Скифии и о том, как с неба упали золотые предметы: плуг, ярем, бердыш и чаша, раскрываются только в тюркских языках. Это отмечал И.М. Мизиев: «До сих пор никто не смог обнаружить и увязать праобразы этих предметов в астронимах индоевропейских народов. Ведь прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать праобразы легендарных золотых предметов? По исследованиям балкарского фольклориста М.Ч. Джуртубаева созвездие Малой Медведицы балкарцы именуют *Мырыт Жулдузла* (в краткой форме: *Мырытла*). *Мырыт* – это ‘сошник’, ‘лемех’; возможно, прежде так назывался и сам плуг. Созвездие Ориона называется *Гида Жулдузла* (кратко *Гидала*). *Гида* – ‘боевой топор, бердыш’; так же называется небольшой топор с обоюдоострым лезвием. Подобные топоры – довольно частая находка в археологических памятниках скифов. Группу из семи созвездий Северной короны, напоминающей по своей форме и конфигурации чашу, балкарцы называют *Чемуч жулдузла* (или *Чемючле*). *Чемюч* ‘небольшая чаша’. У башкир, например, созвездие Большой Медведицы тоже связано с ковшом. Созвездие Весов балкарцы именуют *Бююнсала*, т.е. «созвездие Ярма»; *бююнса* ‘ярмо’. Таким образом, в астронимах балкарцев мы обнаруживаем пока что единственные небесные праобразы легендарных скифских святынь» [153, с. 67]. Следует отметить, что при этнокультурной атрибуции археологических культур важную область составляет то, что обычно называют «этнографической реальностью». Речь идет об изучении живых культур современного мира. Невозможно отрицать, что скифская культура имеет свое продолжение только в культуре тюрко-монгольских

народов. Как отмечал И.М. Мизиев: «Ретроспективное изучение традиционной культуры этих народов вновь ведет исследователей к культуре скифов. И здесь имеются в виду не отдельные черты, а весь без исключения этнокультурный комплекс: уклад ведения кочевого хозяйства, войлочные шатры, повозки и юрты, доение кобылиц, изготовление и употребление кумыса, конины, погребальные срубы, деревянные колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь, специфические обряды, обычаи, навыки и т.п. Попытки объяснить этот феномен ссылками на то, что ираноязычные кочевые племена с переходом на оседлый образ жизни потеряли необходимость продолжать развития элементов кочевой культуры, не проясняет ситуацию, потому что об этих элементах культуры, как отмечалось, не сохранилось следа даже в фольклоре и словарном фонде, например, у осетин, считающихся «прямыми потомками» скифов. Кроме того, и ныне известны кочевые ираноязычные племена в Афганистане, Иране, но и им чуждо употребление кумыса, конины, и коневодство вообще» [153, с. 39].

На наш взгляд, все выявленные заимствования можно классифицировать на несколько исторических эпох, в пластах которых заметны элементы гунно-булгарских, огузских и кипчакских диалектов. При этом, следует отметить, что языковая ситуация имела одностороннее направление, при которой билингвами были народы Северного Кавказа. Есть мнение, что билингвология, как особый раздел языкознания, до сих пор находится в стадии становления. А между тем лингвисты путем наблюдений за речью двуязычных людей могли бы выявить сравнительно многое, что дается с большим трудом в результате многих исторических исследований. «В той отрасли исследования больше целины, чем открытого и освоенного» [48, с. 16]. Двуязычие и возникновение межнациональных языков историками отмечено уже в древних цивилизациях Востока. Ещё активнее эти процессы происходят сегодня, когда огромный объем существующей в мире информации требует единого языка и доступа к ней, функцию которого в данное время выполняет английский язык. В России, естественно, русский язык. В силу численной доминанты его носителей, участвующих в создании информационных и

сетевых массивов, утверждение одного из «мировых» или «региональных» языков в качестве государственного связано с глобальными историческими процессами. Не менее важные исторические события происходили и в средневековье, когда тюркский язык доминировал во всей Азии, от Дуная до Маньчжурии. Ход исторического развития общества часто менял свои полюса. На обломках Хазарского каганата мы наблюдаем становление Киевской Руси, Золотая Орда, а затем Московская Русь, Российская империя и СССР. Преемственность и последовательность – это и есть ход истории. Во все времена на территории России наблюдалось двуязычие. Возможно, в этом кроется одна из причин богатства русского языка. При смешанном двуязычии происходит влияние особенностей одного языка на речь в другом языке. Суть данного процесса заключается в перенесении особенностей соотношения между планом содержания и планом выражения одного языка на соотношение плана содержания и плана выражения другого языка. Получается своеобразное перераспределение значений между формами одного языка под влиянием структуры другого, а это неизбежно приводит к интерференции в языках. Известно, что интерференция как отрасль исследования стоит на стыке наук – лингвистики, социологии и этнопсихологии. Это объясняется тем, что сам объект изучения (двуязычие) выступает как многоаспектное, разнохарактерное явление.

Обзор исследуемого материала не позволяет объяснить все выявленные тюркизмы в названиях одежды и вооружения только этнокультурными контактами. В данном случае мы не отрицаем взаимопроникновение предметов, характерные субстрату. По этому поводу есть мнение В.И. Абаева: *«При заимствовании сфера языкового взаимодействия ограничена. Как правило, она бывает заметна, когда есть большая разница в культуре. Если же происходит соприкосновение двух народов, одинаковых в хозяйственном и в культурном отношениях, большого обмена не происходит, каждый довольствуется своей лексикой. Иначе говоря, заимствование – это пополнение лексики»* [ОПБК, с. 132]. В языках народов Кавказа тюркские по происхождению лексемы воспринимаются без осмысления семантического содержания модели эти-

мона, как бы в готовом виде, как языковой знак соответствующей реалии (понятия). Показателем освоенности иноязычного слова (как и предмета), его органического вхождения в лексико-семантическую систему языка служит превращение слова-«знака» в функционирующую модель. В отношении материальной культуры происходит то же самое, в момент своего вхождения в тот или иной язык иноязычное слово (вместе с предметом) в известной степени как бы механически переносится в него и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим его нормам, изменяет свою звуковую оболочку и смысловой объем. При субстрате часто многие термины языка заимствуются в калькированной форме.

Очень богатый языковой материал заимствованных тюркских слов, до сих пор не исследованный, содержится в адыгских языках. Особенно в названиях домашних и диких животных, зверей, птиц, продуктов питания, блюд, предметов домашнего обихода и хозяйственного назначения, топонимов и т.д., в модально-оценочных словах. Хотелось бы отметить, большой вклад внес в исследование тюркизмов Н.С. Джидалаев, но он выявлял их только в языках народов Дагестана (как он сам утверждает *«в этой работе представлены не все дагестанские заимствования из тюркских языков»*). Мы же рассматривали в основном тюркскую терминологию, касающуюся одежды и вооружения народов Северного Кавказа. Н.С. Джидалаев выявил наибольшее количество заимствований с тюркского языка в языках народов Дагестана. В нашем исследовании это относится, прежде всего, к кабардинскому языку, в котором сравнительно больше заимствований из соседнего карачаево-балкарского языка. Анализ лексического материала связанный с названиями верхней одежды (материала для ее изготовления), обуви, головных уборов и оружия, выявляет большой пласт слов, которые относятся к нескольким диалектам тюркского языка, заимствованные за весь период тюркокавказских этнокультурных взаимоотношений. Этнографические и лингвистические данные позволяют констатировать, что основные элементы всего комплекса как мужского, так и женского костюма привнесены тюркскими народами. Отдельные элементы уже сформир-

ровались на Кавказе, большой вклад внесли народы Дагестана, поскольку они, будучи лучшими ювелирами и мастерами, нивелировали все украшения под один стандарт. Это относится в первую очередь к вооружению (кинжалы, шашки и т.д.), газырям, поясам, нагрудникам и т.д. В данном случае, трудно определить количественное и доленое участие каждого народа в этом процессе, но конечный результат сотворчества позволяет им гордиться всем народам региона, как символом национальной одежды народов Кавказа. Важно отметить, эта форма одежды сумела объединить вкусы многоконфессионального и самого разноязычного региона России. В этнографическом плане это явление довольно редкое. Во-первых, это еще одно свидетельство, что была первичная «базовая» основа костюма, на фоне которого в дальнейшем сформировался «горский костюм». Во-вторых, у всех тюркских народов Кавказа, в том числе и казаков, в терминологии одежды и вооружения отсутствуют иноязычные слова, чего нельзя сказать о других народах региона. В то же время, наше исследование выявляет, что тюркская лексика в терминологии одежды и вооружения составляет большой пласт в языках народов Северного Кавказа. Мы думаем, это не случайное совпадение. Тюркские народы, с древнейших времен, объединяя Восток с Западом, превращали их во взаимодействующие субъекты, способствовали определенному скачку в их развитии. В мировой практике неизвестно, чтобы объединительный процесс протекал гладко. Однако, например, Золотая Орда, объединившая огромные просторы Азии и Европы, положила конец бесконечным войнам между ее народами. Это касается и русских княжеств. Трудно создавать трансконтинентальные империи, а еще труднее управлять ими, создавая условия для мирного развития. Северный Кавказ долгое время входил в государственные объединения, созданные тюркскими народами. Вплоть до конца XVIII века тюркский язык являлся языком межнационального общения. Язык – это не просто средство общения, это образ мышления, выражение понятий, которыми мы руководствуемся в жизни, обмен информацией для передачи достижений во всех сферах. Более того, история материальной культуры каждого народа от-

ражена в лексике его языка. Мы в большей степени обосновали свой материал на лексической базе, которая менее подвержена идеологической деформации.

Этнографы часто пользуются одним правилом, суть которого заключается в следующем. Считается, что длительные и тесные культурные контакты живущих по соседству народов, одинаковые природные условия, общность исторических судеб приводят к формированию сходных художественных вкусов и во многом способствуют сложению одинаковых форм одежды. С такой постановкой можно согласиться, но только отчасти, поскольку на земном шаре можно найти сотни мест с одинаковыми климатическими условиями (Альпы, Карпаты, Кордильеры и т.д.). Однако кавказская одежда не имеет ничего общего с одеждой народов этих регионов планеты. Более того, даже родственные племена в Африке имеют существенные различия в татуировке и раскрашивании тела (это надо воспринимать как одежду), каждое племя имеет свой наряд, чтобы отличаться от другого племени. Это можно наблюдать и на Кавказе, где армяне, аджарцы, хевсуры и калмыки не восприняли традиционный горский костюм. В этой связи приведем один любопытный пример. Традиционная одежда крымских татар разделяется на два вида: одежда татар, которые жили у побережья, по форме наиболее близка к турецкой одежде; одежда населения внутреннего Крыма практически одинакова с кавказской одеждой [215, с. 267, 271].

Кавказ – уникальный для исторической науки регион. Его географическое положение на стыке Европы и Азии стало причиной формирования самобытной кавказской культуры. Здесь, как свидетельствуют археологические данные, проходили древние пути миграций народов Восточной Европы, Малой и Средней Азии, происходили контакты европейских, ближневосточных и среднеазиатских культур. Эти исторические процессы, оседания определенной части миграционных потоков и сформировали сегодняшний полиэтнический облик Кавказа. В этом плане традиционная одежда народов Кавказа является памятником многослойным, который на протяжении многих веков своего формирования впитал в себя в качестве органических ком-

СОКРАЩЕНИЯ

- АЗРС – Азербайджанско-русский словарь / Сост. Х.А. Азизбеков. Баку, 1965.
 АРС – Аварско-русский словарь / Сост. М. Саидов. М., 1967.
 БРС – Башкирско-русский словарь. М., 1958.
 БРС – *Болгаро-русский словарь*. М., 1966.
 ГРМС – Гагаузско-русско-молдованский словарь, М., 1973.
 ДСАЯ – Диалектический словарь азербайджанского языка. Баку, 1964.
 ДСТЯ – Диалектический словарь татарского языка. Казань, 1969.
 ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1962.
 КаБРС – Кабардино-русский словарь / Под ред. Б.М. Карданова. М., 1957.
 КазРС – Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1989г.
 КарС – Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, А.А. Зайончковского, С.М. Шапшала. М., 1974.
 КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
 КРС – Кумыкско-русский словарь. / Сост. А.Г. Магомедов. М., 1969.
 КирРС – Киргизско-русский словарь. М., 1940.
 ЛзРС – Лезгинско-русский словарь / Сост. Б. Талибов, М. Гаджиев. 1966.
 ЛРС – Лакско-русский словарь / Сост. С.М. Хайдаков. М., 1962.
 МРС – Молдавско-русский словарь. М., 1966.
 НРС – Ногайско-русский словарь. М., 1963.
 МК – Kaşgari Mahmut. Divanu Lugat-it-turk tersumesi, I–III c., Ankara, 1939–1940.
 ПРС – Персидско-русский словарь / Сост. Б.В. Миллер. М., 1953.
 РАС – Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1964.
 РАС – Русско-аварский словарь / Сост. М. Саидов, Ш.И. Микаилов. Махачкала, 1951.
 РазС – Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1951.
 РАрС – Русско-арабский словарь / Сост. В.М. Борисов. М., 1967.
 РБС – Русско-башкирский словарь / Под ред. Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Г. Байшева. М., 1948.
 РДС – Русско-даргинский словарь / Сост. С. Абдулаев. Махачкала, 1950.
 РКазС – Русско-казахский словарь / Под ред. Н. Сауранбаева. М., 1964.
 РК-ЧС – Русско-кабардино-черкесский словарь / Под ред. А.О. Шогенцукова. М., 1955.
 РКС – Русско-кумыкский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. М., 1960.
 РЛС – Русско-лакский словарь / Сост. Г.Б. Муркелинский. Махачкала, 1953.
 РТС – Русско-турецкий словарь / Сост. Э.М. Мустафаев, В.Г. Щербицкий. М., 1972.
 ССТН – Будагов Л. Сравнительный словарь тюркских наречий, т. I–II, СПб., 1869, II, 1871.
 СР – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I–IV, СПб., 1893, 1899, 1905, 1911.
 ТАС – Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XVIII в. «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
 ТатРС – Татарско-русский словарь. М., 1966.
 ТРС – Туркмено-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. М., 1968.
 ТСВЯ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т. I, М., 1982.
 ПЭСРЯ – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1962.
 ПРС – Персидско-русский словарь. М., 1984.
 ПДП – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., изд. АН СССР, 1951.
 ЛВСВ – Литература Востока в средние века. М., 1970.
 ОПБК – О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
 ФЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I, II, III, IV. М., 1973.
 ЭСЧЯ – Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. М., 1967.
 ЭСТЯ – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1976, 1978, 1980.
 ЭТСН – В.В. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
 ШЭСРЯ – Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967.
 ШСТРЯ – Шипов Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
 ИССТЯ – Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XV в. М., 1979.
 ИКНИИ – Известия карачаевского научно-исследовательского института. № 5. Черкесск, 2009.

абхаз.	–	абхазский язык
ав.	–	аварский язык
адыг.	–	адыгейский язык
аз.	–	азербайджанский язык
алт.	–	алтайский язык
анд.	–	андийский язык
араб.	–	арабский язык
ахиск.	–	ахинский язык
баш.	–	башкирский язык
болг.	–	болгарский язык
булг.	–	българский язык
бур.	–	бурятский язык
венг.	–	венгерский язык
гаг.	–	гагаузский язык
груз.	–	грузинский язык
дарг.	–	даргинский язык
джаг.	–	джагатайский язык
др.-тюрк.	–	древнетюркский язык
инг.	–	ингушский язык
каб.	–	кабардинский язык
каз.	–	казахский
караим.	–	караимский язык
кар.-балк.	–	карачаево-балкарский язык
кирг.	–	киргизский язык
к.-калп.	–	каракалпакский язык
крым.-тат.	–	крымско-татарский язык
кум.	–	кумыкский язык
калм.	–	калмыцкий язык
лак.	–	лакский язык
лезг.	–	лезгинский язык
монг.	–	монгольский язык
ног.	–	ногайский
осет.	–	осетинский язык
перс.	–	персидский язык
рус.	–	русский язык
тат.	–	татарский язык
тур.	–	турецкий язык
турк.	–	туркменский язык
тув.	–	тувинский
узб.	–	узбекский язык
уйгур.	–	уйгурский язык
хак.	–	хакасский язык
чуваш.	–	чувашский язык
чечн.	–	чеченский
шор.	–	шорский язык
якут.	–	якутский